ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

А. С. ПУШКИНА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ

и

драматическія произведенія.

изданіє второє, книгопродавца **Я. А. ИСАКОВА.**

> САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1869.

OTABAL TPHTIİ. —— EBFEDIÄ OUSTUDS.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

(1823 - 1831.)

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil, qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПЛЕТНЕВУ.

Не мысля гордый свёть забавить, Вниманье дружбы возлюбя, Хотёль-бы я тебё представить Залогъ достойнёе тебя, Достойнёе души прекрасной, Святой исполненной мечты, Поэзіи живой и ясной, Высокихъ думъ и простоты; Но такъ и быть — рукой пристрастной Прими собранье пестрыхъ главъ, Полусмёшныхъ, полупечальныхъ, Простонародныхъ, идеальныхъ, Небрежный плодъ моихъ забавъ, Безсонницъ, легкихъ вдохновеній, Незрёлыхъ и увядшихъ лётъ,

Ума холодныхъ наблюденій И сердца горестныхъ замътъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. *)

И жить торопится, и чувствовать спёшить. К. Вяземскій.

T.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ, Когда не въ шутку занемогъ; Онъ уважать себя заставилъ, И лучше выдумать не могъ: Его примъръ другимъ наука; Но, Боже мой, какая скука Съ больнымъ сидъть и день и ночь, Не отходя ни шагу прочь! Какое низкое коварство Полуживаго забавлять, Ему подушки поправлять, Печально подносить лекарство, Вздыхать и думать про себя: Когда-же чертъ возьметъ тебя!»

II.

Такъ думалъ молодой повъса, Летя въ пыли на почтовыхъ, Всевышней волею Зевеса Наслъдникъ всъхъ своихъ родныхъ. Друзья Людмилы и Руслана!

^{*)} Въ выноскахъ сообщаемъ варіанты перваго изданія 1825— 1832.

Съ героемъ моего романа, Безъ предисловій, сей-же часъ, Позвольте познакомить васъ: Онътинъ, добрый мой пріятель, Родился на брегахъ Невы. Гдъ, можетъ быть, родились вы, Или блистали, мой читатель! Тамъ нъкогда гулялъ и я: Но вреденъ съверъ для меня 1).

III.

Служивъ отлично благородно, Долгами жилъ его отецъ, Давалъ три бала ежегодно, И промотался наконецъ. Судьба Евгенія хранила: Сперва madame за нимъ ходила, Потомъ monsieur ее смѣнилъ. Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ. Мопзіеur l'Abbé, французъ убогой, Чтобъ не измучилось дитя, Училъ его всему шутя, Не докучалъ моралью строгой, Слегка за шалости бранилъ, И въ Лѣтній-садъ гулять водилъ.

Iγ.

Когда-же юности мятежной Пришла Евгенію пора, Пора надеждъ и грусти нъжной, Monsieur прогнали со двора.

^{&#}x27;) Писано въ Бессарабіи. lib.pushkinskijdom.ru

Вотъ мой Онфгинъ на свободѣ; Остриженъ по послѣдней модѣ; Какъ dandy ²) лондонскій одѣтъ, И наконецъ увидѣлъ свѣтъ. Онъ по-французки совершенно Могъ изъясняться и писалъ, Легко мазурку танцовалъ, И кланялся непринужденно: Чего-жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ, Что онъ уменъ и очень милъ.

ν.

Мы всё учились по немногу, Чему-нибудь и какт-нибудь, Такт воспитаньемть, слава Богу, У наст немудрено блеснуть. Онёгинт былт, по митнью многихт (Судей рёшительныхт и строгихт), Ученый малый, но педантт: Имёлт онт счастливый талантт, Безт принужденья вт разговорт, Коснуться до всего слегка; Ст ученымт видомт знатока Хранить молчанье вт важномт спорт, И возбуждать улыбку дамть Огнемт нежданныхт эпиграмть.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынъ: Такъ, если правду вамъ сказать, Онъ зналъ довольно по-латынъ,

²⁾ Dandy, франть.

Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналь,
Въ концъ письма поставить valе
Да помнилъ хоть не безъ гръха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имълъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли;
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имъя Для звуковъ жизни не щадить, Не могъ онъ ямба отъ хорея, Какъ мы не бились, отличить; Бранилъ Гомера, Өеокрита; За то читалъ Адама Смита, И былъ глубокій экономъ, То есть, умълъ судить о томъ, Какъ государство богатёетъ, И чъмъ живетъ, и почему Не нужно золота ему, Когда простой продуктъ имъетъ. Отецъ понять его не могъ, И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгеній, Пересказать мив недосугъ; Но въ чемъ онъ истинный былъ геній, Что зналъ онъ тверже всъхъ наукъ, Что было для него измлада

И трудъ, и мука и отрада, Что занимало цълый день Его тоскующую лънь, — Была наука страсти нъжной, Которую воспълъ Назонъ, За что страдальцемъ кончилъ онъ Свой въкъ блестящій и мятежной Въ Молдавіи, въ глуши степей, Вдали Италіи своей.

IX.

Χ.

Какъ рано могъ онъ лицемърить,
Таить надежду, ревновать,
Разувърять, заставить върить,
Казаться мрачнымъ, изнывать,
Являться гордымъ и послушнымъ,
Внимательнымъ, иль равнодушнымъ!
Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
Какъ пламенно красноръчивъ,
Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
Однимъ дыша, одно любя,
Какъ онъ умълъ забыть себя!
Какъ взоръ его былъ быстръ и нъженъ,
Стыдливъ и дерзокъ, а порой
Блисталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умълъ казаться новымъ, Шутя невинность изумлять, Пугать отчаяньемъ готовымъ, Пріятной лестью забавлять, Ловить минуту умиленья, Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья Умомъ и страстью побѣждать, Невольной ласки ожидать, Молить и требовать признанья, Подслушать сердца первый звукъ, Преслѣдовать любовь — и вдругъ Добиться тайнаго свиданья, И послѣ, ей наединѣ Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить Сердца кокетокъ записныхъ!
Когда-жъ хотълось уничтожить Ему соперниковъ своихъ, Какъ онъ язвительно злословилъ! Какія съти имъ готовилъ! Но вы, блаженные мужья, Съ нимъ оставались вы друзья: Его ласкалъ супругъ лукавый, Фобласа давній ученикъ, И недовърчивый старикъ, И рогоносецъ величавый, Всегда довольный самъ собой, Своимъ объдомъ и женой.

XIII. XIV.

lib.pushkinskijdom.ru

XΥ.

Бывало, онъ еще въ постелъ, Къ нему записочки несутъ. Что, приглашенья? Въ самомъ дълъ, Три дома на вечеръ зовутъ: Тамъ будетъ балъ, тамъ дътскій праздникъ. *) Куда-жъ поскачетъ мой проказникъ? Съ кого начнетъ онъ? Все равно, Вездъ поспъть немудрено. Покамъстъ въ утреннемъ уборъ, Надъвъ широкій боливаръ 3), Онъгинъ ъдетъ на бульваръ, И тамъ гуляетъ на просторъ, Пока недремлющій брегетъ Не прозвонитъ ему объдъ.

XVI.

Ужъ темно; въ санки онъ садится; «Поди! поди!» раздался крикъ; Морозной пылью серебрится Его бобровый воротникъ. Къ Talon 4) помчался: онъ увъренъ, Что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ; Вошелъ, и пробка въ потолокъ, Вина кометы брызнулъ токъ, Предъ нимъ гоаѕt-becf окровавленный, И трюфли, роскошь юныхъ лътъ, Французской кухни лучшій цвътъ,

^{*) •}У князя баль, у графа праздникь •

³⁾ Шляпа à la Bolivar.

⁴⁾ Извёстный рестораторъ.

И Страсбурга пирогъ нетлённый Межъ сыромъ Лимбургскимъ живымъ И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда проситъ Залить горячій жиръ котлетъ; Но звонъ брегета имъ доноситъ, Что новый начался балетъ. Театра злой законодатель, Непостоянный обожатель Очаровательныхъ актрисъ, Почетный гражданинъ кулисъ, Онъгинъ полетълъ къ театру, Гдъ каждый, критикой дыша, Готовъ охлопать entrechat, Общикать Федру, Клеопатру, Моину вызвать — для того, Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ, въ стары годы, Сатиры смълой властелинъ, Блисталъ Фонвизинъ, другъ свободы, И переимчивый Княжнинъ; Тамъ Озеровъ невольны дани Народныхъ слезъ, рукоплесканій Съ младой Семеновой дълилъ; Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ Корнеля геній величавой; Тамъ вывелъ колкій Шаховской Своихъ комедій шумный рой; Тамъ и Дидло вънчался славой; Тамъ, тамъ, подъ сънію кулисъ, Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Что вы? Гдё вы? Внемлите мой печальный глась: Все тё-же-ль вы? другія-ль дёвы, Смёнивъ, не замёнили васъ? Услышу-ль вновь я ваши хоры? Узрю-ли русской Терпсихоры Душой исполненный полетъ? Иль взоръ унылый не найдетъ Знакомыхъ лицъ на сценё скучной, И, устремивъ на чуждый свётъ Разочарованный лорнетъ, Веселья зритель равнодушной, Безмолвно буду я зёвать И о быломъ вспоминать?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ; Партеръ и кресла, все кипитъ; Въ райкъ нетерпъливо плещутъ, И, взвившись занавъсъ шумитъ. Блистательна, полувоздушна, Смычку волшебному послушна, Толпою нимъъ окружена, Стоитъ Истомина; она, Одной ногой касаясь пола, Другою медленно кружитъ, И вдругъ прыжекъ, и вдругъ летитъ, Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола; То станъ совьетъ, то разовьетъ, И быстрой ножкой ножку бъетъ.

XXI.

Все хлопаетъ. Онътинъ входитъ; Идетъ межъ креселъ по ногамъ; Двойной лорнетъ скосясь наводитъ На ложи незнакомыхъ дамъ; Всъ ярусы окинувъ взоромъ, Все видълъ: лицами, уборомъ, Ужасно недоволенъ онъ; Съ мужчинами со всъхъ сторонъ Раскланялся; потомъ на сцену Въ большомъ разсъяньи взглянулъ, Отворотился и зъвнулъ, И молвилъ: «всъхъ пора на смъну; Балеты долго я терпълъ, Но и Дидло мнъ надоълъ.» 5)

XXII.

Еще амуры, черти, эмёи
На сценё скачуть и шумять;
Еще усталые лакеи
На шубахь у подъёзда спять;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлоцать;
Еще спаружи и внутри
Вездё блистають фонари;
Еще прозябнувь бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера вокругь огней
Бранять господь—и бьють въ ладони,
А ужъ Онёгинъ вышель вонъ:
Домой одёться ёдеть онъ.

⁵⁾ Черта охлажденнаго чувства, достойная Чильдъ - Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болёе поэзіи, нежели во всей французской литературѣ.

XXIII.

Изображу-ль въ картинъ върной Уединенный кабинетъ, Гдъ модъ воспитанникъ примърной Одътъ, раздътъ и вновь одътъ? Все, чъмъ для прихоти обильной, Торгуетъ Лондонъ щепетильной, И по Балтическимъ волнамъ За лъсъ и сало возитъ намъ, Все, что въ Парижъ вкусъ голодной, Полезный промыселъ избравъ, Изобрътаетъ для забавъ, Для роскоши, для нъги модной,—Все украшало кабинетъ Философа въ осъмнадцатъ лътъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда, Фарфоръ и бронза на столъ, И, чувствъ изнъженныхъ отрада, Духи въ граненомъ хрусталъ; Гребенки, пилочки стальныя, Прямыя ножницы, кривыя, И щетки тридцати родовъ, И для ногтей, и для зубовъ. Руссо (замъчу мимоходомъ) Не могъ понять, какъ важный Гриммъ Смълъ чистить ногти передъ нимъ, Красноръчивымъ сумасбродомъ? 6)

⁶⁾ Tout le monde sut pu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc

Защитникъ вольности и правъ Въ семъ случав совсвиъ не правъ.

XXV.

Быть можно дёльнымъ человёкомъ И думать о красё ногтей:
Къ чему безплодно спорить съ вёкомъ? Обычай — деспотъ межъ людей.
Второй ***, мой Евгеній,
Боясь ревнивыхъ осужденій,
Въ своей одеждё былъ педантъ И то, что мы назвали франтъ.
Онъ три часа, по-крайней-мёрё,
Предъ зеркалами проводилъ,
И изъ уборной выходилъ
Подобный вётренной Венерё,
Когда, надёвъ мужской нарядъ,
Богиня ёдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послъднемъ вкусъ туалетомъ Занявъ вашъ любопытный взглядъ, Я могъ-бы предъ ученымъ свътомъ Здъсь описать его нарядъ; Конечно-бъ это было смъло,

sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau. (Confessions J. J. Rousseau.)

Гримых опередиль свой въкъ: нинѣ во всей просвъщенной Европъ чистять ногти особенною щеточкою.

Описывать мое-же дёло;
Но панталоны, фракъ, жилетъ, —
Всёхъ этихъ словъ на русскомъ нётъ.
А вижу я, винюсь предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бёдный слогъ
Пестрёть гораздо меньше-бъ могъ
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій словарь.

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметъ. Мы лучше поспъшимъ на балъ, Куда стремглавъ въ ямской каретъ Ужъ мой Онъгинъ поскакалъ. Передъ померкшими домами, Вдоль сонной улицы, рядами Двойные фонари каретъ Веселый изливаютъ свътъ И радуги на снъгъ наводятъ, Усъянъ плошками кругомъ, Блеститъ великолъпный домъ; По цъльнымъ окнамъ тъни ходятъ, Мелькаютъ профили головъ И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

·XXVIII.

Вотъ нашъ герой подъйхаль въ свиямъ; Швейцара мимо, онъ стрвлой Взлетвлъ по мраморнымъ ступенямъ, Расправилъ волосы рукой. Вошелъ. Полна народу зала; Музыка ужъ греметь устала; Толпа мазуркой занята;

Кругомъ и шумъ и тъснота; Бренчатъ кавалергарда шпоры; Летаютъ ножки милыхъ дамъ, По ихъ плънительнымъ слъдамъ Летаютъ пламенные взоры, И ревомъ скрипокъ заглушенъ Ревнивый шепотъ модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній Я быль оть баловь безь ума: Върнъй нъть мъста для признаній И для врученія письма. О вы, почтенные супруги! Вамь предложу свои услуги; Прошу мою замѣтить рѣчь: Я вась хочу предостеречь. Вы также, маменьки, построже За дочерьми смотрите вслъдь, Держите прямо свой лорнеть, Не то.... не то, избави Боже! Я это потому пишу, Что ужь давно я не гръшу.

XXX.

Увы, на разныя забавы
Я много жизни погубиль!
Но если-бъ не страдали нравы,
Я балы-бы до сихъ поръ любилъ.
Люблю я бъшенную младость,
И тъсноту, и блескъ, и радость,
И дамъ обдуманный нарядъ;
Люблю ихъ ножки — только врядъ
Найдете вы въ Россіи цълой
т III.

Три пары стройныхъ женскихъ ногъ. Ахъ, долго я забыть не могъ Двъ ножки!... Грустный, охладълой, Я все ихъ помню, и во снъ Онъ тревожатъ сердце миъ *).

XXXI.

Когда-жъ и гдё, въ какой пустынё, Безумець, ихъ забудешь ты? Ахъ, ножки, ножки! гдё вы нынё? Гдё мнете вешніе цвёты? Взлелёяны въ восточной нёгё, На сёверномъ печальномъ снёгё Вы не оставили слёдовъ: Любили мягкихъ вы ковровъ Роскошное прикосновенье. Давно-ль для васъ я забывалъ И жажду славы и похвалъ, И край отцевъ и заточенье? Исчезло счастье юныхъ лётъ, Какъ на лугахъ вашъ легкій слёдъ!

XXXII.

Діаны грудь, ланиты Флоры Прелестны, милые друзья! Однако ножка Терисихоры Прелестнъй чъмъ-то для меня. Она, пророчествуя взгляду, Неоцъненную награду

^{*) «}Двѣ ножки!... Грустний, охладѣлой —
«И нынче иногда во сиѣ
«Онѣ емущаютъ сердце мнѣ *).»

^{*) «}Непростительный галлицизмъ. Соч.» (Прим. Пушк.)

Влечетъ условною красой Желаній своевольный рой Люблю ее, мой другъ Эльвина, Подъ длинной скатертью столовъ, Весной на муравъ луговъ, Зимой на чугунъ камина, На зеркальномъ паркетъ залъ, У моря на гранитъ скалъ.

XXXIII.

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидоваль волнамъ,
Бъгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!
Нътъ, никогда средь пылкихъ дней
Кипящей младости моей,
Я не желалъ съ такимъ мученьемъ
Лобзать уста младыхъ Армидъ,
Иль розы пламенныхъ данитъ,
Иль перси, полные томленьемъ,
Нътъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души моей!

XXXIV.

Мит памятно другое время:
Въ завътныхъ иногда мечтахъ
Держу я счастливое стремя,
И ножку чувствую въ рукахъ;
Опять кипитъ воображенье,
Опять ея прикосновенье
Зажгло въ увядшемъ сердцъ кровь,
Опять тоска, опять любовь....

Но, полно прославлять надменныхъ Болтливой лирою своей:
Онъ не стоютъ ни страстей,
Ни пъсень, ими вдохновенныхъ,
Слова и взоръ волшебницъ сихъ
Обманчивы какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что-жъ мой Онъгинъ? Полусонный Въ постелю съ бала ъдетъ онъ, А Петербургъ неугомонный Ужъ барабаномь пробужденъ. Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ. На биржу тянется извощикъ, Съ кувшиномъ охтянка спъшитъ, Подъ ней снъгъ утренній хруститъ. Проснулся утра шумъ пріятный; Открыты ставни; трубный дымъ Столбомъ восходитъ голубымъ, И хлъбникъ, нъмецъ аккуратный, Въ бумажномъ колпакъ, не разъ Ужъ отворялъ свой васиедасъ.

XXXVI.

Но, шумомъ бала утомленной И утро въ полночь обратя, Спокойно спитъ въ тъни блаженной Забавъ и роскоши дитя. Проснется заполдень, и снова До утра жизнь его готова; Однообразна и пестра, И завтра то-же, что вчера. Но былъ-ли счастливъ мой Евгеній, Свободный, въ цвътъ лучшихъ лътъ,

Среди блистательныхъ побъдъ, Среди вседневныхъ наслажденій? Вотще-ли былъ онъ средь пировъ Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ, рано чувства въ немъ остыли; Ему наскучилъ свѣта шумъ; Красавицы не долго были Предметъ его привычныхъ думъ; Измѣны утомить успѣли; Друзья и дружба надоѣли, Затѣмъ, что не всегда-же могъ Веоf-steaks и Страсбургскій пирогъ Шампанской обливать бутылкой, И сыпать острыя слова, Когда болѣла голова; И хоть онъ былъ повѣса пылкой, Но разлюбилъ онъ наконецъ И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
Давно-бы отыскать пора,
Подобный англійскому сплину,
Короче — русская хандра
Имъ овладъла понемногу;
Онъ застрълиться, слава Богу,
Попробовать не захотълъ,
Но къ жизни вовсе охладълъ.
Какъ Child-Harold, угрюмый, томный,
Въ гостиныхъ появлялся онъ;
Ни сплетни свъта, ни бостонъ,
Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,

Ничто не трогало его, Не замъчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

XLII.

Причудницы большаго свъта!
Всъхъ прежде васъ оставилъ онъ.
И правда то, что въ наши лъта
Довольно скученъ высшій *) тонъ.
Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуетъ Сен и Бентама;
Но вообще ихъ разговоръ
Несносный, хоть невинный вздоръ.
Къ тому-жъ онъ такъ непорочны,
Такъ величавы, такъ умны,
Такъ благочестія полны,
Такъ осмотрительны, такъ точны, **)
Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ раждаетъ сплинъ 7).

^{*) •} Лучшій •.

^{**) •}Къ тому-жъ онъ такъ величавы Такъ непорочны, такъ умны, Такъ благочестія полны, Такъ чисто сохраняютъ нравы.•

⁷⁾ Вся сія проническая строфа на что иное, какъ тонкая поквала прекраснымъ нашимъ соотечественницамъ. Такъ Буале, подъвидомъ укоризни, хвалить Лудовика XIV. Наши дамы соединяютъ просвъщение съ любезностью и строгую чистоту нравовъ съ этом весточною предестью, столь плънивнею Г-жу Сталь.

XLIII.

И вы, красотки молодыя, Которыхъ позднею порой Уносятъ дрожки удалыя По петербургской мостовой, — И васъ покинулъ мой Евгеній. Отступникъ бурныхъ наслажденій, Онъгинъ дома заперся, Зъвая за перо взялся, Хотълъ писать, но трудъ упорный Ему былъ тошенъ; ничего Не вышло изъ пера его, И не попалъ онъ въ цехъ задорный Людей, о коихъ не сужу, Затъмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова, преданный бездёлью,
Томясь душевной пустотой,
Усёлся онъ съ похвальной цёлью
Себё присвоить умъ чужой;
Отрядомъ книгъ уставият полку,
Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совёсти, въ томъ смысла нётъ,
На всёхъ различныя вериги;
И устарёла старина,
И старымъ бредитъ новизна.
Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку, съ пыльной ихъ семьей
Задернулъ траурной тафтой.

XLY.

Условій свъта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И ръзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ,
Обоихъ ожидала злоба
Слъпой фортуны и людей
На самомъ утръ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жиль и мыслиль, тоть не можеть Въ душт не презирать людей; Кто чувствоваль, того тревожить Призракъ невозвратимыхъ дней — Тому ужъ нътъ очарованій, Того змія воспоминаній, Того раскаянье грызетъ. Все это часто придаетъ вольшую прелесть разговору. Сперва Онъгина языкъ Меня смущаль, но я привыкъ Къ его язвительному спору, И къ шуткъ, съ желчью пополамъ, И къ злости мрачныхъ эпиграмъ.

XLVII.

Какъ часто лътнею порою, Когда прозрачно и свътло Ночное небо надъ Невою ⁸), И водъ веселое стекло Не отражаетъ ликъ Діаны, Воспомня прежнихъ лътъ романы,

в) Читатели помиятъ прелестное описаніе петербургской ночи въ идилліи Гийдича.

[•]Вотъ ночь: но не меркнуть златистыя полосы облакъ. Безъ звъздъ и безъ мъсяца вся озаряется дальность. На взморь далекомъ сребристыя видны в трила Чуть видныхъ судовъ, какъ по синему небу плывущихъ. Сіяньемъ безсумрачнымъ небо ночное сіястъ, И пурпуръ заката сливается съ здатомъ востока; Какъ-будто денница ва вечеромъ следомъ выводить Румяное утро. Бына то година златая, Какъ летніе дни похищають владычество ночи, Какъ взоръ иноземца на съверномъ небъ плъняетъ Сліянье волшебное тіни и сладкаго світа, Какимъ никогда не украшено небо полудня, Та ясность, подобная прелестямъ съверной дъвы, Которой глаза голубые и алыя щеки Едва отвияются русыми локовъ волнами. Тогла налъ Невой и налъ пышнымъ Петрополемъ видятъ Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тани, Тогла Филомела полночныя ифсин лишь кончить, И пъсни заводить, привътствую день восходящій. Но поздно; повъяла свъжесть на Невскія тундры, Воть полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячью весель, Нева не колыхнеть; разъёхались гости градскіе; Ни гласа на брегъ, пи зыби на влагъ, все тихо: Лишь изредка гуль оть мостовь пробежить надъ водою; Лишь крикъ протяженный изъ дальней промчится деревии, Гдв въ ночь окливается рагная стража со стр ажей.

Воспомня прежнюю любовь, Чувствительны, безпечны вновь, Дыханьемъ ночи благосклонной Безмолвно упивались мы! Какъ въ лъсъ зеленой изъ тюрьмы Перенесенъ колодникъ сонной, Такъ уносились мы мечтой Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душею, полной сожальній, И опершися на гранить, Стояль задумчиво Евгеній, Какъ описаль себя Піить ⁹). Все было тихо; лишь ночные Перекликались часовые, Да дрожекъ отдаленный стукъ Съ Мильонной раздавался вдругъ; Лишь лодка, веслами махая, Плыла по дремлющей ръкъ, И насъ плъняла вдалекъ Рожокъ и пъсня удалая. Но слаще, средь ночныхъ забавъ, Напъвъ Торкватовыхъ октавъ!

XLIX.

Адріатическія волны! О Брента! Ніть, увижу вась,

(М. Н. Муравьевъ. Богинъ Невы.)

⁹⁾ Взявъ богиню благосклонну Зритъ восторженный Пінтъ, Что проводитъ ночь безсонну, Опершися на гранитъ.

И, вдохиовенья снова полный, Услышу вашъ волшебный гласъ! Онъ святъ для внуковъ Аполлона; По гордой лиръ Альбіона Онъ мнъ знакомъ, онъ мнъ родной. Ночей Италіи златой Я нъгой наслажусь на волъ, Съ венеціянкою младой, То говорливой, то нъмой, Плывя въ таинственной гондолъ; Съ ней обрътутъ уста мои Языкъ Петрарки и любви.

L.

Придетъ-ли часъ моей свободы? Пора, пора! взываю къ ней; Брожу надъ моремъ 10), жду погоды, Маню вътрила кораблей. Подъ ризой бурь съ волнами споря, По вольному распутью моря Когда-жъ начну я вольный бъгъ? Пора покинуть скучный брегъ Мнъ непріязненной стихіи, И средь полуденныхъ зыбей, Подъ небомъ Африки моей 11) Вздыхать о сумрачной Россіи, Гдъ я страдалъ, гдъ я любилъ, Гдъ сердце я похоронилъ....

¹⁰⁾ Писано въ Одессъ.

¹¹⁾ Авторъ, со стороны матери, происхожденія африканскаго.

LI.

Онфгинъ былъ готовъ со мною Увидъть чуждыя страны; Но скоро были мы судьбою На долгій срокъ разведены. Отецъ его тогда скончался. Передъ Онфгинымъ собрался Заимодавцевъ жадный полкъ. У каждаго свой умъ и толкъ; Евгеній, тяжбы ненавидя, Довольный жребіемъ своимъ, Наслъдство предоставилъ имъ, Большой потери въ томъ не видя, Иль предузнавъ издалека Кончину дяди старика.

LII.

Вдругъ получилъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, Отъ управителя докладъ, Что дядя при смерти въ постелѣ, И съ нимъ проститься былъ-бы радъ. Прочтя печальное посланье, Евгеній тотчасъ на свиданье Стремглавъ по почтѣ поскакалъ, И ужъ заранѣе зѣвалъ, Приготовлясь, денегъ ради, На вздохи, скуку и обманъ (И тѣмъ я началъ мой романъ); Но, прилетѣвъ въ деревню дяди, Его нашелъ ужъ на столѣ, Какъ дань, готовую землѣ.

LIII.

Нашель онъ полонь дворь услуги: Къ покойнику со всъхъ сторонъ Събзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили.
Попы и гости бли, пили,
И послъ важно разошлись,
Какъ-будто дъломъ занялись.
Вотъ нашъ Онъгинъ сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лъсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель, —
И очень радъ, что прежній путь
Перемънилъ на что-нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы Уединенныя поля, Прохлада сумрачной дубровы, Журчанье тихаго ручья; На третій, роща, холмъ и поле Его не занимали болъ, Потомъ ужъ наводили сонъ; Потомъ увидълъ исно онъ, Что и въ деревнъ скука та-же, Хоть нътъ ни улицъ, ни дворцовъ, Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ. Хандра ждала его на стражъ, И бъгала за нимъ она, Какъ тънь, иль върная жена.

LV.

Я быль рождень для жизни мирной, Для деревенской тишины: Въ глуши звучнъе голосъ лирной, Живъе творческіе сны. Досугамъ посвятясь невиннымъ, Брожу надъ озеромъ пустыннымъ, И far niente мой законъ. Я каждымъ утромъ пробужденъ Для сладкой нъги и свободы: Читаю мало, много сплю, Летучей славы не ловлю. Не такъ-ли я въ былые годы Провелъ въ бездъйствіи, въ тиши, Мои счастливъйшіе дни?

LVI.

Цвъты, любовь, деревня, праздность, Поля! я преданъ вамъ душой. Всегда я радъ замътить разность Между Онъгинымъ и мной, Чтобы насмъшливый читатель, Или какой-нибудь издатель Замысловатой клеветы, Сличая здъсь мои черты, Не повторялъ потомъ безбожно, Что намаралъ я свой портретъ, Какъ Байронъ, гордости поэтъ, — Какъ-будто намъ ужъ невозможно Писать поэмы о другомъ, Какъ только о себъ самомъ?

LVII.

Замвчу кстати: всв поэты Любви мечтательной друзья. Вывало, милые предметы Мнв снились, и душа моя Ихъ образъ тайный сохранила; Ихъ поель Муза оживила:

Такъ я, безпеченъ, воспъвалъ И дъву горъ, мой идеалъ, И плънницъ береговъ Салгира. Теперь отъ васъ, мои друзья, Вопросъ меръдко слышу я: «О комъ твоя вздыхаетъ лира? Кому, въ толпъ ревнивыхъ дъвъ, Ты посвятилъ ея напъвъ?

LVIII.

«Чей взоръ, волнуя вдохновенье, Умильной лаской наградилъ Твое задумчивое пънье? Кого твой стихъ боготворилъ?» И, други, никого, ей Богу! Любви безумную тревогу Я безотрадно испыталъ. Блаженъ, кто съ нею сочеталъ Горячку рифмъ: онъ тъмъ удвоилъ Поэзіи священный бредъ, Петраркъ шествуя во-слъдъ, А муки серца успокоилъ, Поймалъ и славу между-тъмъ; Но я, любя, былъ глупъ и нъмъ.

LIXe

Прошла любовь, явилась Муза, И прояснился темный умъ. Свободенъ, вновь ищу союза Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ; Пишу, и сердце не тоскуетъ; Перо, забывшись, не рисуетъ, Близъ неоконченныхъ стиховъ Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;

Погасшій пепель ужь не вспыхнеть. Я все грущу; но слезь ужь нівть, И скоро, скоро бури слівдь Вь душів моей совсівнь утихнеть. Тогда-то я начну писать Поэму, півсень вь двадцать пять.

LX.

Я думаль ужь о формѣ плана, И кажѣ героя назову, Покамѣсть моего романа Я кончиль первую главу; Пересмотрѣлъ все это строго: Противорѣчій очень много, Но ихъ исправить не хочу. Ценсурѣ долгъ свой заплачу, И журналистамъ на съѣденье Плоды трудовъ моихъ отдамъ: Иди-же къ Невскимъ берегамъ, Новорожденное творенье! И заслужи мнѣ сдавы дань — Кривые толки, шумъ и брань!

TAABA BTOPAA.

O rus. Hor. O Pvcы

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній, Былъ прелестный уголокъ; Тамъ другъ невинныхъ наслажденій Благословить-бы небо могъ. Господскій домъ уединенный, Горой отъ вътровъ огражденный, Стояль надъ ръчкою; вдали Предъ нимъ пестръли и цвъли Луга и нивы золотыя, Мелькали села здъсь и тамъ, Стада бродили по лугамъ, И съни расширяль густыя Огромный, запущенный садъ, Пріютъ задумчивыхъ дріадъ.

II.

Почтенный замовъ быль построенъ, Какъ замки строиться должны: Отмънно проченъ и спокоенъ, Во вкусъ умной старины. Вездъ высокіе поком, Въ гостинной штофные обои, Портреты дъдовъ на стънахъ, И печи въ пестрыхъ изразцахъ. Все это нынъ обветшало, Не знаю право почему, Да впрочемъ другу моему Въ томъ нужды было очень мало, Затъмъ, что онъ равно зъвалъ Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ поков поселился, Гдв деревенскій старожилъ Летъ сорокъ съ ключницей бранился, Въ окно смотрелъ и мухъ давилъ. Все было просто: полъ дубовый, Два шкафа, столъ, диванъ пуховый, Нигдъ ни пятнышка чернилъ. Онъгинъ шкафы отворилъ: Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода, Въ другомъ наливокъ цълый строй, Кувшины съ яблочной водой, И календарь осьмаго года: Старикъ, имъя много дълъ, Въ иныя книги не глядълъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній, Чтобъ только время проводить, Сперва задумалъ нашъ Евгеній Порядокъ новый учредить. Въ своей глуши мудрецъ пустынной, Яремъ онъ барщины старинной Оброкомъ легкимъ замѣнилъ — Мужикъ судьбу благословилъ. За то въ углу своемъ надулся, Увидя въ этомъ страшной вредъ, Его разсчетливый сосѣдъ; Другой лукаво улыбнулся, И въ голосъ всѣ рѣшили такъ, Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

٧.

Сначала всё къ нему ёзжали; Но такъ какъ съ задняго крыльца Обыкновенно подавали Ему Донскаго жеребца, Лишь только вдоль большой дороги Зашлышатъ ихъ домашни дроги: Поступкомъ оскорбясь такимъ,

Всё дружбу прекратили съ нимъ. «Сосёдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ, Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно Стаканомъ красное вино; Онъ дамамъ къ ручкё не подходитъ; Все да, да нътъ, не скажетъ да-съ Иль нътъ-съ.» Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту-же пору Помъщикъ новый прискакалъ, И столь-же строгому разбору Въ сосъдствъ поводъ подавалъ: По имени Владиміръ Ленской, Съ душою прямо Геттингенской, Красавецъ, въ полномъ цвътъ лътъ, Поклонникъ Канта и поэтъ. Онъ изъ Германіи туманной Привезъ учености плоды: Вольнолюбивыя мечты, Духъ пылкій и довольно странный, Всегда восторженную ръчь, И кудри черныя до плечъ.

VII.

Отъ хладнаго разврата свъта
Еще увянуть не усиввъ,
Его душа была согръта
Привътомъ друга, лаской дъвъ,
Онъ сердцемъ милый былъ невъжда;
Его лелъяла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще плъняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой

Сомнънья сердца своего. Цъль жизни нашей для него Была заманчивой загадкой; Надъ ней онъ голову ломалъ, И чудеса подозръвалъ *).

VIII.

Онъ върилъ, что душа родная Соединиться съ нимъ должна; Что, безотрадно изнывая, Его вседневно ждетъ она; Онъ върилъ, что друзья готовы За честь его принять оковы, И что не дрогнетъ ихъ рука Разбить сосудъ клеветника; Что есть избранные судьбами, Людей священные друзья, Что ихъ безстрастная семья Неотразимыми лучами Насъ новымъ счастьемъ озаритъ И міръ блаженствомъ подаритъ.

IX.

Негодованье, сожалёнье,
Ко благу чистая любовь,
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой странствоваль на свътъ,
Подъ небомъ Шиллера и Гёте;
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ;

[&]quot;) «Воображаль.» lib.pushkinskijdom.ru

И Музъ возвышенныхъ искусства, Счастливецъ, онъ не постыдилъ: Онъ въ пъсняхъ гордо сохранилъ Всегда возвышенныя чувства, Порывы дъвственной мечты И прелесть важной простоты.

$\mathbf{X}$

Онъ пълъ любовь, любви послушный, И пъснь его была ясна, Какъ мысли дъвы простодушной, Какъ сонъ младенца, какъ луна Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ, Богиня тайнъ и вздоховъ нъжныхъ. Онъ пълъ разлуку и печаль, И нъчто, и туманну даль, *) И романтическія розы; Онъ пълъ тъ дальныя страны, Гдъ долго въ лонъ тишины Лились его живыя слёзы. Онъ пълъ поблеклой жизни цвътъ Безъ малаго въ осьмнадцать лътъ.

XI.

Въ пустынъ, гдъ одинъ Евгеній Могъ оцънить его дары, Господъ сосъдственныхъ селеній Ему не нравились пиры; Бъжалъ онъ ихъ бесъды шумной. Ихъ разговоръ благоразумной

^{*) «}И романтическую даль, И увядающія розы....»

О сънокосъ, о винъ, О псарнъ, о своей роднъ, Конечно, не блисталъ ни чувствомъ, Ни поэтическимъ огнемъ, Ни остротою, ни умомъ, Ни общежитія искусствомъ; Но разговоръ ихъ милыхъ женъ Гораздо меньше былъ уменъ. *)

. XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ; Таковъ обычай деревенскій: Всѣ дочекъ прочили своихъ За полу-русскаго сосѣда. Войдетъ-ли онъ — тотчасъ бесѣда Заводитъ слово стороной О скукѣ жизни холостой; Зовутъ сосѣда къ самовару, А Дуня разливаетъ чай; Ей шепчутъ: «Дуня, примѣчай!» Потомъ приносятъ и гитару, И запищитъ она (Богъ мой!): Прійди въ чертогъ ко мню златой! 12)....

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно Охоты узы брака несть, Съ Онѣгинымъ желалъ сердечно Знакомство покороче свесть.

^{*)} Еще быль менте уменъ.

¹²⁾ Изъ первой части Двъпровской Русалки.
Iib.pushkinskijdom.ru

Они сошлись: волна и камень, Стихи и проза, ледъ и пламень Не столь различны межъ собой. Сперва взаимной разнотой Они другъ другу были скучны, Потомъ понравились, потомъ Съъзжались каждый день верхомъ, И скоро стали не разлучны. Такъ люди, первый каюсь я, Отъ дълатъ-нечего друзья.

XIV.

Но дружбы нёть и той межь нами. Всё предразсудки истребя, Мы почитаемъ всёхъ нулями, А единицами себя; Мы всё глядимъ въ Наполеоны; Двуногихъ тварей милліоны Для насъ орудіе одно; Намъ чувство дико и смёшно. Сноснёе многихъ былъ Евгеній; Хоть онъ людей, конечно, зналъ, И вообще ихъ презиралъ; Но правилъ нётъ безъ исключеній: Иныхъ онъ очень отличалъ, И вчужё чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушаль Ленскаго съ улыбкой: Поэта пылкій разговоръ, И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкой, И въчно вдохновенный взоръ. — Онъгину все было ново; Онъ охладительное слово Въ устахъ старался удержать, И думалъ: глупо мнё мёшать Его минутному блаженству; И безъ меня пора прійдетъ; Пускай покамёстъ онъ живетъ, Да вёритъ міра совершенству; Простимъ горячкё юныхъ лётъ И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все раждало споры И къ размышленію влекло: Племенъ минувшихъ договоры, Плоды наукъ, добро и зло, И предразсудки въковые, И гроба тайны роковыя, Судьба и жизнь, въ свою чреду — Все подвергалось ихъ суду. Поэтъ въ жару своихъ сужденій Читалъ, забывшись, между-тъмъ, Отрывки съверныхъ поэмъ; И снисходительный Евгеній Хоть ихъ немного понималъ, Прилежно юношъ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынниковъ моихъ.
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
Онъгинъ говорилъ о нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалънья.
Блаженъ, кто въдалъ ихъ волненья
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженнъй тотъ, кто ихъ не зналъ,

Кто охлаждаль любовь разлукой, Вражду злословіемь; порой Зъваль съ друзьями и женой, Ревнивой не тревожась мукой, И дъдовъ върный капиталь Коварной двойкъ не ввъряль!

XVIII.

Когда прибъгнемъ мы подъ знамя Благоразумной тишины, Когда страстей угаснетъ пламя, - И намъ становятся смъшны Ихъ своевольство, ихъ порывы И запоздалые отзывы: Смиренные не безъ труда, Мы любимъ слушать иногда Страстей чужихъ языкъ мятежный, И намъ онъ сердце шевелитъ; Такъ точно старый инвалидъ Охотно клонитъ слухъ прилежный Къ разсказамъ юныхъ усачей, Забытый въ хижинъ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можетъ ничего скрывать:
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
Въ любви считаясь инвалидомъ,
Онъгинъ слушалъ съ важнымъ видомъ,
Какъ, сердца исповъдь любя,
Поэтъ высказывалъ себя.
Свою довърчивую совъсть
Онъ простодушно обнажалъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Евгеній безъ труда узналъ Его любви младую повъсть, Обильный чувствами разсказъ, Давно не новыми для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта Уже не любятъ; какъ одна Безумная душа поэта Еще любить осуждена: Всегда, вездъ одно мечтанье, Одно привычное желанье, Одна привычная печаль! Ни охлаждающая даль, Ни долгія лѣта разлуки, Ни Музамъ данныя часы, Ни чужеземныя красы, Ни шумъ веселій, ни науки Души не измѣнили въ немъ, Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плъненный, Сердечныхъ мукъ еще не знавъ, Онъ былъ свидътель умиленный Ея младенческихъ забавъ; Въ тъни хранительной дубравы Онъ раздълялъ ея забавы, И дътямъ прочили вънцы, Друзья-сосъди, ихъ отцы. Въ глуши, подъ сънію смиренной, Невинной прелести полна, Въ глазахъ родителей, она Цвъла какъ ландышъ потаенной,

Незнаемый въ травъ глухой Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ;
И мысль о ней одушевила
Его цъвницы первый стонъ.
Простите, игры золотыя!
Онъ рощи полюбилъ густын,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звъзды, и луну —
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулку средь вечерней тмы,
И слёзы, тайныхъ мукъ отраду....
Но нынъ видимъ только въ ней
Замъну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна, Всегда какъ утро весела, Какъ жизнь поэта простодушна, Какъ поцёлуй любви мила, Глаза какъ небо голубые, Улыбка, локоны льняные, Движенья, голосъ, легкій станъ, Все въ Ольгъ.... Но любой романъ Возьмите, и найдете върно Ея портретъ: онъ очень милъ; Я прежде самъ его любилъ; Но надоблъ онъ мит безмърно. Позвольте мит, читатель мой, Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна ¹³)....
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что-жъ? оно пріятно, звучно;
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанъе старины,
Иль дѣвичьей. Мы всѣ должны
Признаться, вкусу очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство — больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьяной. Ни красотой сестры своей, Ни свъжестью ея румяной, Не привлекла-бъ она очей. Дика, печальна, молчалива, Какъ лань лъсная боязлива, Она въ семъъ своей родной Казалась дъвочкой чужой, Она ласкаться не умъла Къ отцу, ни къ матери своей; Дитя сама, въ толиъ дътей Играть и прыгать не хотъла,

¹³) Сладкозвучнѣйшія греческія имена, каковы, напримѣръ: Агаеонъ, Филатъ, Өедора, Өекла и проч., употребляются у насътолько между простолюдинами.

И часто цълый день одна Сидъла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей;
Ея изнъженныя пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пяльцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примъта:
Съ послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
Къ приличю, закону свъта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;
Про въсти города, про моды
Бесъды съ нею не вела.
И были дътскія проказы
Ей чужды; страшные разсказы
Зимою, въ темнотъ ночей,
Плъняли больше сердце ей.
Когда-же няня собирала
Для Ольги, на широкій лугь,
Всъхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горълки не играла:
Ей скученъ былъ и звонкій смъхъ,
И шумъ ихъ вътренныхъ утъхъ.

XXVIII.

Она любила на балконъ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блъдномъ небосклонъ
Звъздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свътлъетъ,
И, въстникъ утра, вътеръ въетъ,
И восходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тънь
Полміромъ долъ обладаетъ,
И долъ въ праздной тишинъ,
При отуманенной лунъ,
Востокъ лънивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свъчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы, Они ей замённли всё; Она влюбилася въ обманы И Ричардсона, и Руссо. Отецъ ея былъ добрый малый, Въ прошедшемъ въкъ запоздалый, Но въ книгахъ не видалъ вреда: Онъ, не читая никогда, Ихъ почиталъ пустой игрушкой, И не заботился о томъ, Какой у дочки тайный томъ Дремалъ до утра подъ подушкой. Жена-жъ его была сама Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона,
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла; ¹⁴)
Но встарину княжна Алина,
Ея московская кузина,
Твердила часто ей о нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ
Ея супругъ, но по неволъ
Она вздыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болъ—
Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
Игрокъ, и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одъта
Всегда по модъ и къ лицу.
Но, не спросись ея совъта,
Дъвицу повезли къ вънцу.
И чтобъ ея разсъять горе,
Разумный мужъ уъхалъ вскоръ
Въ свою деревню, гдъ она,
Богъ знаетъ къмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась,
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла, и довольна стала.

¹⁴) Грандисонъ и Левласъ, герои двухъ славныхъ романовъ. lib.pushkinskijdom.ru

Привычка свыше намъ дана, Замъна счастію она ¹⁵).

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничёмъ;
Открытіе большое вскорт
Ее утёшило совсёмъ.
Она межъ дёломъ и досугомъ
Открыла тайну какъ супругомъ
Единовластно управлять, *)
И все тогда пошло на стать.
Она взжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь,
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало писывала кровью Она въ альбомы нъжныхъ дъвъ, Звала Полиною Прасковью, И говорила на-распъвъ; Корсетъ носила очень узкій, И русскій Н, какъ N французскій, Произносить умъла въ носъ; Но^фскоро все перевелось: Корсетъ, альбомъ, княжну Полину,

¹⁵) Si j'avois la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude. (Шатобріань).

^{*) ·} Kaer Проставова управлять. » lib.pushkinskijdom.ru

Стишковъ чувствительныхъ тетрадь Она забыла — стала звать Акулькой прежнюю Селину, И обновила наконецъ На ватъ шлафоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно, Въ сн затъп не входилъ, Во всемъ ей въровалъ безпечно, А самъ въ халатъ тлъ и пилъ. Покойно жизнь его катилась; Подъ вечеръ иногда сходилась Состдей добрая семья—

Нецеремонные друзья, И потужить, и позлословить, И посмъяться кой о чемъ. Проходитъ время; между-тъмъ Прикажутъ Ольгъ чай готовить; Тамъ ужинъ, тамъ и спать пора, И гости тдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной Привычки милой старины: У нихъ на масляницъ жирной Водились русскіе блины. Два раза въ годъ они говъли, Любили круглыя качели, Подблюдны иъсни, хороводъ; Въ день Троицынъ, когда народъ Зъвая слушаетъ молебенъ, Умильно на пучокъ зари Они роняли слезки три.

lib.pashkinskijdom.ru

Имъ квасъ какъ воздухъ былъ потребенъ, И за столомъ у нихъ гостямъ Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они старвии оба.
И отворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріялъ ввнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ объдомъ,
Оплаканный своимъ сосъдомъ,
Дътьми и върною женой,
Чистосердечнъй, чъмъ иной.
Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдъ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
Смиренный гръшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и Бригидиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный, Владиміръ Ленскій посётилъ Сосёда памятникъ смиренный, И вздохъ онъ пеплу посвятилъ; И долго сердцу грустно было. «Poor-Yorick! 16) молвилъ онъ уныло, Онъ на рукахъ меня держалъ; Какъ часто въ дётствё я игралъ Его Очаковской медалью!

¹⁶⁾ Вёдный Іорикь! — восклицаніе Гамлета надъ черепомъ шута. (См. Шекспира и Стерна.)
11b. pushkinskiidom.ru

Онъ Ольгу прочилъ за меня; Онъ говорилъ: дождусь-ии дня?...». И, полный искренней печалью, Владиміръ тутъ-же начерталъ Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ-же надписью печальной Отца и матери, въ слезахъ Почтилъ онъ прахъ патріархальной.... Увы на жизненныхъ браздахъ Мгновенной жатвой, поколѣнья, По тайной волѣ Провидѣнья, Восходятъ, зрѣютъ и падутъ; Другія имъ во слѣдъ идутъ.... Такъ наше вѣтряное племя Растетъ, волнуется, кипитъ, И къ гробу прадѣдовъ тѣснитъ. *) Придетъ, придетъ и наше время, И наши внуки въ добрый часъ Изъ міра вытѣснятъ и насъ.

XXXIX.

Покамъстъ упивайтесь ею, Сей легкой жизнію, друзья! Ем ничтожность разумъю, И мало къ ней привязанъ я; Для призраковъ закрылъ я въжды; Но отдаленныя надежды Тревожатъ сердце иногда: Безъ непримътнаго слъда

^{*) «}Спѣшитъ.»

Мнъ было-бъ грустно міръ оставить Живу, пишу не для похвалъ; Но я-бы, кажется, желалъ Печальный жребій свой прославить, Чтобъ обо мнъ, какъ върный другъ, Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье-нибудь онъ сердце тронетъ; И сохраненная судьбой, Быть можетъ, въ Летъ не потонетъ Строфа, слагаемая мной; Быть можетъ — лестная надежда! — Укажетъ будущій невъжда На мой прославленный портретъ, И молвитъ: то-то былъ поэтъ!... Прими-жъ мое благодаренье, Поклонникъ мирныхъ Аонидъ, О ты, чья память сохранитъ Мои летучія творенья, Чья благосклонная рука Потреплетъ лавры старика!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Elle était fille, elle était amoureuse.

Malfilatre.

I.

«Куда? Ужъ эти мнъ поэты!

— Прощай, Онъгинъ, мнъ пора. —
«Я не держу тебя; но гдъ ты
Свои проводишь вечера?»

— У Лариныхъ. — «Вотъ это чудно.

lib.pushkinskijdom.ru

Помилуй! и тебѣ не трудно
Такъ каждый вечеръ убивать?»
— Ни мало. — «Не могу понять.
Отселѣ вижу, что такое:
Во-первыхъ, слушай, правъ-ли я?
Простая, русская семья,
Къ гостямъ усердіе большое,
Варенье, вѣчный разговоръ
Про дождь, про ленъ, про скотный дворъ....»

II.

— Я тутъ еще бъды не вижу. —

«Да скука, вотъ бъда, мой другъ.»

— Я модный свътъ вашъ ненавижу;
Милъе миъ домашній кругъ,
Гдт я могу.... — «Опять энлога!
Да полно, милый, ради Бога.
Ну, что-жъ? ты ъдешь: очень жаль.
Ахъ, слушай, Ленскій, да нельзя-ль
Увидъть миъ Филлиду эту,
Предметъ и мыслей, и пера,
И слезъ, и рифмъ et cetera?
Представь меня.» — Ты шутишь! — «Нъту.»

— Я радъ. — «Когда-же?» — Хоть сейчасъ.
Онъ съ охотой примутъ насъ.

III.

«Поъдемъ.»

Поскакали други, Явились; имъ расточены Порой тяжелыя услуги Гостепріимной старины. Обрядъ извъстный угощенья: Несутъ на блюдечкахъ варенья,

На столикъ ставятъ вощаной Кувшинъ съ брусничною водой.

IV.

Они дорогой самой краткой Домой летять во весь опоръ 17). Теперь подслушаемъ украдкой Героевъ нашихъ разговоръ. — Ну, что-жъ, Онъгинъ? ты зъваешь. — «Привычка, Ленскій.» — Но скучаешь Ты какъ-то больше. — «Нътъ, равно. Однако въ полъ ужъ темно; Скоръй! пошелъ, пошелъ, Андрюшка! Какія глупыя мъста! А, кстати: Ларина проста, Но очень милая старушка; Боюсь: брусничная вода Мнъ не надълала-бъ вреда.»

ν.

«Скажи, которая Татьяна?» — Да та, которая грустна

¹⁷⁾ Въ первомъ изданіи, вмѣсто домой летять, было ошибкою напечатано зимой летять (что не имѣло никакого смысла). Критики, того не разобравъ, находили анохронизмъ въ слѣдующихъ строфахъ.

Смѣемъ увѣрить, что въ нашемъ романѣ время разсчислено по календарю.

И молчалива какъ Свътлана,
Вошла и съла у окна. —

«Неужто ты влюбленъ въ меньшую?»

— А что? — «Я выбралъ-бы другую,
Когда-бъ я былъ, какъ ты, поэтъ.
Въ чертахъ у Ольги жизни нътъ,
Точь въ точь въ Вандиковой Мадонъ: *)
Кругла, красна лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глубомъ небосклонъ.»
Владиміръ сухо отвъчалъ,
И послъ во весь путь молчалъ.

VI.

Межъ-тъмъ Онъгина явленье У Лариныхъ произвело На всъхъ большое впечатлънье, И всъхъ сосъдей развлено. Пошла догадка за догадкой. Всъ стали толковать украдкой, Шутить, судить не безъ гръха, Татьянъ прочить жениха; Иные даже утверждали, Что свадьба слажена совсъмъ, Но остановлена затъмъ, Что модныхъ колецъ не достали. О свадьбъ Ленскаго давно У нихъ ужъ было ръшено.

VII.

Татьяна слушала съ досадой Такія сплетни; но тайкомъ

^{*) «}Какъ у Вандиковой Мадонф.»

Съ неизъяснимою отрадой Невольно думала о томъ; И въ сердце дума заронилась; Пора пришла, она влюбилась: Такъ въ землю падшее зерно Весны огнемъ оживлено. Давно ея воображенье, Сгорая нъгой и тоской, Алкало пищи роковой; Давно сердечное томленье Тъснило ей младую грудь; Душа ждала.... кого-нибудь.

VIII.

И дождалась. Открылись очи; Она сказала: это онъ! Увы! теперь и дни, и ночи, И жаркій, одинокій сонъ, Все полно имъ; все дѣвѣ милой Безъ умолку волшебной силой Твердитъ о немъ. Докучны ей И звуки ласковыхъ рѣчей, И взоръ заботливой прислуги. Въ уныніе погружена, Гостей не слушаетъ она, И проклинаетъ ихъ досуги, Ихъ неожиданный пріѣздъ И продолжительный присѣстъ.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ Читаедъ сладостный романъ, Съ какимъ живымъ очарованьемъ

lib.pushkinskijdom.ru

Пьетъ обольстительный обманъ! Счастливой силою мечтанья Одушевленныя созданья, Любовникъ Юліи Вольмаръ, Малекъ-Адель и де-Линаръ, И Вертеръ, мученикъ мятежной, И безподобный Грандисонъ 18), Который намъ наводитъ сонъ; Всъ для мечтательницы нъжной Въ единый образъ облеклись, Въ одномъ Онъгинъ слились.

X.

Воображансь героиней Своихъ возлюбленныхъ творцовъ, Кларисой, Юліей, Дельфиной, Татьнна въ тишинъ лъсовъ Одна съ опасной книгой бродитъ: Она въ ней ищетъ и находитъ Свой тайный жаръ, свои мечты, Плоды сердечной полноты, Вздыхаетъ, и, себъ присвон Чужой восторгъ, чужую грусть, Въ забвеньи шепчетъ наизусть Письмо для милаго героя.... Но нашъ герой, кто-бъ ни былъ онъ, Ужъ върно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настроя, Бывало пламенный творецъ

¹⁸⁾ Юлія Вольмаръ — Новая Элонза. Милекъ - Адель, герой посредственнаго романа М-е Cottin. Густавъ де-Линаръ, герой прелестной повъсти баронессы Крюднеръ.

Являль намь своего героя
Какъ совершенства образець.
Онъ одаряль предметь любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Питая жаръ чистъйшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концъ послъдней части
Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вънокъ.

XII.

А нынче всё умы въ тумане, Мораль на васъ наводить сонъ. Порокъ любезенъ и въ романе, И тамъ ужъ торжествуетъ онъ. Британской музы небылицы Тревожатъ сонъ отроковицы, И сталъ теперь ен кумиръ Или задумчивый Вампиръ, Или Мельмотъ, бродига мрачный, Иль Въчный Жидъ, или Корсаръ, Или таинственный Сбогаръ 19). Лордъ Байронъ, прихотью удачной, Облекъ въ унылый романтизмъ — И безнадежный эгоизмъ.

¹⁹) Вампиръ, повъсть, неправильно принисанная Лорду Байрону. Мельмотъ, геніяльное произведеніе Матюрина. Jean Sbogar, извъстный романъ Карла Нодье.

XIII.

Друзья мои, что-жъ толку въ этомъ? Быть можетъ, волею небесъ, Я перестану быть поэтомъ, въ меня вселится новый бъсъ, И, Фебовы презръвъ угрозы, Унижусь до смиренной прозы: Тогда романъ на старый ладъ Займетъ веселый мой закатъ. Не муки тайныя злодъйства Я грозно въ немъ изображу, Но просто вамъ перескажу Преданья русскаго семейства, Любви плънительные сны, Да нравы нашей старины.

XIV.

Перескажу простыя ржчи
Отца иль дяди старика,
Джтей условленныя встржчи
У старыхъ лицъ, у ручейка,
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вжнецъ....
Я вспомню ржчи нжги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которыя въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Мнж приходили на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвыкъ.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью:
Ты въ руки моднаго тирана
Ужъ отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты въ ослъпительной надеждъ
Блаженство темное зовешь,
Ты нъгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслъдуютъ мечты:
Вездъ воображаешь ты
Пріюты счастливыхъ свиданій;
Вездъ, вездъ передъ тобой
Твой искуситель роковой.

XVI.

Тоска любви Татьяну гонить,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ,
И лънь ей далъе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухъ шумъ, и блескъ въ очахъ....
Настанетъ ночь, луна обходитъ
Дозоромъ дальній сводъ небесъ,
И соловей во мглъ древесъ
Напъвы звучные заводитъ.
Татьяна въ темнотъ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ:

XVII.

«Не спится, няня: здёсь такъ душно! Открой окно, да сядь ко мнё.» — Что, Тапя, что съ тобой? — «Мий скучно; Поговоримъ о старинв.»
— О чемъ-же, Таня? Я, бывало, Хранила въ памяти не мало Старинныхъ былей, небылицъ Про злыхъ духовъ и про дйвицъ; А нынй все мий темно, Таня, Что знала, то забыла. Да, Пришла худая череда! Зашибло.... — «Разскажи мий, няня, Про ваши старые года: Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

— И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то-бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь. —
«Да какъ-же ты вѣнчалась, няня?»
— Такъ, видно, Богъ велълъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнъ тринадцать лѣтъ.
Недѣли дѣѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;
Мнъ съ плачемъ косу расплели,
И съ пѣньемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую.... Да ты не слушаешь меня....— «Ахъ, няня, няня, я тоскую, Мий тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!...>
— Дитя мое, ты нездорова;
Господь, помилуй и спаси!
Чего ты кочешь, попроси....
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь....— «Я не больна;
Я.... знаешь, няня.... влюблена...>
— Дитя мое, Господь съ тобою! —
И няня дъвушку съ мольбой
Крестила дряхлою рукой.

XX.

«Я влюблена,» шептала снова Старушкъ съ горестью она.

— Сердечный другъ, ты нездорова. — «Оставь меня: я влюблена.» И между-тъмъ луна сіяла И темнымъ свътомъ озаряла Татьяны блъдныя красы, И распущенные власы, И капли слезъ, и на скамейкъ Предъ героиней молодой, Съ платкомъ на головъ съдой, Старушку въ длинной тълогръйкъ; И все дремало *) въ тишинъ При вдохновительной лунъ.

XXI.

И сердцемъ далеко носилась Татьяна, смотря на луну....

^{*) «}Дишало.» lib.pushkinskijdom.ru

Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась....
«Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,
Да столъ подвинь; я скоро лягу;
Прости.» И вотъ она одна.
Все тихо. Свѣтитъ ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишетъ,
И все Евгеній на умѣ,
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь невинной дѣвы дышетъ.
Письмо готово, сложено....
Татьяна! для кого-жъ оно?

XXII.

Я зналь красавиць недоступныхь, Холодныхь, чистыхь какь зима, Неумолимыхь, неподкупныхь, Непостижимыхь для ума; Дивился я ихъ спёси модной, Ихъ добродётели природной, И признаюсь, отъ нихъ бёжаль, И, мнится, съ ужасомъ читаль Надъ ихъ бровями надпись ада: Оставь надежду навсегда 20). Внушать любовь для нихъ бёда, Пугать людей для нихъ отрада. Быть можетъ на брегахъ Невы Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ Другихъ причудницъ я виделъ,

²⁰⁾ Lasciate ogni speranza voi ch'ntrate. Скрожный авторъ перевель только первую половину славнаго стиха.

Самолюбиво-равнодушныхъ
Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.
И что-жъ нашелъ и съ изумленьемъ?
Опѣ, суровымъ поведеньемъ
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умѣли вновь
По-крайней-мъръ сожалъньемъ;
По-крайней-мъръ, звукъ ръчей
Казался иногда нъжнъй.
И съ легковърнымъ ослъпленьемъ
Опять любовникъ молодой
Бъжалъ за милой суетой.

XXIV.

За что-жъ виновнъе Татьяна? За то-ль, что въ милой простотъ Она не въдаетъ обмана П въритъ избранной мечтъ? За то-ль что любитъ безъ искусства, Послушная влеченью чувства, Что такъ довърчива она, Что отъ небесъ одарена Воображеніемъ мятежнымъ, Умомъ и волею живой, П своенравной головой, И сердцемъ пламеннымъ и нъжнымъ! Уже-ли не простите ей Вы легкомыслія страстей?

XXV.

Кокетка судитъ хладнокровно; Татьяна любитъ не шутя, И предается безусловно Любви, какъ милое дитя.

lib.pushkinskijdom.ru

Не говорить она: отложимь—
Любви мы цвну твмъ умножимъ,
Вврнве въ свти заведемъ;
Сперва тщеславіе кольнемъ
Надеждой, тамъ недоумвньемъ
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнемъ;
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

XXVI.

Еще предвижу затрудненье: Родной земли спасая честь, Я долженъ буду, безъ сомнёнья, Письмо Татьяны перевесть. Она по-русски плохо знала, Журналовъ нашихъ не читала, И выражалася съ трудомъ На языкъ своемъ родномъ, И такъ писала по-французски.... Что дълать! повторяю вновь: Донынъ дамская любовь Не изъяснялася по-русски, Донынъ гордый нашъ языкъ Къ почтовой прозъ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хотятъ заставить Читать по-русски. Право, страхъ! Могу-ли ихъ себъ представить Съ Благонамъреннымъ ²¹) въ рукахъ!

²¹) Журналь, некогда издаваемый покойнымь А. Измайловымь lib.pushkinskijdom.ru

Я шлюсь на васъ, мои поэты! Не правда-ль: милые предметы, Которымъ за свои гръхи Писали втайнъ вы стихи, Которымъ сердце посвящали, Не всъ-ли, русскимъ языкомъ Владъя слабо и съ трудомъ, Его такъ мило искажали, И въ ихъ устахъ языкъ чужой Не обратился-ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мит Богъ сойтись на балт, Иль при разътздт на крыльцт — Съ семинаристомъ въ желтой шалт, Иль съ академикомъ въ чепцт! Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки, Безъ грамматической ошибки Я русской ртчи не люблю. Быть можетъ, на бтду мою, Красавицъ новыхъ поколтнье, Журналовъ внявъ молящій гласъ, Къ грамматикт пріучитъ насъ; Стихи введутъ въ употребленье: Но я.... какое дтло мит? Я втренъ буду старинт.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепетъ, Неточный выговоръ ръчей

довольно неисвращно. Издатель однажды печатно извинялся передъ публикою тёмъ, что онъ на праздникахъ гулялъ.

По-прежнему сердечный трепетъ Произведутъ въ груди моей; Раскаяться во мнё нётъ силы, Мнё галлицизмы будутъ милы, Какъ прошлой юности грёхи, Какъ Богдановича стихи. Но полно. Мнё пора заняться Письмомъ красавицы моей; Я слово далъ, и что-жъ? ей-ей Теперь готовъ ужъ отказаться. Я знаю: нёжнаго Парни Перо не въ модё въ наши дни.

XXX.

Пъвецъ пировъ и грусти томной ²²), Когда-бъ еще ты былъ со мной, Я сталъ-бы просьбою нескромной Тебя тревожить, милый мой, Чтобъ на волшебные напъвы Переложилъ ты страстной дъвы Иноплеменныя слова.
Гдъ ты? приди — свои права Передаю тебъ съ поклономъ....
Но посреди печальныхъ скалъ, Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ, Одинъ подъ финскимъ небосклономъ Онъ бродитъ, и душа его Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною, Его я свято берегу,

²²) Е. А. Баратынскій.

Читаю съ тайною тоскою И начитаться не могу. Кто ей внушаль и эту нѣжность, И словъ любезную небрежность? Кто ей внушаль умильный вздоръ, Безумный сердца разговоръ И увлекательный, и вредный? Я не могу понять. Но вотъ Неполный, слабый переводъ, Съ живой картины списокъ блѣдный, Или разыгранный Фрейшицъ Перстами робкихъ ученицъ.

Письмо Татьяны къ Онъгину.

«Я къ вамъ пишу — чего-же боль? Что я могу еще сказать? Теперь, я знаю, въ вашей волъ Меня презръньемъ наказать. Но вы, къ моей несчастной долъ Хоть каплю жалости храня, Вы не оставите меня. Сначала я молчать хотела; Повърьте: моего стыда Вы не узнали-бъ никогда, Когда-бъ надежду я имъла, Хоть рёдко, хоть въ недёлю разъ, Въ деревив нашей видъть васъ, Чтобъ только слышать ваши рвчи, Вамъ слово молвить, и потомъ Все думать, думать объ одномъ И день и ночь до новой встръчи. Но говорять, вы нелюдимъ; Въ глуши, въ деревнъ, все вамъ скучно; А мы.... ни чёмъ мы не блестимъ, Хоть вамъ и рады простодушно. Зачёмъ вы посётили насъ? Въ глуши забытаго селенья Я никогда не знала-бъ васъ, Не знала-бъ горькаго мученья. Души неопытной волненья Смиривъ со временемъ (какъ знать?) По сердцу я нашла-бы друга, Была-бы вёрная супруга И добродётельная мать.

«Другой!... Нътъ, никому на свътъ Не отдала-бы сердца я! То въ Вышнемъ суждено совътъ.... То воля Неба — я твоя; Вся жизнь моя была залогомъ Свиданья върнаго съ тобой; Я знаю, ты мев посланъ Богомъ, До гроба ты хранитель мой.... Ты въ сновидъньяхъ мив являлся; Незримый, ты мив быль ужь миль, Твой чудный взглядъ меня томилъ, Въ душъ твой голосъ раздавался Давно.... Нътъ, это былъ не сонъ! Ты чуть вошель, я вмигь узнала, Вся обомивла, запылала, И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ! Не правда-ль? я тебя слыхала: Ты говориль со мной въ тиши, Когда я бъднымъ помогала, Или молитвой услаждала Тоску волнуемой души? И въ это самое мгновенье Не ты-ли, милое видънье,

lib.pushkinskijdom.ru

Въ прозрачной темнотъ мелькнулъ, Приникнуль тихо къ изголовью? Не ты-ль съ отрадой и любовью, Слова надежды мнъ шепнулъ? Кто ты: мой ангель-ли хранитель, Или коварный искуситель? Мои сомивныя разрыши. Быть можетъ, это все пустое, Обманъ неопытной души! И суждено совсёмъ иное.... Но такъ и быть! Судьбу мою Отнынъ я тебъ вручаю, • Передъ тобою слезы лью, Твоей защиты умодяю.... Вообрази: я здёсь одна, Никто меня не понимаетъ; Разсудокъ мой изнемогаетъ; И молча гибнуть я должна. Я жду тебя: единымъ взоромъ Надежды сердца оживи, Иль сонъ тяжелый перерви, Увы, заслуженнымъ укоромъ!

«Кончаю! страшно перечесть.... Стыдомъ и страхомъ замираю.... Но мнъ порукой ваша честь, И смъло ей себя ввъряю....»

XXXII.

Татьяна то вздохнеть, то охнеть; Письмо дрожить въ ея рукѣ; Облатка розовая сохнеть На воспаленномъ языкѣ. Къ плечу головушкой склонилась, Сорочка легкая спустилась Съ ея прелестнаго плеча. Но вотъ ужъ луннаго луча Сіянье гаснетъ. Тамъ долина Сквозь паръ яснветъ. Тамъ потокъ Засеребрился; тамъ рожокъ Пастушій будитъ селянина. Вотъ утро; встали всъ давно: Моей Татьянъ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ, Сидитъ съ поникшею главой, И на письмо не напираетъ Своей печати вырѣзной. Но, дверь тихонько отпирая, Ужъ ей Филипьевна сѣдая Приноситъ на подносѣ чай. — Пора, дитя мое, вставай: Да ты, красавица, готова! О пташка ранняя моя! Вечоръ ужъ какъ боялась я! Да, слава Богу, ты здорова! Тоски ночной и слѣду нѣтъ, Липе твое какъ маковъ цвѣтъ. —

XXXIV.

«Ахъ! няня, сдёлай одолженье....»

— Изволь, родная, прикажи! —
«Не думай.... право.... подозрёнье....
Но видишь.... Ахъ! не откажи.»

— Мой другъ, вотъ Богъ тебъ порука. —
«И такъ пошли тихонько внука
Съ запиской этой къ О.... къ тому....

Къ сосъду.... да велъть ему, Чтобъ онъ не говорилъ ни слова, Чтобъ онъ не называлъ меня....>
— Кому-же, милая моя?
Я нынче стала безтолкова.
Кругомъ сосъдей много есть:
Куда мнъ ихъ и перечесть. —

XXXV.

«Какъ недогадива ты, няня!»

— Сердечный другъ, ужъ я стара,
Стара; тупъетъ разумъ, Таня;
А то, бывало, я востра:
Бывало, слово барской воли.... —
«Ахъ, няня, няня! до того-ли?
Что нужды мнъ въ твоемъ умъ?
Ты видишь, дъло о письмъ
Къ Онъгину.» — Ну, дъло, дъло.
Не гнъвайся, душа моя,
Ты знаешь, непонятна я....
Да что-жъ ты снова поблъднъла? —
«Такъ, няня, право ничего.
Пошли-же внука своего.»

XXXVI.

Но день протекъ, и нѣтъ отвѣта. Другой насталъ: все нѣтъ, какъ нѣтъ. Блѣдна какъ тѣнь, съ утра одѣта, Татьяна ждетъ: когда-жъ отвѣтъ? Пріѣхалъ Ольгинъ обожатель. «Скажите: гдѣ-же вашъ пріятель?» Ему вопросъ хозяйки былъ: «Онъ что-то насъ совсёмъ забылъ.» Татьяна вспъ́хнувъ, задрожала.

— Сегодня быть онъ объщаль, Старушкъ Ленской отвъчаль: Да видно почта задержала— Татьяна потупила взоръ, Какъ-будто слыша злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столь блистая Шипыль вечерній самоварь, Китайскій чайникь нагрывая; Подь нимь клубился легкій парь. Разлитый Ольгиной рукою, По чашкамь темною струею Уже душистый чай быжаль, И сливки мальчикь подаваль; Татьяна предъ окномь стояла; На стекла хладныя дыша, Задумавшись, моя душа, Прелестнымь пальчикомь писала На отуманенномь стеклы Завытный вензель О да Е.

XXXVIII.

И между-тъмъ душа въ ней ныла, И слезъ былъ полонъ томный взоръ. Вдругъ топотъ!... вровь ен застыла. Вотъ ближе! скачутъ.... и на дворъ Евгеній. «Ахъ!» и легче тъни Татьяна прыгъ въ другія съни, Съ врыльца на дворъ, и нрямо въ садъ; Летитъ, летитъ; взглянуть назадъ Не смъетъ; мигомъ объжала Куртины, мостики, лужовъ, Аллею въ озеру, лъсовъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Кусты сирень переломала, По цвътникамъ летя къ ручью, И задыхаясь на скамью

XXXIX.

Упала....

«Здѣсь онъ! здѣсь Евгеній!
О Боже! что подумаль онъ!
Въ ней сердце, полное мученій,
Хранить надежды темный сонъ;
Она дрожить и жаромъ пышетъ,
И ждетъ нейдетъ-ли? Но не слышитъ.
Въ саду служанки на грядахъ
Сбирали ягоды въ кустахъ
И хоромъ по наказу пѣли
(Наказъ, основанный на томъ,
Чтобъ барской ягоды тайкомъ
Уста лукавыя не ѣли,
И пѣньемъ были заняты:
Затъя сельской остроты!)

Пъсня дъвушекъ.

«Дѣвицы красавицы, Душеньки подруженьки, Разыграйтесь, дѣвицы, Разгуляйтесь милыя! Затяните пѣсеньку, Пѣсеньку завѣтную, Заманите молодца Къ хороводу нашему. Какъ заманимъ молодца, Какъ завидимъ издали, Разбъжимтесь, милыя, Закидаемъ вишеньемъ, Вишеньемъ, малиною, Красною смородиной. Не ходи подслушивать Пъсеньки завътныя, Не ходи подсматривать Игры наши дъвичьи.»

XL.

Онв поють, и съ небреженьемъ Внимая звонкій голось ихъ, Ждала Татьяна съ нетерпвньемъ, Чтобъ трепетъ сердца въ ней затихъ. Чтобы прошло ланитъ пыланье; Но въ персяхъ то-же трепетанье, И не проходитъ жаръ ланитъ, Но ярче, ярче лишь горитъ. Такъ бёдный мотылекъ и блещетъ, И бьется радужнымъ крыломъ, Плененный школьнымъ шалуномъ; Такъ зайчикъ въ озими трепещетъ, Увидя вдругъ издалека Въ кусты припадшаго стрелка.

XLI.

Но наконецъ она вздохнула И встала со скамы своей; Пошла: но только повернула Въ аллею, прямо передъ ней, Блистая взорами, Евгеній Стоитъ подобно грозной тъни; И какъ огнемъ обожжена

Остановилася она.
Но слёдствія нежданной встрёчи Сегодня, милые друзья,
Пересказать не въ силахъ я;
Мнё должно послё долгой рёчи Й погулять, и отдохнуть:
Докончу послё какъ-нибудь.

THABA YETBEPTAS.

La morale est dans la nature de choses. Necker.

I. II. III. ΙΥ. Υ. ΥΙ. ΥΙΙ.

Чъмъ меньше женщину мы любимъ, Тъмъ легче нравимся мы ей, И тъмъ ее върнъе губимъ Средь обольстительныхъ сътей. Развратъ бывало хладнокровной Наукой славился любовной, Самъ о себъ вездъ трубя — И наслаждаясь не любя. Но эта важная забава Достойна старыхъ обезьянъ Хваленыхъ дъдовскихъ времянъ: Ловласовъ обветшала слава Со славой красныхъ каблуковъ И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемърить, Различно повторять одно?

lib.pushkinskijdom.ru

Стараться важно въ томъ увърить, Въ чемъ всъ увърены давно? Все тъ-же слышать возраженья; Уничтожать предразсужденья, Которыхъ не было и нътъ У дъвочки въ тринадцать лътъ? Кого не утомятъ угрозы, Моленья, клятвы, мнимый страхъ, Записки на шести листахъ, Обманы, сплетни, кольца, слезы, Надзоры тетокъ, матерей, И дружба тяжкая мужей?

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгеній. Онъ въ первой юности своей Былъ жертвой бурныхъ заблужденій И необузданныхъ страстей. Привычкой жизни избалованъ, Однимъ на время очарованъ, Разочарованный другимъ, Желаньемъ медленно томимъ, Томимъ и вътреннымъ успъхомъ, Внимая въ шумъ и въ тиши Роптанье въчное души, Зъвоту подавляя смъхомъ: Вотъ, какъ убилъ онъ восемь лътъ, Утратя жизни лучшій цвътъ!

X.

Въ прасавицъ онъ ужъ не влюблядся, А волочился пакъ-нибудь; Откажутъ — мигомъ утъщался; Измънятъ — радъ былъ отдохнуть. Онъ ихъ искаль безъ упоенья, А оставляль безъ сожальнья, Чуть помня ихъ любовь и злость. Такъ точно равнодушный гость На висть вечерній прівзжаеть, Садится; кончилась игра, Онъ убзжаеть со двора, Спокойно дома засыпаеть, И самъ не знаетъ поутру, Куда повдеть ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
Онъгинъ живо тронутъ былъ:
Языкъ дъвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блъдный цвътъ, и видъ унылой;
И въ сладостный, безгръшный сонъ
Душою погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старинной
Имъ на минуту овладълъ;
Но обмануть онъ не хотълъ
Довърчивость души невинной.
Теперь мы въ садъ перелетимъ,
Гдъ встрътилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двъ они молчали,
Но къ ней Онътинъ подошелъ
И молвилъ: «Вы ко мнъ писали,
Не отпирайтесь. Я прочелъ .
Души довърчивой признанья,
Любви невинной изліянья;

Мий ваша искренность мила; Она въ волненье привела Давно умолкнувшія чувства; Но васъ хвалить я не хочу; Я за нее вамъ отплачу Признаньемъ также безъ искусства; Примите исповъдь мою: Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII.

«Когда-бы жизнь домашнимъ кругомъ Я ограничить захотълъ;
Когда-бъ мнъ быть отцомъ, супругомъ Пріятный жребій повелълъ;
Когда-бъ семейственной картиной Плънился я хоть мигъ единой То върно-бъ кромъ васъ одной Невъсты не искалъ иной.
Скажу безъ блестокъ мадригальныхъ: Нашедъ мой прежній идеалъ, Я върно-бъ васъ одну избралъ Въ подруги дней моихъ печальныхъ, Всего прекраснаго въ залогъ, И былъ-бы счастливъ.... сколько могъ!

XIV.

«Но я не созданъ для блаженства, Ему чужда душа моя; Напрасны ваши совершенства: Ихъ вовсе недостоинъ я. Повърьте (совъсть въ томъ порукой), Супружество намъ будетъ мукой. Я, сколько не любилъ-бы васъ, Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ; Начнете плакать — ваши слезы Не тронутъ сердца моего, А будутъ лишь бъсить его. Судите-жъ вы, какія розы Намъ заготовитъ Гименей И, можетъ быть, на долго дней!

XV.

«Что можетъ быть на свътъ хуже Семьи, гдъ бъдная жена Груститъ о недостойномъ мужъ И днемъ и вечеромъ одна; Гдъ скучный мужъ, ей цъну зная (Судьбу однако-жъ проклиная), Всегда нахмуренъ, молчаливъ, Сердитъ и холодно-ревнивъ! Таковъ я. И того-ль искали Вы чистой пламенной душой, Когда съ такою простотой, Съ такимъ умомъ ко мнъ писали?

Когда съ такою простотой,
 Съ такимъ умомъ ко мнъ писали?
 Ужели жребій вамъ такой
 Назначенъ строгою судьбой?

XVI.

«Мечтамъ и годамъ нътъ возврата; Не обновлю души моей....
Я васъ люблю любовью брата
• И, можетъ быть, еще нъжнъй. Послушайте-жъ меня безъ гнъва: Смънитъ не разъ младая дъва Мечтами легкія мечты: Такъ деревцо свои листы Мъняетъ съ каждою весною. Такъ видно небомъ суждено.

Полюбите вы снова; но.... Учитесь властвовать собою, Не всякій васъ, какъ я, пойметъ; Къ бъдъ неопытность ведетъ.»

XVII.

Такъ проповъдывалъ Евгеній. Сквозь слезъ не видя ничего, Едва дыша, безъ возраженій, Татьяна слушала его. Онъ подалъ руку ей. Печально (Какъ говорится, машинально) Татьяна молча оперлась; Головкой томною склонясь, Пошла домой вкругъ огорода; Явились вмъстъ, и никто Не вздумалъ имъ нънять на то: Имъетъ сельская свобода Свои счастливыя права, Какъ и надменная Москва.

XVIII..

Вы согласитесь, мой читатель, Что очень мило поступилъ Съ печальной Таней нашъ пріятель; Не въ первый разъ онъ тутъ явилъ Души прямое благородство, Хотя людей недоброхотство Въ немъ не щадило ничего. Враги его, друзья его (Что, можетъ быть, одно и то-же) Его честили такъ и сякъ. Враговъ имъетъ въ міръ всякъ:

Но отъ друзей спаси насъ, Боже! Ужъ эти миъ друзья, друзья! О нихъ не даромъ вспомнилъ я

XIX.

А что? Да такъ. Я усыпляю
Пустыя, черныя мечты;
Я только вт скобкахт замвчаю,
Что нвтъ презрвнной клеветы,
На чердакв вралемъ рожденной
И свътской чернью ободренной,
Что нвтъ нельпицы такой,
Ни эпиграмы площадной,
Которой-бы вашъ другъ съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затвй,
Не повторилъ стократъ ошибкой;
А впрочемъ онъ за васъ горой:
Онъ васъ такъ любитъ.... какъ родной!

XX.

Гм! гм! Читатель благородной, Здорова-ль ваша вся родня? Позвольте: можетъ быть, угодно Теперь узнать вамъ отъ меня, Что значатъ именно родные. Родные люди вотъ какіе: Мы ихъ обязаны даскать, Любить, душевно уважать, И, по обычаю народа, О Рождествъ ихъ навъщать, Или по почтъ поздравлять, Чтобъ остальное время года

Не думали о насъ они.... И такъ, дай Богъ имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красавиць нёжныхъ Надежнёй дружбы и родства:
Надъ нею и средь бурь мятежныхъ Вы сохраняете права.
Конечно такъ. Но вихорь моды, Но своенравіе природы,
Но мнёнья свётскаго потокъ....
А милый полъ, какъ пухъ, легокъ.
Къ тому-жъ и мнёнія супруга
Для добродётельной жены
Всегда почтенны быть должны;
Такъ ваша вёрная подруга
Бываетъ вмигъ увлечена:
Любовью шутитъ сатана.

XXII.

Кого-жъ любить? Кому-же върить? Кто не измънитъ намъ одинъ? Кто всъ дъла, всъ ръчи мъритъ Услужливо на нашъ аршинъ? Кто клеветы про насъ не съетъ? Кто насъ заботливо лелъетъ? Кому порокъ нашъ не бъда? Кто не наскучитъ никогда? Призрака суетный искатель, Трудовъ напрасно не губя, Любите самаго себя, Достопочтенный мой читатель! Предметъ достойный: ничего Любезнъй върно нътъ его.

XXIII.

Что было слёдствіемъ свиданья? Увы, не трудно угадать! Любви безумныя страданья Не перестали волновать Младой души, печали жадной; Нътъ, пуще страстью безотрадной Татьяна бёдная горитъ; Ея постели сонъ бёжитъ; Здоровье, жизни цвётъ и сладость, Улыбка, дъвственный покой, Пропало все, что звукъ пустой, И меркнетъ милой Тани младость: Такъ одъваетъ бури тънь Едва рождающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна увядаеть, Блёднёеть, гаснеть — и молчить! Ничто ея не занимаеть, Ея души не шевелить. Качая важно головою, Сосёди шепчуть межь собою: Пора, пора-бы замужь ей!... Но полно. Надо мнё скорёй Развеселить воображенье Картиной счастливой любви. Невольно, милые мои, Меня стёсняеть сожалёнье; Простите мнё: я такъ люблю Татьяну милую мою!

XXV.

Часъ отъ часу плъненный болъ Красами Ольги молодой, Владиміръ сладостной неволѣ Предался полною душой. Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ Они сидятъ въ потемкахъ двое; Они въ саду, рука съ рукой, Гуляютъ утренней порой; И что-жъ? Любовью упоенный, Въ смятеньи нѣжнаго стыда, Онъ только смѣетъ иногда, Улыбкой Ольги ободренный, Развитымъ локономъ играть, Иль край одежды цѣловать.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Олѣ
Нравоучительный романъ,
Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобріанъ;
А между-тѣмъ двѣ, три страницы
(Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаетъ покраснѣвъ.
Уединясь отъ всѣхъ далёко,
Они надъ шахматной доской,
На столъ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Ленскій пѣшкою ладью
Беретъ въ разсѣяньи свою.

xxvii.

Поъдетъ-ли домой, и дома Онъ занятъ Ольгою своей; Летучіе листки альбома Прилежно украшаетъ ей;

lib.pushkinskijdom.ru

То въ нихъ рисуетъ сельски виды, Надгробный камень, храмъ Киприды, Или на лиръ голубка, Перомъ и красками слегка; То на листкахь воспоминанья, Пониже подписи другихъ, Онъ оставляетъ нъжный стихъ, Безмолвный памятникъ мечтанья *). Мгновенный думы легкій слёдъ, Все тотъ-же послъ многихъ лътъ.

XXVIII.

Конечно, вы не разъ видали Увздной барышни альбомъ, Что всв подружки измарали Съ конца, съ начала и кругомъ. Сюда, на зло правописанью, Стихи безъ мвры, по преданью, Въ знакъ дружбы вврной внесены, Уменьшены, продолжены. На первомъ листикъ встръчаешь: Qu'écrirez vous sur ces tablettes? И подпись: t. à v. Annette; А на послъднемъ прочитаешь: «Кто любитъ более тебя, «Пустъ пишетъ далъе меня.»

XXIX.

Тутъ непремѣнно вы найдете Два сердца, факелъ и цвѣтки; Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете

^{*)} Въ Моск. Въстинкъ: «свиданья». lib.pushkinskijdom.ru

Въ мюбви до гробовой доски;
Какой-нибудь пішть армейской
Тутъ подмахнуль стишокъ злодъйской.
Въ такой альбомъ, мои друзья,
Признаться, радъ писать и я,
Увъренъ будучи душою,
Что всякой мой усердный вздоръ
Заслужитъ благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злою
Не станутъ важно разбирать,
Остро иль нътъ я могъ соврать. *)

XXX.

Но вы, разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей,
Великольпные альбомы,
Мученье модныхъ рифмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстаго кистью чудотворной,
Иль Баратынскаго перомъ,
Пускай сожжетъ васъ Божій громъ!
Когда блистательная дама
Мнъ свой in-quarto подаетъ **),
И дрожь, и злость меня беретъ,
И шевелится эпиграма
Во глубинъ моей души.
А мадригалы имъ пиши!

^{*) «}Не станутъ вюрно разбирать Остро иль нътъ я могъ соврать. •

^{**) «}подаетъ».

XXXI.

Не мадригалы Ленскій пишетъ Въ альбомъ Ольги молодой; Его перо любовью дышитъ, Не хладно блещетъ остротой; Что ни замътитъ, ни услышитъ Объ Ольгъ, онъ про то и пишетъ: И полны истины живой Текутъ элегіи ръкой. Такъ ты, Языковъ вдохновенный, Въ порывахъ сердца своего, Поешь, Богъ въдаетъ, кого, И сводъ элегій драгоцънный Представитъ некогда тебъ Всю повъсть о твоей судьбъ.

XXXII.

Но тише! Слышишь? Критикъ строгій Повельваетъ сбросить намъ
Элегіи вънокъ убогій;
И нашей братьв, рифмачамъ,
Кричитъ: «Да перестаньте плакать,
И все одно и то-же квакать,
Жальть о преженемъ, о быломъ:
Довольно, — пойте о другомъ!>
— Ты правъ, и върно намъ укажешь
Трубу, личину и кинжалъ,
И мыслей мертвый капиталъ
Отвсюду воскресить прикажешь:
Не такъ-ли, другъ? — Ни чуть. Куда!
«Пишите оды, господа,

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощны годы, Какъ было встарь заведено....» — Одив торжественныя оды! И, полно, другъ, не все-ль равно? Припомни, что сказалъ сатирикъ. Чужаго толка хитрый лирикъ Ужели для тебя сноснвй Унылыхъ нашихъ рифмачей? — «Но все въ элегіи ничтожно; Пустая цёль ея жалка; Межъ-тёмъ цёль оды высока И благородна ...» Тутъ-бы можно Поспорить намъ, но я молчу: Два вёка ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,
Въ волненьи бурныхъ думъ своихъ,
Владиміръ и писалъ-бы оды,
Да Ольга не читала ихъ.
Случалось-ли поэтамъ слезнымъ
Читать въ глаза своимъ любезнымъ
Свои творенья! Говорятъ,
Что въ міръ выше нѣтъ наградъ.
И впрямь, блаженъ любовникъ скромной,
Читающій мечты свои
Предмету пѣсенъ и любви,
Красивицъ пріятно-томной!
Влаженъ.... хоть можетъ быть, она
Совсъмъ инымъ развлечена.

XXXY.

Но я плоды моихъ мечтаній И гармоническихъ затъй Читаю только старой нянъ Подругъ юности моей;

lib.pushkinskijdom.ru

Да послѣ скучнаго обѣда,
Ко мнѣ забредшаго сосѣда
Поймавъ нежданно за полу,
Душу трагедіей въ углу,
Или (но это кромѣ шутокъ),
Тоской и рифмами томимъ,
Бродя надъ озеромъ моимъ,
Пугаю стадо дикихъ утокъ:
Внявъ пѣнью сладкозвучныхъ строфъ,
Онѣ слетаютъ съ береговъ.

XXXVI 28). XXXVII.

А что-жъ Онѣгинъ? Кстати, братья! Терпѣнья вашего прошу: Его вседневныя занятья Я вамъ подробно опишу. Онѣгинъ жилъ анахоретомъ; Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ И отправлялся налегкѣ Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ, Пѣвцу Гюльнары подражая, Сей Геллеспонтъ переплывалъ,

эз) Эта строфа была напечатапа въ первомъ изданіи:
Ужъ ихъ далече взоръ мой ищеть....
А лѣсомъ кравшійся стрѣлокъ
Поэзію клянетъ и свищетъ,
Спуская бережно курокъ.
У всякаго своя охота,
Своя любимая забота:
Кто цѣлитъ въ утокъ изъ ружья,
Кто бредитъ рифмами, какъ я,
Кто бьетъ клопушкой мухъ нахальныхъ,
Кто правитъ въ замыслахъ толпой,
Кто забавляется войной,

Потомъ свой кофе выпивалъ, Плохой журналъ перебирая, И одъвался.

XXXVIII. XXXIX.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокой, Лъсная тънь, журчанье струй, Порой бълянки черноокой Младой и свъжій поцълуй, Уздъ послушный конь ретивый, Объдъ довольно прихотливый, Бутылка свътлаго вина, Уединенье, тишина: Вотъ жизнь Онъгина святая; И нечувствительно онъ ей Предался, красныхъ лътнихъ дней Въ безпечной нъгъ не считая, Забывъ и городъ, и друзей, И скуку праздничныхъ затъй.

XL.

Но наше съверное лъто,
Каррикатура южныхъ зимъ,
Мелькнетъ и нътъ: извъстно это,
Хоть мы признаться не хотимъ.
Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ ръже солнышьо блистало,
Короче становился день.
Лъсовъ таинственная сънь

Кто въ чувствахъ нѣжится печальныхъ, Кто занимается виномъ: И благо смѣтано со зломъ.

Съ печальнымъ шумомъ обнажалась, Ложился на поля туманъ, Гусей крикливыхъ караванъ Тянулся къ югу: приближалась Довольно скучная пора — Стоялъ Ноябрь ужъ у двора.

LXI.

Встаетъ заря во мглъ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ — и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней заръ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлъва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкъ распъвая, дъва ²⁴)
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучинка передъ ней.

XLII.

И вотъ уже трещатъ морозы И серебрятся средь полей.... (Читатель ждетъ ужъ рифмы розы: На, вотъ, возьми ее скоръй!) Опрятнъй моднаго паркета,

²⁴) Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать дювою простую крестьянку, между-тъмъ какъ благородныя барышни, не-много ниже, названы дювчонками!

Блистаетъ ръчка, льдомъ одъта. Мальчишекъ радостный народъ Коньками звучно ръжетъ ледъ; ²⁵) На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый, Задумавъ плыть по лону водъ, Ступаетъ бережно на ледъ, Скользитъ и падаетъ; веселый Мелькаетъ, вьется первый снъгъ, Звъздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глуши что дёлать въ эту пору? Гулять! Деревня той порой Невольно докучаетъ взору Однообразной наготой. Скакать верхомъ въ степи суровой? Но конь, притупленной подковой Невърный зацъпляя ледъ, Того и жди, что упадетъ. Сиди подъ кровлею пустынной, Читай: вотъ Прадтъ, вотъ W. Scott! Не хочешь? Повъряй расходъ, Сердись, иль пей, и вечеръ длинной Кой-какъ пройдетъ, и завтра тожъ, И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямымъ Онтинъ Чильдъ-Гарольдомъ Вдался въ задумчивую лтнь:
Со сна садится въ ванну со льдомъ;

^{25) «}Это значить,» замёчаеть одинь изънашихь притивовъ: «что мальчишки натактся на конькахъ.» Справедливо.

И послё, дома цёлый день,
Одинъ, въ разсчеты погруженный,
Тупымъ кіемъ вооруженный,
Онъ на билльярдё въ два шара
Играетъ съ самаго утра;
Настанетъ вечеръ деревенскій,
Билльярдъ оставленъ, кій забытъ,
Передъ каминомъ столъ накрытъ,
Евгеній ждетъ: вотъ ёдетъ Ленскій
На тройкъ чалыхъ лошадей;
Давай объдать поскоръй!

XLV.

Вдовы Клико или Моэта

Благословенное вино
Въ бутылкъ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.
Оно сверкаетъ Ипокреной ²⁶);
Оно своей игрой и пъной
(Подобіемъ того-сего)
Меня плъняло: за него
Послъдній блъдный лептъ, бывало,
Давалъ я, помните-ль, друзья?
Его волшебная струя
Рождала глупостей не мало;
А сколько шутокъ, и стиховъ,
И споровъ, и веселыхъ сновъ!

эб) Въ лёта красныя мон Поэтическій ан Нравился мий пйной шумной, Симъ подобіємъ любеи Или юности безумной, и проч.

XLVI.

Но измёняетъ пёной шумной Оно желудку моему, И я бордо благоразумной Ужъ нынче предпочелъ ему. Къ аи я больше неспособенъ; Аи любовницё подобенъ Блестящей, вётряной, живой, И своенравной, и пустой.... Но ты, бордо, подобенъ другу, Который въ горё и въ бёдё, Товарищъ завсегда, вездё, Готовъ намъ оказать услугу, Иль тихій раздёлить досугъ. Да здравствуетъ бордо, нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потухъ, едва золою
Подернутъ уголь золотой;
Едва замѣтною струею
Віется паръ, и теплотой
Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ
Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
Еще шипитъ среди стола.
Вечерняя находитъ мгла....
(Люблю я дружескія враки
И дружескій бокалъ вина
Порою той, что названа
Пора межъ волка и собаки,
А почему, не вижу я.)
Теперь бесѣдуютъ друзья.

XLVIII.

«Ну, что сосёдки? Что Татьяна? Что Ольга рёзвая твоя?»

lib.pushkinskijdom.ru

— Налей еще мнѣ полстакана....
Довольно, милый.... Вся семья
Здорова; кланяться велѣли.
Ахъ, милый, какъ похорошѣли
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа!... Когда-нибудь
Заѣдемъ къ нимъ; ты ихъ обяжешь;
А то, мой другъ, суди ты самъ:
Два раза заглянулъ, а тамъ
Ужъ къ нимъ и носу не покажешь.
Да вотъ.... какой-же я болванъ!
Ты къ нимъ на той недѣлѣ званъ.—

XLIV.

«Я?» — Да, Татьяны имянины
Въ Субботу. Оленька и мать
Велтли звать, и нтт причины
Тебт на зовъ не прітятать. —
«Но куча будетъ тамъ народу
И всякаго такого сброду....»
— И, никого, увтренъ я!
Кто будетъ тамъ? своя семья.
Потдемъ, сдтлай одолженье!
Ну, что-жъ? — «Согласенъ.» — Какъ ты милъ! —
При сихъ словахъ онъ осушилъ
Стаканъ, состдят приношенье,
Потомъ разговорился вновь
Про Ольгу; такова любовь!

L.

Онъ весель быль. Чрезь двѣ недѣли Назначенъ быль счастливый срокъ: И тайна брачныя постели, И сладостной любви вѣнокъ

Его восторговъ ожидали. Гимена хлопоты, печали, Зъвоты хладная чреда Ему не снились никогда. Межъ-тъмъ какъ мы, враги Гимена, Въ домашней жизни эримъ одинъ Рядъ утомительныхъ картинъ, Романъ во вкусъ Лафонтена.... ²⁷) Мой бъдный Ленскій, сердцемъ онъ Для оной жизни былъ рожденъ.

LI.

Онъ былъ любимъ... по-крайней-мъръ Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ, Стократъ блаженъ, кто преданъ въръ, Кто, хладный умъ угомонивъ, Покоится въ сердечной нъгъ, Какъ пьяный путникъ на ночлегъ, Или, нъжнъй, какъ мотылекъ, Въ весенній впившійся цвътокъ; Но жалокъ тотъ, кто все предвидитъ, Чъя не кружится голова, Кто всё движенья, всъ слова Въ ихъ переводъ ненавидитъ, Чье сердце опытъ остудилъ И забываться запретилъ!

²⁷⁾ Августъ Лафонгенъ, авторъ множества семейственныхъ романовъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ. Ты, моя Свётлана! Жуковскій.

I.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворъ;
Зимы ждала-ждала природа —
Снътъ выпалъ только въ январъ,
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидълъ Татьяна
Поутру побълъвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебръ,
Сорокъ веселыхъ на дворъ
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ:
Все ярко, все бъло кругомъ.

II.

Зима.... Крестьянинъ торжествуя На дровняхъ обновляетъ путь; Его лошадка, снъгъ почуя, Плетется рысью какъ-нибудь; Бразды пушистыя взрывая Летитъ кибитка удалая; Ямщикъ сидитъ на облучкъ Въ тулупъ, въ красномъ кушакъ. Вотъ бъгаетъ дворовый мальчикъ, Въ салазки жучку посадивъ, Себя въ коня преобразивъ; Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:

Ему и больно, и смѣшно, А мать грозитъ ему въ окно....

III.

Но, можеть быть, такого рода
Картины вась не привлекуть:
Все это низкая природа;
Изящнаго немного туть.
Согрътый вдохновенья Богомъ,
Другой поэть роскошнымъ слогомъ
Живописаль намъ первый снъгъ
И всъ оттънки зимнихъ нъгъ: 28)
Онъ васъ плънитъ, я въ томъ увъренъ,
Рисуя въ пламенныхъ стихахъ
Прогулки тайныя въ саняхъ;
Но я бороться не намъренъ
Ни съ нимъ покамъстъ, ни съ тобой,
Пъвецъ финляндки молодой! 29)

· IV.

Татьяна (русская душою, Сама не зная почему), Съ ея холодною красою Любила русскую зиму, На солнцъ иней въ день морозной, И сани, и зарею поздной Сіянье розовыхъ снъговъ, И мглу Крещенскихъ вечеровъ. По старинъ торжествовали Въ ихъ домъ эти вечера: Служанки со всего двора Про барышень своихъ гадали,

²⁸⁾ См. Первый сить, стихотвојение князя Вяземскаго.

²⁹⁾ См. описаніе финляндской зимы въ Эдь, Баратынскаго.

И имъ сулили каждый годъ Мужьевъ *) военныхъ и походъ.

ν.

Татьяна върила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примъты;
Таинственно ей всъ предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствія тъсмили грудь.
Жеманный котъ, на печкъ сидя,
Мурлыча, лапкой рыльцо мылъ:
То несомнънный знакъ ей былъ,
Что ъдутъ гости. Вдругъ увидя
Младой двурогій ликъ луны
На небъ съ лъвой стороны.

VI.

Она дрожала и блёднёла.
Когда-жъ падучая звёзда
По небу темному летёла
И разсыпалася, тогда
Въ смятеньи Таня торопилась,
Пока звёзда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось гдё-нибудь
Ей встрётить чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебёгалъ дорогу ей—

^{*) •} Myzcen. •

Не зная, что начать со страха, Предчувствій горестныхъ полна, Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что-жъ? Тайну прелесть находила И въ самомъ ужаст она:
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противортчию склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вътренная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свътла, необозрима,
Гадаетъ старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дътскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ На воскъ потопленный глядитъ; Онъ чудно-вылитымъ узоромъ Ей что-то чудное гласитъ; Изъ блюда, полнаго водою, Выходятъ кольца чередою; И вынулось колечко ей Подъ пъсеньку старинныхъ дней: «Тамъ мужички-то все богаты! Гребутъ лопатой серебро; Кому поемъ, тому добро И слава!» Но сулитъ утраты

lib.pushkinskijdom.ru

Сей пъсни жалостный напъвъ; Милъй коппурка сердцу дъвъ. 30)

IX.

Морозна ночь: все небо ясно;
Свътилъ небесныхъ дивный хоръ
Течетъ такъ тихо, такъ согласно....
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицъ выходитъ,
На мъсяцъ зеркало наводитъ;
Но въ темномъ зеркалъ одна
Дрожитъ печальная луна....
Чу... снътъ хруститъ... прохожій... дъва
Къ нему на ципочкахъ летитъ,
И голосокъ ея звучитъ
Нъжнъй свиръльнаго напъва:
Какъ ван е имя? 31) Смотритъ онъ
И отвъчаетъ: Агавонъ.

$\mathbf{X}$.

Татьяна, по совъту няни, Сбираясь ночью ворожить, Тихонько приказала въ банъ На два прибора столъ накрыть; Но стало страшно вдругъ Татьянъ.... И я — при мысли о Свътланъ, Мнъ стало страшно — такъ и быть.... Съ Татьяной намъ не ворожить.

⁸⁰⁾ Зоветъ котъ кошурку Въ печурку спать.
Предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрекаетъ смерть.

зі) Такимъ образомъ узнаютъ имя будущаго жениха.

Татьяна поясокъ шелковой Сняда, раздълась и въ постель Легла. Надъ нею вьется Лель, А подъ подушкою пуховой Дъвичье зеркало дежитъ, Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянъ.
Ей снится, будто-бы она
Идетъ по снъговой полянъ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снъжныхъ передъ нею
Шумитъ, клубитъ волной своею
Кипучій, темный и съдой
Потокъ, не скованный зимой;
Двъ жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащій гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ;
И предъ шумящею пучиной,
Недоумънія полна,
Остановилася она.

XII.

Какъ на досадную разлуку, Татьяна ропщетъ на ручей; Не видитъ никого, кто руку Съ той стороны подалъ-бы ей; Но вдругъ сугробъ зашевелился, И кто-жъ изъ-подъ него явился? Большой взъерошенный медвъдь; Татьяна, ахъ! а онъ ревъть, И лапу съ острыми когтями Ей протянулъ; она скръпясь

Дрожащей ручкой оперлась, И боязливыми шагами Перебралась черезъ ручей; Пошла — и что-жъ? медвъдь за ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смъя, Поспъшный ускоряетъ шагъ; Но отъ косматаго лакея Не можетъ убъжать никакъ; Кряхтя, валитъ медвъдь несносный: Предъ ними лъсъ; недвижны сосны Въ своей нахмуренной красъ; Отягчены ихъ вътви всъ Клоками снъга; сквозь вершины Осинъ, березъ и липъ нагихъ Сіяетъ лучъ свътилъ ночныхъ; Дороги нътъ; кусты, стремнины Мятелью всъ занесены, Глубоко въ снъгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ лёсъ, медвёдь за нею;
Снёгъ рыхлый по-колёно ей;
То длинный сукъ ее за шею
Зацёнитъ вдругъ, то изъ ушей
Златыя серьги вырветъ силой;
То въ хрупкомъ снёгё съ ножки милой
Увязнетъ мокрый башмачекъ;
То выронитъ она платокъ;
Поднять ей нёкогда; боится,
— Медвёдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;

lib.pushkinskijdom.ru

Она бъжитъ, онъ все во слъдъ; И силъ уже бъжать ей нътъ.

XV.

Упала въ снътъ; медвъдь проворно Ее хватаетъ *) и несетъ; Она безчувственно-покорна, Не шевелится, не дохнетъ; Онъ мчитъ ее лъсной дорогой: Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогой; Кругомъ все глушь; отвсюду онъ Пустыннымъ снътомъ занесенъ; И ярко свътится окошко. И въ шалашъ и крикъ, и шумъ; **) Медвъдь промолвилъ: здъсь мой кумъ: Погрыйся у него немножко! И въ съни прямо онъ идетъ, И на порогъ ее кладетъ.

XVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна: Медвъдя нътъ; она въ съняхъ; За дверью крикъ и звонъ стакана, Какъ на большихъ похоронахъ; Не видя тутъ ни капли толку, Глядитъ она тихонько въ щелку, И что-же! видитъ.... за столомъ Сидятъ чудовища кругомъ: Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой, Другой съ пътушьей головой,

^{*) •} Ее подъемлеть и несетт. •

^{**) «}И въ шалашъ ужасный шумъ.»

Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой, Тутъ оставъ чопорный и гордой *), Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнъй, еще чуднъе **):
Вотъ ракъ верхомъ на паукъ,
Вотъ черепъ на гусиной шеъ
Вертится въ красномъ колпакъ,
Вотъ мельница въ присядку ***) пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пънье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ! *2)
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала межъ гостей
Того, кто милъ и страшенъ ей—
Героя нашего романа!
Онъгинъ за столомъ сидитъ
И въ дверь украдкою глядитъ.

Онъ щипъ пустилъ по змфиному.

(Аревнія русскія стихотворенія.)

He должно мъшать свободъ нашего богатаго и прекраснаго языка. lib.pushkinskijdom.ru

^{*) •} Тутъ шевелится хоботъ гордый,»

^{**) •} Тамъ суетливый ежъ въ ливрев, • «Тамъ • и проч.

^{***) «}въ мундиръ.»

³²⁾ Въ журпалахъ осуждали слова: жлопъ, молев и топъ, какъ неудачное нововведеніе. Слова сін коренныя русскія. «Вышелъ Бова изъ шатра прокладиться и услышаль въ чистомъ полѣ людскую молвь и конскій топъ». (Сказка о Бовь Королевичь). Хлопъ употребляется въ просторьчіи вмъсто жлопаніе, какъ шипъ вмъсто шипьніе.

XVIII.

Онъ знакъ подастъ, и всё хлопочутъ; Онъ пьетъ, всё пьютъ и всё кричатъ; Онъ засмвется, всё хохочутъ; Нахмуритъ брови, всё молчатъ; Онъ тамъ хозяинъ, это ясно. И Танъ ужъ не такъ ужасно, И любопытная, теперь Немного растворила дверь.... Вдругъ вътеръ дунулъ, загашая Огонь севтильниковъ ночныхъ; Смутилась шайка домовыхъ; Онъгинъ, взорами сверкая, Изъ-за стола гремя встаетъ; Всё встали. Онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бъжать —
Нельзя никакъ; нетерпъливо
Метаясь, хочетъ закричать —
Не можетъ; дверь толкнулъ Евгеній:
И взорамъ адскихъ привидъній
Явилась дъва; ярый смъхъ
Раздался дико; очи всъхъ,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Все указуетъ на нее,
И всъ кричатъ: мое! мое!

$\mathbf{X}\mathbf{X}$

Moe! сказалъ Евгеній грозно, И шайка вся сокрылась вдругь: Осталася во тымё морозной
Младая дёва съ нимъ самъ-другъ;
Онёгинъ тихо увлекаетъ ⁸³)
Татьяну въ уголъ, и слагаетъ
Ее на шаткую скамью,
И клонитъ голову свою
Къ ней на плечо; вдругъ Ольга входитъ,
За нею Ленскій *); свётъ блеснулъ;
Онёгинъ руку замахнулъ
И дико онъ очами бродитъ,
И незванныхъ гостей бранитъ;
Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI.

Споръ громче, громче; вдругъ Евгеній Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ Поверженъ Ленскій. Страшно тъни Сгустились; нетерпимый крикъ Раздался.... хижина шатнулась.... И Таня въ ужасъ проснулась.... Глядитъ, ужъ въ комнатъ свътло; Въ окнъ сквозь мерзлое стекло Зари багряный лучъ играетъ; Дверь отворилась. Ольга къ ней, Авроры съверной алъй И легче ласточки; влетаетъ; «Ну,» говоритъ: «скажи-жъ ты мнъ, Кого ты видъла во снъ?»

³³⁾ Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, находитъ въ этихъ стихахъ непонятную для насъ неблагопристойность.

^{*) «}За нею милой,»

XXII.

Но та, сестры не замвчая, Въ постелв съ книгою лежитъ, За листомъ листъ перебирая, И ничего не говоритъ. Хоть не являла книга эта Ни сладкихъ вымысловъ поэта, Ни мудрыхъ пстинъ, ни картинъ; Но ни Виргилій, ни Расинъ, Ни Скоттъ, ни Байронъ, ни Сенека, Ни даже дамскихъ модъ журналъ Такъ никого не занималъ: То былъ, друзья, Мартынъ Задека 34), Глава Халдейскихъ мудрецовъ, Гадатель, толкователь сновъ.

XXIII.

Сіе глубокое творенье
Завезъ кочующій купецъ
Однажды къ нимъ въ уединенье,
И для Татьяны наконецъ
Его съ разрозненной Мальвиной
Онъ уступилъ за три съ полтиной,
Въ придачу взявъ еще за нихъ
Собранье басень площадныхъ,
Грамматику, двъ Петріады,
Да Мармонтеля третій томъ.
Мартынъ Задека сталъ потомъ
Любимецъ Тани.... Онъ отрады

⁸⁴) Гадательныя книги издаются у насъ подъ фирмою Мартына Задеки, почтеннаго человѣка, не писавшаго никогда гадательныхь книгъ, какъ замѣчастъ Б Өедоровъ.

Во всъхъ печаляхъ ей даритъ, И безотлучно съ нею спитъ.

XXIV.

Ее тревожить сновидёнье. Не зная какъ его понять, Мечтанья страшнаго значенье Татьяна кочеть отыскать. Татьяна въ оглавленьи краткомъ Находить азбучнымъ порядкомъ Слова: боръ, буря, воронъ, ель, Ежъ, мракъ, мостокъ, медвёдь, мятель, И прочая. Ея сомнёній Мартынъ Задека не рёшитъ; Но сонъ зловёщій ей сулить Печальныхъ много приключеній. Дней нёсколько она потомъ Все безпокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою 35)
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ имянинъ.
Съ утра домъ Лариной гостями
Весь полонъ; цълыми семьями
Сосъди съъхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.

Заря багряною рукою Отъ утренникъ спокойникъ водъ Выводитъ съ солнцемъ за собою, — и проч.

Въ передней толкотня, тревога, Въ гостиной встръча новыхъ лицъ, Лай мосекъ, чмоканье дъвицъ, Шумъ, хохотъ, давка у порога, Поклоны, шарканье гостей, Кормилицъ крикъ и плачъ дътей.

XXVI.

Съ своей супругою дородной Прівхаль толстый Пустяковъ, Гвоздинъ, хозяинъ превосходной, Владвлецъ нищихъ мужиковъ; Скотинины, чета свдая, Съ двтьми всвхъ возрастовъ, считая Отъ тридцати до двухъ годовъ; Увздный франтикъ Пътушковъ; Мой братъ двоюродный, Буяновъ, Въ пуху, въ картузъ съ козырькомъ ⁸⁶) (Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ), И отставной совътникъ Фляновъ, Тяжелый сплетникъ, старый плутъ, Обжора, взяточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Панфила Харликова Пріткалъ и мосье Трике, Острякъ, недавно изъ Тамбова,

Въ очкахъ и въ рыжемъ парикъ,
Какъ истинный французъ, въ карманъ
Трике привезъ куплетъ Татьянъ
На голосъ, знаемый дътьми:
Reveillez vous, belle endormie.
Межъ ветхихъ пъсень альманаха
Былъ напечатанъ сей куплетъ;
Трике, догадливый поэтъ,
Его на свътъ явилъ изъ праха,
И смъло — вмъсто belle Nina —
Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада Созръвшихъ барышень кумиръ, Уъздныхъ матушекъ отрада. Прівхалъ ротный командиръ; Вошелъ... Ахъ, новость, да какая! Музыка будетъ полковая! Полковникъ самъ ее послалъ. Какая радость: будетъ балъ! Дъвченки прыгаютъ заранъ. 37) Но кушать подали. Четой Идутъ за столъ рука съ рукой, Тъснятся барышни къ Татьянъ; Мужчины противъ— и крестясь Толпа жужжитъ, за столъ садясь.

XXIX.

На мигъ умолкли разговоры; Уста жуютъ. Со всёхъ сторонъ

³⁷) Наши критики, върные почитатели прекраснаго пола, сильно осуждали неприличие сего стиха.

Гремять тарелки и приборы, Да рюмокь раздается звонь. Но вскорь гости понемногу Подъемлють общую тревогу; Никто не слушаеть, кричать, Смьются, спорять и пищать. Вдругь двери настежь — Ленскій входить И съ нимь Оньгинь. «Ахъ, Творець!» Кричить хозяйка: «наконець!» Тъснятся гости; всякь отводить Приборы, стулья поскорьй; Зовуть, сажають двухь друзей.

XXX.

Сажаютъ прямо противъ Тани,
И, утренней луны блъднъй,
И трепетнъй гонимой лани,
Она темнъющихъ очей
Не подымаетъ: пышетъ бурно
Въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно;
Она привътствій двухъ друзей
Не слышитъ; слезы изъ очей
Хотятъ ужъ капать, ужъ готова
Бъдняжка въ обморокъ упасть,
Но воля и разсудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозъ зубы' молвила тишкомъ
И усидъла за столомъ.

XXXI.

Траги-нервических явленій, Дъвичьих обмороковъ, слезъ Давно терпъть не могъ Евгеній, Довольно ихъ онъ перенесъ. Чудакъ, попавъ на пиръ огромной, Ужъ былъ сердитъ. Но, дъвы томной Замътя трепетный порывъ, Съ досады взоры опустивъ, Надулся онъ, и негодуя, Поклялся Ленскаго взбъсить И ужъ порядкомъ отомстить. Теперь, заранъ торжествуя, Онъ сталъ чертить въ душъ своей Карикатуры всъхъ гостей.

XXXII.

Конечно, не одинъ Евгеній Смятенье Тани видъть могъ; Но цълью взоровъ и сужденій Въ то время жирный былъ пирогъ (Къ несчастію, пересоленой); Да вотъ въ бутылкъ засмоленой, Между жаркимъ и бланманже, Цимлянское несутъ уже; За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ, Подобныхъ таліи твоей, Зизи, кристаллъ души моей, Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ, Любви приманчивый фіялъ, Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ!

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной, Бутылка хлопнула; вино Шипитъ; и вотъ съ осанкой важной, Куплетомъ мучимый давно, Трике встаетъ; предъ нимъ собранье Хранитъ глубокое молчанье. Татьяна чуть жива; Трике,
Къ ней обратясь съ листкомъ въ рукъ,
Запълъ фальшивя. Плески, клики
Его привътствуютъ. Она
Пъвцу присъсть принуждена;
Поэтъ-же скромный, коть великій,
Ея здоровье первый пьетъ
И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привъты, поздравленья; Татьяна всъхъ благодаритъ. Когда-же дъло до Евгенья Дошло, то дъвы томный видъ, Ея смущеніе, усталость Въ его душъ родили жалость: Онъ молча поклонился ей, Но какъ-то взоръ его очей Былъ чудно-нъженъ. Отъ того-ли, Что онъ и вправду тронутъ былъ, Иль онъ кокетствуя шалилъ, Невольно-ль, иль изъ доброй воли, Но взоръ сей нъжность изъявилъ: Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отдвинутые стулья;
Толпа въ гостиную валитъ:
Такъ пчелъ изъ лакомаго улья
На ниву шумный рой летитъ;
Довольный праздничнымъ объдомъ,
Сосъдъ сопитъ передъ сосъдомъ:
Подсъли дамы къ комельку:
Дъвицы шепчутъ въ уголку.

Столы зеленые раскрыты: Зовуть задорных игроковъ Бостонъ, и ломберъ стариковъ, И вистъ, донынъ знаменитый, Однообразная семья, Всъ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь роберовъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мъста перемъняли,
И чай несутъ. Люблю я часъ
Опредълять объдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнъ безъ большихъ суетъ:
Желудокъ — върный нашъ брегетъ;
И, кстати, я замъчу въ скобкахъ,
Что ръчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь-же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати въковъ кумиръ!

XXXVII. XXXVIII. 38). XXXIX.

Но чай несутъ: дъвицы чинно Едва за блюдечки взялись, Вдругъ изъ-за двери въ залъ длинной Фаготъ и олейта раздались.

³⁸) Обѣ сім строфы въ первомъ изданіп помѣщены были. Вотъ опѣ:

Въ пирахъ готовъ я непослушно Съ твоимъ бороться божествомъ; Но, признаюсь великолушно,

Обрадованъ музыки громомъ, Оставя чашку чаю съ ромомъ, Парисъ окружныхъ городковъ, Подходитъ къ Ольгъ Пътушковъ, Къ Татьянъ Ленскій, Харликову, Невъсту переспълыхъ лътъ, Беретъ Тамбовскій мой поэтъ, Умчалъ Буяновъ Пустякову, И въ залу высыпали всъ, И балъ блеститъ во всей красъ.

Ты побёдиль меня въ другомъ:
Твои свиреные герои.
Твои неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевесъ
Бельшой имеють перевёсъ
Передъ Онёгинымъ хелоднымъ,
Предъ сонной свукою полей,
Передъ Истоминой моей,
Предъ нашимъ воспитаньемъ моднымъ;
Но Таня (присягну) милей
Елены пакостной твоей

Никто и спорить туть не станеть, Хоть за Елену Менелай Сто лють еще не перестанеть Казнить Фригійсьій бюдный край Хоть вкругь почтеннаго Пріама Собранье стариковь Пергама, Ее завидя, вновь рюшить: Правъ Менелай и правъ Паридь. Что-жъ до сраженій, то немного Я попрому васъ подождать, Извольте далюе читать: Начала не судите строго; Сраженье будеть. Не солгу, Честное слово дать могу.

XL.

Въ началъ моего романа (Смотрите первую тетрадь)

Хотълось въ родъ мнъ Альбана
Балъ Петербургскій описать;
Но, развлеченъ пустымъ мечтаньемъ, Я занялся воспоминаньемъ
О ножкахъ мнъ знакомыхъ дамъ.
По вашимъ узенькимъ слъдамъ, О ножки, полно заблуждаться!
Съ измъной юности моей
Пора мнъ сдълаться умнъй,
Въ дълахъ и въ слогъ поправляться,
И эту пятую тетрадь
Отъ отступленій очищать.

XLI.

Однообразный и безумный,
Какъ вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькаетъ за четой.
Къ минутъ мщенья приближаясь,
Онътинъ, въ тайнъ усмъхаясь,
Подходитъ къ Ольгъ. Быстро съ ней
Вертится около гостей,
Потомъ на стулъ ее сажаетъ,
Заводитъ ръчь о томъ, о семъ:
Спустя минуты двъ, потомъ
Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ;
Всъ въ изумленьи. Ленскій самъ
Не въритъ собственнымъ глазамъ.

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало Когда гремълъ мазурки громъ, Въ огромной залъ все дрожало,
Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
Но въ городахъ, по деревнямъ,
Еще мазурка сохранила
Первоначальныя красы:
Припрыжки, каблуки, усы,
Все тъ-же; ихъ не измънила
Лихая мода, нашъ тиранъ,
Недугъ новъйшихъ россіянъ.

XLIII 89). XLIV.

Буяновъ, братецъ мой задорной, Къ герою нашему подвелъ Татьяну съ Ольгою; проворно Онътинъ съ Ольгою пошелъ; Ведетъ ее, скользя небрежно, И наклонясь ей шепчетъ нъжно Какой-то пошлый мадригалъ, И руку жметъ — и запылалъ

Подвовы, шпоры Нѣтушкова (Канцеліриста отставнаго) Стучатъ; Буянова виблукъ Такъ и ломаетъ полъ вокругъ; Трескъ, топотъ, грохотъ по порядку: Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; Теперь пошло на молодновъ; Пустилисъ, только не въ присядку. Ахъ, легче, легче: каблуки Отдавятъ дамскіе носки!

ээ) Въ первомъ изданій, безъ начальныхъ четырехъ стиховъ, эта строфа напечатана была въ слёдующемъ видё:

Въ ся лицъ самолюбивомъ
Румянецъ ярче. Ленскій мой
Все видълъ: вспыхнулъ, самъ не свой;
Въ негодованіи ревнивомъ
Поэтъ конца мазурки ждетъ
И въ котильонъ ее зоветъ.

XLY.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что-же? Да Ольга слово ужъ дала Онъгину. О, Боже, Боже! Что слышитъ онъ! Она могла.... Возможно-ль? Чуть лишь изъ пеленокъ; Кокетка, вътренный ребенокъ! Ужъ китрость въдаетъ она, Ужъ измънять научена! Не въ силахъ Ленскій снесть удара; Проказы женскія кляня, Выходитъ, требуетъ коня И скачетъ. Пистолетовъ пара, Двъ пули — больше ничего — Вдругъ разръшатъ судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

La, sotto giorni nubilosi e brevi, Nasce una gente a cui l'morir non dole. Petr.

I.

Замътивъ, что Владиміръ скрылся, Онъгинъ, скукой вновь гонимъ, Близъ Ольги въ думу погрузился, Довольный мщеніемъ своимъ.

lib.pushkinskijdom.ru

За нимъ и Оленька зъвала, Глазами Ленскаго искала, И безконечный котильонъ Ее томилъ какъ тяжкій сонъ. Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ. Постели стелятъ; для гостей Ночлегъ отводятъ отъ съней До самой дъвичей. Всъмъ нуженъ Покойный сонъ. Онъгинъ мой Одинъ уъхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось: въ гостиной Храпитъ тяжелый Пустяковъ Съ своей тяжелой половиной. Гвоздинъ, Буяновъ, Пътушковъ И Фляновъ; не совсъмъ здоровой, На стульяхъ улеглись въ столовой, А на полу мосье Трике, Въ фуфайкъ, въ старомъ колпакъ. Дъвицы въ комнатахъ Татьяны И Ольги — всъ объяты сномъ. Одна, печальна подъ окномъ Озарена лучемъ Діаны, Татьяна бъдная не спитъ : И въ поле темное глядитъ.

III.

Его нежданнымъ появленьемъ, Мгновенной нъжностью очей И страннымъ съ Ольгой поведеньемъ До глубины души своей Она проникнута; не можетъ Никакъ понять его; тревожитъ

Ее ревнивая тоска,
Какъ-будто хладная рука
Ей сердце жметъ, какъ-будто бездна
Подъ ней чернъетъ и шумитъ....
«Погибну,» Таня говоритъ:
Но гибель отъ него любезна.
Я не ропщу: зачъмъ роптать?
Не можетъ онъ мнъ счастъя дать.»

IV.

Впередъ, впередъ, моя исторья!

Лице насъ новое зоветъ.

Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
Деревни Ленскаго, живетъ

И здравствуетъ еще донынъ,
Въ философической пустынъ,
Заръцкій, некогда буянъ,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повъсъ, трибунъ трактирный,
Теперь-же добрый и простой
Отецъ семейства холостой,
Надежный другъ, помъщикъ мирный
И даже честный человъкъ:
Такъ исправляется нашъ въкъ!

γ.

Бывало, льстивый голосъ свъта Въ немъ злую храбрость выхвалялъ. Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета Въ пяти саженяхъ попадалъ. И то сказать, что и въ сраженьи Разъ въ настоящемъ упоеньи Онъ отличился, смъло въ грязъ Съ коня калмыцкаго свалясь,

Какъ зюзя пьяный, и французамъ Достался въ плънъ другой залогъ! Новъйшій Регулъ, чести богъ, Готовый вновь предаться узамъ Чтобъ каждымъ утромъ у Вери 40) Въ долгъ осущать бутылки три.

VI.

Бывало, онъ трунилъ забавно, Умълъ морочить дурака И умнаго дурачить славно, Иль явно, иль изподтишка; Хоть и ему иныя штуки Не проходили безъ науки, Хоть иногда и самъ впросакъ Онъ попадался, какъ простакъ. Умълъ онъ весело поспорить, Остро и тупо отвъчать, Порой разсчетливо смолчать, Порой разсчетливо повздорить, Друзей поссорить молодыхъ И на барьеръ поставить ихъ,

· VII.

Иль помириться ихъ заставить, Дабы позавтравать втроемъ, И послъ тайно обезславить Веселой шуткою, враньемъ; Sed alia tempora! Удалость (Какъ сонъ любви, другая шалость) Проходитъ съ юностью живой.

⁴⁰⁾ Парижскій респораторъ.

Какъ я сказалъ, Заръцкій мой, Подъ сънь черемухъ и акацій Отъ бурь укрывшихъ наконецъ, «Живетъ какъ истинный мудрецъ, Капусту садитъ, какъ Горацій, Разводитъ утокъ и гусей И учитъ азбукъ дътей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой Евгеній, Не уважая сердца въ немъ,
Любилъ и духъ его сужденій,
И здравый толкъ о томъ, о семъ.
Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
Видался съ нимъ; и такъ ни мало
Поутру не былъ удивленъ,
Когда его увидълъ онъ.
Тотъ, послъ перваго привъта,
Прервавъ начатый разговоръ,
Онътину, осклабя взоръ,
Вручилъ записку отъ поэта.
Къ окну Онътинъ подошелъ
И про себя ее прочелъ.

IX.

То быль пріятный, благородной, Короткій вызовь, иль картель: Учтиво, съ ясностью холодной Зваль друга Ленскій на дуэль. Онвтинъ съ перваго движенья, Къ послу такого порученья Оборотясь, безъ лишнихъ словъ Сказаль, что онъ всегда готовъ. Заръцкій всталь безъ объясненій;

Остаться долё не хотёль, Имёя дома много дёль, И тотчась вышель; но Евгеній Наединь съ своей душой Быль недоволень самь собой.

X.

И по дёломъ; въ разборъ строгомъ, На тайный судъ себя призвавъ, Онъ обвинялъ себя во многомъ: Во-первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ, Что надъ любовью робкой, нъжной Такъ подшутилъ вечоръ небрежно. А во-вторыхъ, пускай поэтъ Дурачится: въ осъмнадцать лътъ Оно простительно. Евгеній, Всъмъ сердцемъ юношу любя, Былъ долженъ оказать себя Не мячикомъ предразсужденій, Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ, Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ-бы чувства обнаружить, А не щетиниться какъ звёрь; Онъ долженъ былъ обезоружить Младое сердце. «Но теперь Ужъ поздно; время улетъло.... Къ тому-жъ, онъ смыслитъ, въ это дъло Вмёшался старый дуэлистъ; Онъ золъ, онъ сплетникъ, онъ рёчистъ.... Конечно: быть должно презрёнье Цёной его забавныхъ словъ; Но менотъ, хохотня глупцовъ....»

lib.pushkinskijdom.ru

И вотъ общественное миѣнье! ⁴¹) Пружина чести, нашъ кумиръ! И вотъ на чемъ вертится міръ!

XII.

Кипя враждой нетерпъливой,
Отвъта дома ждетъ поэтъ;
И вотъ сосъдъ велеръчивой
Привезъ торжественно отвътъ.
Теперь ревнивцу то-то праздникъ!
Онъ все боялся, чтобъ проказникъ
Не отшутился какъ-нибудь,
Уловку выдумавъ и грудь,
Отворотивъ отъ пистолета.
Теперь сомнънья ръшены:
Они на мельницу должны
Прітхать завтра до разсвъта,
Взвести другъ на друга курокъ
И мътить въ ляжку иль въ високъ.

XIII.

Рътась кокекту ненавидъть, Кипящій Ленскій не хотълъ Предъ поединкомъ Ольгу видъть, На солнце, на часы смотрълъ, Махнулъ рукою на послъдокъ— И очутился у сосъдокъ. Онъ думалъ Оленьку смутить, Своимъ прітадомъ поразить; Не тутъ-то было: какъ и прежде, На встръчу бъднаго пъвца

⁴¹⁾ Стихъ Грибовдова.

Прыгнула Оленька съ крыльца, Подобна вътренной надеждъ, Ръзва, безпечна, весела, Ну, точно та-же, какъ была.

XIV.

«Зачёмъ вечоръ такъ рано скрылись?» Вылъ первый Оленькинъ вопросъ. Всё чувства въ Ленскомъ помутились, И молча онъ повъсилъ носъ. Исчезла ревность и досада Предъ этой ясностію взгляда, Предъ этой нѣжной простотой, Предъ этой рѣзвою душой! Онъ смотритъ въ сладкомъ умиленьѣ; Онъ видитъ: онъ еще любимъ! Ужъ онъ, раскаяньемъ томимъ, Готовъ просить у ней прощенье, Трепещетъ, не находитъ словъ: Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ....

χγ. χγι. χγιι.

И вновь задумчивый, унылый Предъ милой Ольгою своей, Владиміръ не имъетъ силы Вчерашній день напомнить ей; Онъ мыслитъ: «буду ей спаситель; Не потерплю, чтобъ развратитель Огнемъ и вздоховъ, и похвалъ Младое сердце искушалъ; Чтобъ червь презрънный, ядовитый Точилъ лилеи стебелекъ; Чтобы двухъ-утренній цвътокъ Увялъ еще полураскрытый.»

Все это значило, друзья: Съ пріятелемъ *) стръляюсь я.

XVIII.

Когда-бъ онъ зналъ, какая рана Моей Татьяны сердце жгла! Когда-бы въдала Татьяна, Когда-бы знать она могла, Что завтра Ленскій и Евгеній Заспорятъ о могильной съни: Ахъ, можетъ быть, ея любовь Друзей соединила-бъ вновь! Но этой страсти и случайно Еще никто не открывалъ. Онъгинъ обо всемъ молчалъ; Татьяна изнывала тайно; Одна-бы няня знать могла, Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій быль разсвянь, То молчаливъ, то весель вновь; Но тотъ, кто музою взлелвянъ, Всегда таковъ: нахмуря бровь, Садился онъ за клавикорды, И бралъ на нихъ одни аккорды; То, къ Ольгъ взоры устремивъ, Шепталъ: не правда-ль? я счастливъ. Но поздно; время ъхать. Сжалось Въ немъ сердце, полное тоской; Прощаясь съ дъвой молодой,

^{*)«}Съ Онѣгинымъ».

Оно какъ-будто разрывалось. Она глядитъ ему въ лицо. «Что съ вами?» — Такъ. — И на крыльцо.

XX.

Домой прівхавь, пистолеты
Онь осмотрвль, потомь вложиль
Опять ихъ въ ящикь, и раздѣтый
При свѣчкѣ Шиллера открыль;
Но мысль одна его объемлеть:
Въ немъ сердце грустное не дремлеть:
Съ неизъяснимою красой
Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
Владиміръ книгу закрываетъ,
Беретъ перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучатъ и льются. Ихъ читаетъ
Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
Какъ Д** пьяный на пиру.

XXI.

Стихи на случай сохранились, Я ихъ имъю, вотъ они:
«Куда, куда вы удалились, Весны моей златые дни?
Что день грядущій мнъ готовитъ? Его мой взоръ напрасно ловитъ, Въ глубокой мглъ таится онъ. Нътъ нужды; правъ судьбы законъ. Паду-ли я, стрълой произенный, Иль мимо пролетитъ она, Все благо: бдънія и сна Приходитъ часъ опредъленный.

Благословенъ и день заботъ, Благословенъ и тьмы приходъ!

XXII.

«Блеснетъ заутра лучъ денницы И заиграетъ яркій день; А я, быть можетъ, я гробницы Сойду въ таинственную сѣнь, И память юнаго поэта Поглотитъ медленная Лета, Забудетъ міръ меня; но ты Придешь-ли, дѣва красоты, Слезу пролить надъ ранней урной И думать: онъ меня любилъ, Онъ мнъ единой посвятилъ Разсвътъ печальный жизни бурной!... Сердечный другъ, желанный другъ, Приди, приди: я твой супругъ!...»

XXIII.

Такъ онъ писалъ темно и вяло (Что романтизмомъ мы зовёмъ, Хоть романтизма тутъ ни мало Не вижу я; да что намъ въ томъ?) И наконецъ передъ зарёю, Склонясь усталой головою, На модномъ словъ идеалъ Тихонько Ленскій задремалъ; Но только соннымъ обаяньемъ Онъ позабылся, ужъ сосъдъ Въ безмолвный входитъ кабинетъ И будитъ Ленскаго воззваньемъ: «Пора вставать: седьмой ужъ часъ! Онъгинъ върно ждетъ ужъ насъ.»

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгеній Спаль въ это время мертвымъ сномъ. Уже ръдъютъ ночи тъни И встръченъ Весперъ пътухомъ; Онъгинъ спитъ себъ глубоко. Ужъ солнце катится высоко И перелетная мятель Блеститъ и вьется; но постель Еще Евгеній не покинулъ, Еще надъ нимъ летаетъ сонъ. Вотъ наконецъ проснулся онъ И полы завъса раздвинулъ; Глядитъ — и видитъ, что пора Давно ужъ ъхать со двора.

XXγ.

Онъ поскоръй звонить. Вбъгаетъ Къ нему слуга французъ Гильо, Халатъ и туфли предлагаетъ, И подаетъ ему бълье. Спъшитъ Онъгинъ одъваться, Слугъ велитъ приготовляться Съ нимъ вмъстъ вхать, и съ собой Взять также ящикъ боевой. Готовы санки бъговые. Онъ сълъ, на мельницу летитъ. Примчались. Онъ слугъ велитъ Лепажа 42), стволы роковые Нести за нимъ, а лошадямъ Отъъхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

⁴²⁾ Славный ружейный мастеръ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій Давно нетерпъливо ждалъ; Межъ-тъмъ, механикъ деревенскій, Заръцкій жорновъ осуждалъ. Идетъ Онъгинъ съ извиненьемъ. «Но гдъ-же, молвилъ съ изумленьемъ Заръцкій, гдъ вашъ секундантъ?» Въ дуэляхъ классикъ и педантъ, Любилъ методу онъ изъ чувства, И человъка растянуть Онъ позволялъ не какъ-нибудь, Но въ строгихъ правилахъ искусства, По всъмъ преданьямъ старины (Что похвалить мы въ немъ должны).

XXVII.

«Мой секунданть?» сказаль Евгеній:
«Воть онь: мой другь, monsieur Guillot. Я не предвижу возраженій
На представленіе мое:
Хоть человъкь онь неизвъстный,
Но ужь конечно малый честный.»
Заръцкій губу закусиль.
Онъгинь Ленскаго спросиль:
«Что-жь, начинать?»—Начнемь, пожалуй,
Сказаль Владимірь. И пошли
За мельницу. Пока въ дали
Заръцкій нашь и исстный малый
Вступили въ важный договорь,
Враги стоять, потупя взорь.

XXVIII.

Враги! Давно-ли другъ отъ друга Ихъ жажда крови отрела? Давно-ль они часы досуга,
Трансзу, мысли и дёла
Дёлили дружно? Нынё злобно,
Врагамъ наслёдственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ, непонятномъ снё,
Они другъ другу въ тишинё
Готовятъ гибель хладнокровно....
Не засмёяться-ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Не разойтиться-ль полюбовно?...
Но дико свётская вражда
Боится ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули. Гремитъ о шомполъ молотокъ. Въ граненый стволъ уходятъ пули И щелкнулъ въ первый разъ курокъ. Вотъ порохъ струйкой съроватой На полку сыплется. Зубчатый, Надежно ввинченный кремень Взведенъ еще. За ближній пень Становится Гильо смущенный. Плащи бросаютъ два врага. Заръцкій тридцать два шага Отмърилъ съ точностью отмънной, Друзей развелъ по крайній слъдъ, И каждый взялъ свой пистолетъ.

XXX.

«Теперь сходитесь.»

Хладнокровно,

Еще не цъля, два врага Походкой твердой, тихо, ровно

lib.pushkinskijdom.ru

Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолеть тогда Евгеній,
Не преставая наступать,
Сталь первый тихо подымать.
Воть пять шаговь еще ступили,
И Ленскій, жмуря львый глазь,
Сталь также цылить — но какъ разъ
Онъгинъ выстрылиль.... Пробили
Часы урочные: поэтъ
Роняетъ молча пистолеть,

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку И падаетъ. Туманный взоръ Изображаетъ смерть, не муку: Такъ медленно по скату горъ, На солнцъ искрами блистая, Спадаетъ глыба снъговая. Мгновеннымъ холодомъ облитъ, Онъгинъ къ юношъ спъшитъ, Глядитъ, зоветъ его.... напрасно: Его ужъ нътъ. Младой пъвецъ Нашелъ безвременный конецъ! Дохнула буря, цвътъ прекрасный Увялъ на утренней заръ!... Потухъ огонь на алтаръ!

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ Былъ томный миръ его чела. Подъ грудь онъ былъ на вылетъ раненъ; Дымясь изъ раны кровь текла. Тому назадъ одно мгновенье,

Въ семъ сердцѣ билось вдохновенье, Вражда, надежда и любовь, Играла жизнь, кипѣла кровь: Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ, Все въ немъ и тихо, и темно, Замолкло навсегда оно; Закрыты ставни, окна мѣломъ Забълены. Хозяйки нѣтъ, А гдѣ, Богъ вѣсть; пропалъ и слѣдъ!

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпиграмой Взбъсить оплошнаго врага; Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо Склонивъ бодливые рога, Невольно въ зеркало глядится И узнавать себя стыдится; Пріятнѣй, если онъ, друзья, Завоетъ сдуру: это я! Еще пріятнѣе въ молчаньи Ему готовить честный гробъ, И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ На благородномъ разстояньи; Но отослать его къ отцамъ Едваль пріятно будетъ вамъ!

XXXIV.

Что-жъ, если вашимъ пистолетомъ Сраженъ пріятель молодой, Нескромнымъ взглядомъ, иль отвътомъ, Или бездълицей иной Васъ оскорбившій за бутылкой, Иль даже самъ, въ досадъ пылкой, Васъ гордо вызвавшій на бой? Скажите: вашею душой Какое чувство овладжеть, Когда недвижимь, на земль, Предъ вами, съ смертью на чель, Опъ постепенио костенветь. Когда онъ глухъ и молчаливъ На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскъ сердечныхъ угрызеній,
Рукою стиснувъ пистолетъ,
Глядитъ на Ленскаго Евгеній.
«Ну, что-жъ? убитъ!» рѣшилъ сосѣдъ.
Убитъ!... симъ страшнымъ восклицаньемъ.
Сраженъ, Онѣгинъ съ содроганьемъ
Отходитъ и людей зоветъ.
Зарѣцкій бережно кладетъ
На сани трупъ оледенѣлый;
Домой везетъ онъ страшный кладъ.
Почун мертваго, храпятъ
И бьются кони, пѣной бѣлой
Стальныя мочатъ удпла,
И полетѣли какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта: Во цвътъ радостныхъ надеждъ, Ихъ не свершивъ еще для свъта, Чуть изъ младенческихъ одеждъ — Увялъ! Гдъ жаркое волненье, Гдъ благородное стремленье И чувствъ, и мыслей молодыхъ, Высокихъ, нъжныхъ, удалыхъ? Гдъ бурныя любви желанья,

lib.pushkinskijdom.ru

И жажда знаній и труда, И страхъ порока, и стыда, И вы, завътныя мечтанья, Вы, призракъ жизни неземной, Вы, сны поэзіи святой!

XXXVII.

Быть можеть, онъ для блага міра, Иль хоть для славы быль рождень; Его умолкнувшая лира Гремучій, непрерывный звонъ Въ въкахъ поднять могла. Поэта, Быть можетъ, на ступеняхъ свъта Ждала высокая ступень. Его страдальческая тънь, Быть можетъ, унесла съ собою Святую тайну, и для насъ Погибъ животворящій гласъ, И за могильною чертою Къ ней не домчится гимнъ временъ, Благословенія племенъ.

XXXVIII. XXXIX.

А можеть быть и то: поэта
Обыкновенный ждаль удёль.
Прошли-бы юнешества лёта,
Въ немъ пыль души-бы охладёль.
Во многомъ онъ-бы измёнился,
Растался-бъ съ музами, женился;
Въ деревнё, счастливъ и богатъ,
Носиль-бы стеганный халатъ;
Узналь-бы жизнь на самомъ дёлё,
Подагру-бъ въ сорокъ лётъ имёль,
Пиль, ёль, скучаль, толстёль, хирёлъ,

И наконецъ въ своей постелъ Скончался-бъ посреди дътей, Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

XL.

Но что-бы ни было, читатель, Увы, любовникъ молодой, Поэтъ, задумчивый мечтатель, Убитъ пріятельской рукой! Есть мѣсто: влѣво отъ селенья, Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья, Двѣ сосны корнями срослись; Подъ ними струйки извились Ручья сосѣдственной долины. Тамъ пахарь любитъ отдыхать, И жницы въ волны погружать Приходятъ звонкіе кувшины, Тамъ у ручья въ тѣни густой, Поставленъ памятникъ простой.

XLI.

Подъ нимъ (какъ начинаетъ капать Весенній дождь на злакъ полей)
Пастухъ, плетя свой пестрый лапоть, Поетъ про волжскихъ рыбарей,
И горожанка молодая,
Въ деревнъ лъто провожая,
Когда стремглавъ верхомъ она
Несется по полямъ одна,
Коня предъ нимъ остановляетъ,
Ременный поводъ натянувъ,
И, олеръ отъ шляны отвернувъ,
Глазами бъглыми читаетъ

Простую надпись, и слеза Туманитъ нъжные глаза.

XLII.

И тагомъ вдетъ въ чистомъ полв, Въ мечтанье погрузясь, она; Дута въ ней долго поневолв Судьбою Ленскаго полна, И мыслитъ: что-то съ Ольгой стало? Въ ней сердце долго-ли страдало, Иль скоро слезъ прошла пора? И гдв теперь ея сестра? И гдв-жъ бъглецъ людей и свъта, Красавицъ модныхъ модный врагъ, Гдв этотъ пасмурный чудакъ, Убійца юнаго поэта?»

Со временемъ отчетъ я вамъ Подробно обо всемъ отдамъ,

XLIII.

Но не теперь. Хоть я сердечно Люблю героя моего, Хоть возвращусь въ нему, конечно, Но мий теперь не до него. Лёта къ суровой прозё клонять, Лёта шалунью рифму гонять, И я, со вздохомъ признаюсь, За ней лёнивёй волочусь. Перу старинной нётъ охоты Марать летучіе листы; Другія, хладныя мечты, Другія, строгія заботы И въ шумё свёта и тиши Тревожатъ сонъ моей души.

XLIV.

Позналъ я гласъ иныхъ желаній, Позналъ я новую печаль; Для первыхъ нътъ мнъ упованій, А старой мнъ печали жаль. Мечты, мечты! гдъ ваша сладость? Гдъ, въчная къ ней рифма младость? Уже-ль и вправду, наконецъ, Увялъ, увялъ ея вънецъ? Уже-ль и впрямь, и въ самомъ дълъ, Безъ элегическихъ затъй, Весна моихъ промчалась дней (Что я шутя твердилъ доселъ)? И ей уже-ль возврата нътъ? Уже-ль мнъ скоро тридцать лътъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталь, и нужно Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я. Но, такъ и быть, простимся дружно, О юность легкая моя! Благодарю за наслажденья, За грусть, за милыя мученья, За шумъ, за бури, за пиры, За всѣ, за всѣ твои дары, Благодарю тебя. Тобою, Среди тревогъ и въ тишинѣ Я насладился.... и вполнѣ; Довольно! Съ ясною душою Пускаюсь ныпѣ въ новый путь Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите-жъ, съни, Гдъ дни мои текли въ глуши, Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ, Шальныхъ, балованныхъ дътей Злодъевъ и смъшныхъ, и скучныхъ, Тупыхъ, привязчивыхъ судей, Среди кокетокъ богомольныхъ, Среди колопьевъ добровольныхъ, Среди вседневныхъ модныхъ сценъ, Учтивыхъ, ласковыхъ измънъ, Среди холодныхъ приговоровъ Жестокосердой суетъг, Среди досадной пустоты Разсчетовъ, думъ и разговоровъ, Въ семъ омутъ, гдъ съ вами я в Купаюсь, милые друзья!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Москва, Россіи дочь любима, Гдъ равную тебъ сыскать? Дмитріввъ.

Какъ не любить родной Москви? Багатынскій.

Гоненье на Москву! Что значить видёть свёть! Где-жъ дучше?

> Гръ насъ вътъ. Грибовдовъ.

Τ.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снъга
Сбъжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встръчаетъ утро года;
Синъя блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лъса
Какъ-будто пухомъ зеленъютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестръютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пълъ въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мит твое явленье, Весна, весна! пора любви! • Какое томное волненье Въ моей душт, въ моей крови!

lib.pushkinskijdom.ru

Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ Я наслаждаюсь дуновеньемъ Въ лице мнъ въющей весны, На лонъ сельской тишины! Или мнъ чуждо наслажденье, И все, что радуетъ, живитъ, Все, что ликуетъ и блеститъ, Наводитъ скуку и томленье На душу мертвую давно, И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ?
Иль съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной
Мы увяданья нашихъ лѣтъ,
Которымъ возрожденья нѣтъ? .
Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ,
Средь поэтическаго сна,
Иная, старая весна,
И въ трепетъ сердце намъ приводитъ
Мечтой о дальней сторонъ,
О чудной ночи, о лунъ....

IY.

Вотъ время: добрые лънивцы, Эпикурейцы-мудрецы, Вы, равнодушные счастливцы, Вы, школы Левшина ⁴⁵) птенцы,

⁴³⁾ Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной. lib.pushkinskijdom.ru

Вы, деревенскіе Пріамы,
И вы, чувствительныя дамы,
Весна въ деревню васъ зоветъ,
Пора тепла, цвътовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ ночей.
Въ поля, друзья! скоръй, скоръй,
Въ каретахъ тяжко нагруженныхъ,
На долгихъ, иль на почтовыхъ,
Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

ν.

И вы, читатель благосклонный, Въ своей коляскъ выписной, Оставьте градъ неугомонный, Гдѣ веселилсь вы зимой; Съ моею музой своенравной Пойдемте слушать шумъ дубравной Надъ безыменною ръкой, Въ деревнъ, гдѣ Евгеній мой, Отшельникъ праздный и унылой, Еще недавно жилъ зимой. Въ сосъдствъ Тани молодой, Моей мечтательницы милой; Но гдѣ его теперь ужъ нътъ... Гдѣ грустный онъ оставилъ слъдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ, Пойдемъ туда, гдъ ручеекъ, Віясь бъжитъ зеленымъ лугемъ Къ ръкъ, сквозь липовый льсокъ. Тамъ соловей, весны любовникъ, Всю нечь поетъ; цвътетъ шиповникъ,

И слышенъ говоръ ключевой;
Тамъ видънъ камень гробовой
Въ тъни двухъ сосенъ устарълыхъ.
Пришельцу надпись говоритъ:
«Владиміръ Ленскій здъсь лежитъ,
Погибшій рано смертью смълыхъ,
Въ такой-то годъ, такихъ-то лътъ.
Покойся, юноша-поэтъ!»

VII.

На вътви сосны преклоненной, Бывало, ранній вътерокъ Надъ этой урною смиренной Качалъ таинственный вънокъ: Бывало, въ поздніе досуги Сюда ходили двъ подруги, И на могилъ, при лунъ, Обнявшись плакали онъ. Но нынъ... памятникъ унылой Забытъ. Къ нему привычный слъдъ Заглохъ. Вънка на вътви нътъ; Одинъ подъ нимъ, съдой и хилой, Пастухъ по-прежнему поетъ, И обувь бъдную плететъ.

VIII. IX. X.

Мой бъдный Ленскій! Изнывая, Недолго плакала она. Увы! невъста молодая Своей печали невърна. Другой *) увлекъ ея вниманье, Другой *) успълъ ея страданье

^{*)} Уланъ. lib.pushkinskijdom.ru

Любовной лестью усыпить, Уланъ умълъ ее плънить, Уланъ любимъ ея душою.... И вотъ ужъ съ нимъ, предъ алтаремъ, Она стыдливо подъ вънцомъ Стоитъ съ поникшей головою, Съ огнемъ въ потупленныхъ очахъ, Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бъдный Ленскій! За могилой, Въ предълахъ въчности глухой, Смутился-ли пъвецъ унылой, Измъны въстью роковой? Или надъ Летой усыпленной, Иоэтъ, безчувствіемъ блаженной, Ужъ не смущается ицчъмъ, И міръ ему закрытъ и нъмъ?... Такъ равнодушное забвенье За гробомъ ожидаетъ насъ. Враговъ, друзей, любовницъ гласъ Вдругъ молкнетъ. Про одно имънье Наслъдниковъ сердитый хоръ Заводитъ непристойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голось Оли
Въ семействъ Лариныхъ умолкъ.
Уланъ, своей невольникъ доли,
Былъ долженъ вхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, съ дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была;
Но Таня плакать не могла:

Лишь смертной блёдностью покрылось Ея печальное лицо.
Когда всё вышли на крыльцо,
И все прощаясь сустилось
Вокругъ кареты молодыхъ,
Татьяна проводила ихъ.

XIII

И долго, будто сквозь тумана, Она глядѣла имъ вослѣдъ....
И вотъ одна, одна Татьяна! Увы! подруга столькихъ лѣтъ, Ея голубка молодая, Ея наперсница родная, Судьбою въ даль занесена, Съ ней навсегда разлучена. Какъ тѣнь, она безъ цѣли бродитъ; То смотритъ въ опустѣлый садъ.... Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрадъ, И облегченья не находитъ Она подавленнымъ слезамъ, И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиночествъ жестокомъ Сильнъе страсть ея горитъ, И объ Онъгинъ далекомъ Ей сердце громче говоритъ. Она его не будетъ видътъ; Она должна въ немъ ненавидътъ Убійцу брата своего. Поэтъ погибъ.... но ужъ его Никто не помнитъ; ужъ другому Его невъста отдалась:

Поэта память пронеслась Какъ дымъ по небу голубому. О немъ два сердца, можетъ быть, Еще грустятъ.... на что грустить?...

XV.

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды Струились тихо. Жукъ жужжалъ. Ужъ расходились хороводы. Ужъ за ръкой дымясь пылалъ. Огонь рыбачій. Въ полъ чистомъ, Луны при свътъ серебристомъ, Въ свои мечты погружена, Татьяна долго шла одна; Шла, шла.... и вдругъ передъ собою Съ холма господскій видитъ домъ, Селенье, рощу подъ холмомъ И садъ надъ свътлою ръкою. Она глядитъ — и сердце въ ней Забилось чаще и сильнъй.

XVI.

Ее сомивнія смущають:
Пойду-ль впередь, пойду-ль назадь?...
Его здёсь нёть. Меня не знають....
Взгляну на домь, на этоть садь.»
И воть съ холма Татьяна сходить
Едва дыша: кругомъ обводить
Недоумёнья полный взорь....
И входить на пустынный дворь.
Къ ней лая кинулись собаки.
На крикъ испуганный ея
Ребять дворовая семья
Сбёжалась шумно. Не безъ драки

Мальчишки разгоняли псовъ, Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидъть барскій домъ нельзя-ли?» Спросила Таня. Поскоръй Къ Анисьъ дъти побъжали У ней ключи взять отъ съней. Анисья тотчасъ къ ней явилась, И дверь предъ ними отворилась, И Таня входитъ въ домъ пустой, Гдъ жилъ недавно нашъ герой. Она глядитъ: забытый въ залъ Кій на билльярдъ отдыхалъ; На смятомъ канапе лежалъ Манежный хлыстикъ. Таня далъ; Старушка ей: «А вотъ каминъ: Здъсь баринъ сиживалъ одинъ.

XVIII.

«Здёсь съ нимъ обёдывалъ зимою Покойный Ленскій, нашъ сосёдъ. Сюда пожалуйте за мною. Вотъ это барскій кабинетъ: Здёсь почивалъ онъ, кофе кушалъ, Прикащика доклады слушалъ, И книжку поутру читалъ.... И старый баринъ здёсь живалъ. Со мной, бывало, въ воскресенье, Здёсь подъ окномъ, надёвъ очки, Играть изволилъ въ дурачки. Дай Богъ душъ его спасенье, А косточкамъ его покой Въ могилъ, въ мать-землъ сырой!»

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ;
И все ей кажется безцъннымъ,
Все душу томную живитъ
Полумучительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И груда книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,
И этотъ блъдный полусвътъ,
И лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельв модной Какъ очарована стоитъ. Но поздно. Вътеръ всталъ холодной. Темно въ долинъ. Роща спитъ Надъ отуманенной ръкою; Луна сокрылась за горою, И нилигримкъ молодой Пора, давно пора домой. И Таня, скрывъ свое волненье, Не безъ того, чтобъ не вздохнуть, Пускается въ обратный путь, Но прежде проситъ позволенья Пустынный замокъ навъщать, Чтобъ книжки здёсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась За воротами. Черезъ день Ужъ утромъ рано вновь явилась Она въ оставленную сънь, И въ молчаливомъ кабинетъ, Забывъ на время все на свътъ, Осталась наконецъ одна, И долго плакала она. Потомъ за книги принялася. Сперва ей было не до нихъ; Но показался выборъ ихъ Ей страненъ. Чтенью предалася Татьяна жадною душой: И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгеній Издавна чтенья разлюбиль, Однакожъ нѣсколько твореній Онъ изъ опалы исключиль: Пѣвца Гяура*) и Жуана, Да съ нимъ еще два, три романа, Въ которыхъ отразился вѣкъ, И современный человѣкъ Изображенъ довольно вѣрно Съ его безнравственной душой, Себялюбивой и сухой, Мечтанью преданной безмѣрно, Съ его озлобленнымъ умомъ, Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы Отмътку ръзкую ногтей:

^{*) «}Манфреда.» lib.pushkinskijdom.ru

Глаза внимательной дфвицы
Устремлены на нихъ живъй.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замъчаньемъ,
Бывалъ Онъгинъ пораженъ,
Въ чъмъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встръчаетъ
Черты его карандаша.
Вездъ Онъгина душа
Себя невольно выражаетъ,
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна попимать
Теперь ясиве, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхагь
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальный и опасной,
Созданье ада иль пебесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бъсъ,
Что-жъ онъ? уже-ли подражанье,
Ничтожный призракъ, пль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащъ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужъ не пародія-ли онъ!

XXV.

Уже-ль загадку разрѣшила? Уже-ли *слово* найдено? Часы бѣгутъ; она забыла Что дома ждутъ ее давно, Гдѣ собралися два сосѣда. И гдѣ о ней идетъ бесѣда. «Какъ быть? Татьяна не дитя,» Старушка молвила кряхтя, «Вѣдь Олинька ея моложе. Пристроить дѣвушку, ей-ей Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней? Всѣиъ наотрѣзъ одно и тоже: Нейду. И все груститъ она, Да бродитъ по лѣсамъ одна.»

XXVI.

— Не влюблена-ль она? — «Въ кого-же? Буяновъ сватался — отказъ.

Ивану Пътушкову — тоже.
Гусаръ Пыхтинъ гостилъ у насъ;
Ужъ какъ онъ Танею прельщался,
Какъ мелкимъ бъсомъ разсыпался!
Я думала: пойдетъ, авось,
Куда! и снова дъло врозь.»
— Что-жъ, матушка, зачъмъ-же стало?
Въ Москву, на ярмарку невъстъ!
Тамъ, слышно, много праздныхъ мъстъ, —
«Охъ, мой отецъ! доходу мало.»
— Довольно для одной зимы;
Не то ужъ дамъ хоть я взаймы. —

XXVII.

Старушка очень полюбила Совътъ разумный и благой; Сочлась, и тутъ-же положила Въ Москву отправиться зимой. И Таня слышитъ новость эту. На судъ взыскательному свъту

Представить ясныя черты
Провинціальной простоты,
И запоздалые наряды,
И запоздалый складъ ръчей!
Московскихъ франтовъ и цирцей
Привлечь насмъшливые взгляды!...
О, страхъ! нътъ, лучше и върнъй
Въ глуши лъсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
Теперь она въ поля спѣшить,
И умиленными очами
Ихъ озирая говорить:
«Простите, мирныя долины,
И вы, знакомыхъ горъ вершины,
И вы, знакомые лѣса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Мѣняю милый, тихій свѣтъ
На шумъ блистательныхъ суетъ!...
Прости-жъ и ты, мон свобода!
Куда, зачѣмъ стремлюся я?
Что мнѣ сулитъ судьба моя?

XXIX.

Ея прогулки длятся долв.
Теперь то холмикъ, то ручей
Остановляютъ поневолв
Татьяну предестью своей.
Она, какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами,
Еще бесвдовать спвшитъ.
Но лвто быстрое летитъ.

Настала осень золотая.
Природа трепетна, блёдна,
Какъ жертва, пышно убрана....
Вотъ сёверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ, — и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.

XXX.

Пришла, разсыпалась, клоками Повисла на сукахъ дубовъ; Легла волнистыми коврами Среди полей, вокругъ холмовъ; Брега съ недвижною ръкою Сравняла пухлой пеленою; Блеснулъ морозъ. И рады мы Проказамъ матушки зимы. Не радо ей лишь сердце Тани. Нейдетъ она зиму встръчать, Морозной пыжью подышать, И первымъ снъгомъ съ кровли бани Умыть лице, плеча и грудь: Татьянъ страшенъ зимній путь.

XXXI.

Отъйзда день давно просрочень; Приходитъ и послёдній срокъ. Осмотрёнь, вновь обить, упрочень Забвенью брошенный возокъ. Обозъ обычный — три кибитки Везутъ домашнія пожитки, Кастрюльки, стулья, сундуки, Варенья въ банкахъ, тюфяки, Перины, клётки съ пётухами. Горшки, тазы et cetera,

Ну, много всякаго добра. И вотъ въ избъ между слугами Поднялся шумъ, прощальный плачъ: Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячъ,

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ; Готовятъ завтракъ повара; Горой кибитки нагружаютъ; Бранятся бабы, кучера. На клячъ тощей и косматой Сидитъ форрейторъ бородатой. Сбъжалась челядь у воротъ Прощаться съ барами. И вотъ Усълись, и возокъ почтенный Скользя ползетъ за ворота. «Простите, мирныя мъста! Прости, пріютъ уединенный! Увижу-ль васъ?...» И слезъ ручей У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвъщенью Отдвинемъ болъе границъ, Со временемъ (по разсчисленью Философическихъ таблицъ, Лътъ чрезъ пятьсотъ) дороги върно У насъ измънятся безмърно: Шоссе Россію здъсь и тутъ Соединивъ пересъкутъ; Мосты чугунные чрезъ воды Шагнутъ широкою дугой; Раздвинемъ горы; подъ водой Пророемъ дерзостные своды,

lib.pushkinskijdom.ru

И заведетъ крещеный міръ На каждой станціи трактиръ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи 44), Мосты забытые гніють, На станціяхъ клопы да блохи Заснуть минуты не дають; Трактировъ нътъ. Въ избъ холодной, Высокопарной, но голодной, Для виду прейскурантъ виситъ И тщетный дразнитъ аппетитъ, Межъ-тъмъ какъ сельскіе циклопы, Передъ медлительнымъ огнемъ, Россійскимъ лечатъ молоткомъ

⁴⁴⁾ Дороги наши — садъ для глаяъ: Деревыя, съ дерномъ валъ, канавы; Работы много, много славы, Да жаль — провіда ніть подчась. Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ, Протзжимъ мало барыша; Дорога, скажешь, хероша — И вспомнишь стихь: для проходящихъ. Свободна руская взда Въ двухъ только случаяхъ: когда, Нашъ Манк-Адами или Макк-Ева, Зима свершить, треща отъ гивва, Опустошительный набъть, Путь окусть чугуномъ льдистымъ, И запорошить ранній сифгь Слёды ея пескомъ пушистымъ; Или когда поля пройметъ Такая знойная засуха, Что черезъ лужу можетъ вбродъ Пройти, глава зажмуря, муха. (Станція. Килзь Влземскій).

Издёлье легкое Европы, Благословляя колеи И рвы отеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной Взда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пъснъ модной, Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тъша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ какъ заборъ 45).
Къ несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогоновъ дорогихъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ, —
И наша дъва насладилась
Дорожной скукою вполнъ:
Семь сутокъ ъхали онъ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними Ужъ бълокаменной Москвы, Какъ жаръ крестами золотыми, Горятъ старинныя главы. Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ, Когда церквей и колоколень, Садовъ, чертоговъ полукругъ

⁴⁵⁾ Сравненіе, заимствованное 'у К**, столь извёстнаго игривостью воображенія. К... разсказываль, что, будучи однажды послань курьеромъ отъ Князя Потемкина къ Императрицѣ, онъ ѣхаль такъ скоро, что шпата его, высунувшись концемъ изъ телѣжки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу.

Открымся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукъ,
Въ моей блуждающей судьбъ,
Москва, я думалъ о тебъ!
Москва.... какъ много въ этомъ звукъ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окруженъ своей дубравой, Петровскій замокъ. Мрачно онъ Недавнею гордится славой. Напрасно ждалъ Наполеонъ, Послёднимъ счастьемъ упоенной, Москвы колёнопреклоненной Съ ключами стараго Кремля: Нётъ, не пошла Москва моя Къ нему съ повинной головою. Не праздникъ, не пріемный даръ, — Она готовила пожаръ Нетерпёливому герою! Отселъ, въ думу погруженъ, Глядёлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидътель нашей ¹) славы, Петровскій за́мокъ. Ну! не стой, Пошель! Уже столны заставы Бълъють; вотъ ужъ по Тверской Возокъ несется чрезъ ухабы. Мелькаютъ мимо будки ²), бабы,

^{&#}x27;) Въ 1-мъ изданіи «падшей.»

Въ «Моск. Въстникъ «ружья.»

Мальчишки, давки, фонари, Дворцы, сады, монастыри, Бухарцы, сани, в) огороды, Купцы, дачужки, мужики, Бульвары, башни, магазины моды, Балконы, дьвы на воротахъ И стаи галокъ на крестахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкъ Проходитъ часъ — другой, и вотъ У Харитонья въ переулкъ Возокъ предъ домомъ у воротъ Остановился. Къ старой теткъ, Четвертый годъ больной въ чахоткъ, Онъ пріъхали теперь. Имъ настежъ отворяетъ дверь Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанъ, Съ чулкомъ въ рукъ, съдой калмыкъ. Встръчаетъ ихъ въ гостиной крикъ Княжны, простертой на диванъ. Старушки съ плачемъ обнялись, И восклицанья полились.

XLI.

- «Княжна, mon ange!» Pachette! «Алина!»
- Кто-бъ могъ подумать? «Какъ давно!»
- Надолго-ль? «Милая! Кузина!»
- Садись! какъ это мудрено!

³⁾ Тамъ-же «дрожки.»

⁴⁾ Тамъ-же «будки.»

Ей Богу, сцена изъ романа....—
«А это дочь моя, Татьяна.»
— Ахъ, Таня! подойди ко миъ,
Какъ-будто брежу я во снъ....
Кузина, помнишь Грандисона? —
«Какъ, Грандисонъ?... а, Грандисонъ!
Да, помню, помню. Гдъ-же онъ?»
— Въ Москвъ, живетъ у Симеона;
Меня въ сочельникъ навъстилъ:
Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А тотъ.... но после все раскажемъ, Не правда-ль? Всей ея родне Мы Таню завтра-же покажемъ. Жаль, разъезжать неть мочи мне; Едва-едва таскаю ноги. Но вы замучены съ дороги; Пойдемте вместе отдохнуть.... Охъ, силы неть.... устала, грудь.... Мне тяжела теперь и радость, Не только грусть.... душа моя, Ужъ никуда негодна я.... Подъ старость жизнь такая гадость.... — И тутъ, совсемъ утомлена, Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки, и веселье Татьяну трогають; но ей Нехорошо на новосельв, Привыкшей къ горницъ своей. Подъ занавъскою шелковой Неспится ей въ постелъ новой,

И ранній звонъ колоколовъ, Предтеча утреннихъ трудовъ, Ее съ постели подымаетъ. Садится Таня у окна. Ръдъетъ сумракъ; по она Своихъ полей не различаетъ: Предъ нею незнакомый дворъ, Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ по родственнымъ объдамъ*)
Развозятъ Таню каждый день —
Представить бабушкамъ и дъдамъ
Ея разсъянную лънь.
Роднъ, прибывшей издалеча,
Повсюду ласковая встръча,
И восклицанья, и хлъбъ-соль.
«Какъ Таня выросла! Давно-ль
Я, кажется, тебя крестила?»
— А я такъ на руки брала! —
«А я такъ на руки брала! —
и хоромъ бабушки твердятъ:
«Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ не видно перемѣны; Все въ нихъ на старый образецъ: У тетушки Княжны Елены Все тотъ-же тюлевый чепецъ; Все бълится Лукерья Львовна,

^{*)} Въ «Мосе. Въстнивъ»: «по скучнымъ родственнымъ объдамъ.» lib.pushkinskijdom.ru

Все также лжетъ Любовь Петровна, Иванъ Петровичъ также глупъ, Семенъ Петровичъ также скупъ, У Пелагеи Николавны Все тотъ-же другъ, мосье Финмушъ, И тотъ-же шпицъ, и тотъ-же мужъ; А онъ все клуба членъ исправный, Все также смиренъ, также глухъ, И также ъстъ и пьетъ за двухъ*).

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимаютъ. Младыя граціи Москвы Сначала молча озираютъ Татьяну съ ногъ до головы; Ее находятъ что-то странной, Провинціальной и жеманной, И что-то блёдной и худой, А впрочемъ очень недурной; Потомъ покорствуя природѣ, Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ, Цёлуютъ, нѣжно руки жмутъ, Взбиваютъ кудри ей по модѣ, И повѣряютъ на распѣвъ Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLYII.

Чужія и свои побѣды, Надежды, шалости, мечты. Текутъ невинныя бесѣды Съ прикрасой легкой клеветы. Потомъ, въ отплату лепетанья,

^{*)} Bb · Mock Becthure : · n takke bakho nobhre myke .

11b. pushkinskiidom.ru

Ея сердечнаго признанья Умильно требують онв. Но Таня, точно какъ во снв, Ихъ рвчи слышить безъ участья, Не понимаеть ничего, И тайну сердца своего, Завътный кладъ, и слезъ, и счастья, *) Хранить безмолвно между-тъмъ, И имъ не дълится ни съ къмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесъды, въ общій разговоръ;
Но всъхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
Все въ нихъ такъ блъдно, **) равнодушно;
Они клевещутъ даже скучно;
Въ безплодной сухости ръчей,
Вопросовъ, сплетень и въстей,
Не вспыхнетъ мысли въ цълы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смъшной
Въ тебъ не встрътишь, свътъ пустой!

XLIX.

Архивны юноши толпою На Таню чопорно глядятъ,

^{*)} Въ «Моск. Въстникъ»:
Залогъ и горестей и счастъя
Хранитъ печально между-тъмъ.

^{**)} Въ «Моск. Въстникъ»: «вяло.»

И про нее между собою Неблагосклонно говорять. Одинъ какой-то шутъ печальной Ее находитъ идеальной, И, прислонившись у дверей, Элегію готовитъ ей. У сучной тетки Таню встрътя, Къ ней какъ-то В.... подсълъ И душу ей занять успълъ. И близь него ее замътя, Объ ней, поправя свой парикъ, Освъдомляется старикъ.

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной Протяжный раздается вой, Гдѣ машетъ мантіей мишурной Она предъ хладною толпой, Гдѣ Талія тихонько дремлетъ И плескамъ дружескимъ не внемлетъ, Гдѣ Терпсихорѣ лишь одной Дивится вритель молодой (Что было также въ прежни лѣты, Во время наше и мое), Не обратились на нее Ни дамъ ревнивые лорнеты, Ни трубки модныхъ знатоковъ Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

LI.

Ее привозять и въ собранье. Тамъ тъснота, волненье, жаръ. Музыки грохотъ, свъчъ блистанье,

lib.pushkinskijdom.ru

ø

Мельканье, вихорь *) быстрыхъ паръ, Красавицъ легкіе уборы, Людьми пестръющіе хоры, Невъстъ обширный полукругъ, Все чувство поражаетъ вдругъ. Здъсь кажутъ франты записные Свое нахальство, свой жилетъ **) И невнимательный лорнетъ. Сюда гусары отпускные Спъщатъ явиться, прогремъть, Блеснуть, плънить и улетъть.

LII.

У ночи много звёздъ прелестныхъ, Красавицъ много на Москвъ. Но ярче всёхъ подругъ небесныхъ Луна въ воздушной синевъ. Но та, которую не смёю Тревожить лирою моею, Какъ величавая луна Средъ женъ и дъвъ блеститъ одна. Съ какою гордостью небесной Земли касается она! Какъ нъгой грудь ея полна! Какъ томенъ взоръ ея чудесной!... Но полно, полно, перестань, Ты заплатилъ безумству дань.

LIII.

Шумъ, хохотъ, бъготня, поклоны, Галопъ, мазурка, вальсъ... Межъ-тъмъ,

^{*)} Въ Моск. Въст.: въ вальсть.

^{**)} Въ Моск. Въст.: Пустую голову, корсетъ.

Между двухъ тетокъ у колонны, Незамъчаема никъмъ, Татьяна смотритъ и не видитъ, Волненье свъта ненавидитъ; Ей душно здъсь... она мечтой Стремится къ жизни полевой, Въ деревню, къ бъднымъ поселянамъ, Въ уединенный уголокъ, Гдъ льется свътлый ручеекъ, Къ своимъ цвътамъ, къ своимъ романамъ, И въ сумракъ липовыхъ аллей, Туда, гдъ оно являлся ей.

, LIV.

Такъ мысль ея далече бродить:
Забыть и свътъ, и шумный балъ,
А глазъ межъ-тъмъ съ нея не сводитъ
Какой-то важный генералъ.
Другъ другу тетушки мигнули,
И локтемъ Таню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей:
«Взгляни на-лъво поскоръй.»
— На-лъво? гдъ? что тамъ такое? —
«Ну, что-бы ни было, гляди....
Въ той кучкъ, видишь, впереди,
Тамъ, гдъ еще въ мундирахъ двое....
Вотъ отошелъ.... вотъ бокомъ сталъ?...»
— Кто, толстый этотъ генералъ? —

LY.

Но здёсь съ победою поздравимъ Татьяну милую мою, И въ сторону свой путь направимъ, Чтобъ не забыть, о комъ пою.... Да кстати здёсь о томъ два слова:
Пою прінтеля младова
И множество его причудъ.
Елигослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая муза!
И върный посохі мню врушвъ,
Не дай блуждать мню вкось и вкривъ.
Довольно. Съ плечъ долой обуза!
Я классицизму отдалъ честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if for ever Still for ever fare thee well. Byron.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея
Я безмятежно расцвъталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: муза въ ней
Открыла пиръ младыхъ затъй,
Воспъла дътскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II.

И свътъ ее съ улыбкой встрътилъ:
Успъхъ насъ первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ насъ замътилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣняя Страстей единый произволъ, Съ толною чувства раздѣляя, Я музу рѣзвую привелъ На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ, Грозы полуночныхъ дозоровъ; И къ нимъ въ безумные пиры Она несла свои дары, И какъ вакханочка рѣзвилась, За чашей пѣла для гостей, И молодежъ минувшихъ дней За нею буйно волочилась, А я гордился межъ друзей Подругой вѣтренной моей.

TV.

Но я отсталь отъ ихъ союза И вдаль бъжаль.... она за мной. Какъ часто ласковая муза
Мнѣ услаждала путь нѣмой
Волшебствомъ тайнаго разсказа!
Какъ часто по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой, при лунѣ,
Со мной скакала на конѣ!
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шепотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу міровъ.

٧.

И позабывъ столицы дальной И блескъ, и шумные пиры, Въ глуши Молдавіи печальной Она смиренные шатры Племенъ бродящихъ посёщала, И между ними одичала, И позабыла рёчь боговъ Для скудныхъ, странныхъ языковъ, Для пѣсень степи ей любезной.... Вдругъ измѣнилось все кругомъ: И вотъ она въ саду моемъ Явилась барышней уѣздной, Съ печальной думою въ очахъ, Съ французской книжкою въ рукахъ.

VI.

И нынъ музу я впервые На свътскій рауть ⁴⁶) привожу;

⁴⁶) Rout, вечернее собраніе безъ танцевъ, собственно значитъ толпа

На прелести ея степныя
Съ ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тъсный рядъ аристократовъ, *)
Военныхъ франтовъ, дипломатовъ
И гордыхъ дамъ она скользитъ;
Вотъ съла тихо и глядитъ,
Любуясь шумной тъснотою,
Мельканьемъ платьевъ и ръчей,
Явленьемъ медленныхъ гостей
Передъ хозяйкой молодою,
И темной рамою мужчинъ
Вкругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей нравится порядокъ стройной Олигархическихъ бесёдъ, И холодъ гордости спокойной, И эта смёсь чиновъ и лётъ. Но это кто, въ толий избранной, Стоитъ безмолвный и туманной? Для всёхъ онъ кажется чужимъ. Мелькаютъ лица передъ нимъ, Какъ рядъ докучныхъ привидёній? Что, сплинъ иль страждущая спёсь Въ его лицё? Зачёмъ онъ здёсь? Кто онъ таковъ? Уже-ль Евгеній? Уже-ли онъ?... Такъ, точно онъ. «Давно-ли къ намъ онъ занесенъ?

VIII.

«Все тотъ-же-ль онъ, иль усмирился? Иль корчитъ также чудака?

^{*) «}Сквозь рядъ напищенныхъ магнатовъ.»

Скажите, чёмъ онъ возвратился?
Что намъ представить онъ пока?
Чёмъ нынё явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, канжей,
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малой,
Какъ вы да я, какъ цёлый свётъ?
По-крайней-мёрё мой совётъ:
Отстать отъ моды обветшалой.
Довольно онъ морочилъ свётъ....»
— Знакомъ онъ вамъ? — «И да и нётъ.»

IX.

— Зачёмъ-же такъ неблагосклонно Вы отзываетесь о немъ? За то-ль, что мы неугомонно Хлопочемъ, судимъ обо всемъ; Что пылкихъ душъ неосторожность Самолюбивую ничтожность Иль оскорбляетъ, иль смёшитъ; Что умъ, любя просторъ, тёснитъ; Что слишкомъ часто разговоры Принять мы рады за дёла; Что глупость вётренна и зла; Что важнымъ людямъ важны вздоры, И что посредственность одна Намъ по плечу и не странна?

Χ.

Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ, Блаженъ, кто во-время созрълъ, Кто постепенно жизни холодъ Съ лътами вытерпъть умълъ; Кто страннымъ снамъ не предавался; Кто черни свътской не чуждался; Кто въ двадцать лътъ былъ франтъ иль хватъ, А въ тридцать выгодно женатъ; Кто въ пятьдесятъ освободился Отъ частныхъ и другихъ долговъ; Кто славы, денегъ и чиновъ Спокойно въ очередь добился, О комъ твердили цълый въкъ: N. N. прекрасный человъкъ!

XI.

Но грустно думать, что напрасно Была намъ молодость дана, Что измъняли ей всечасно, Что обманула насъ она; Что наши лучшія желанья, Что наши свъжія мечтанья Истлъли быстрой чередой, Какъ листья осенью гнилой. Несносно видъть предъ собою Однихъ объдовъ длинный рядъ, Глядъть на жизнь, какъ на обрядъ, И вслъдъ за чинною толпою Идти, не раздъляя съ ней Ни общихъ мнъній, ни страстей! —

XII.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ, Несносно (согласитесь въ томъ) Между людей благоразумныхъ Прослыть притворнымъ чудакомъ, Иль печальнымъ сумасбродомъ, Иль сатаническимъ уродомъ, Иль даже Демономъ моимъ. Онътинъ (вновь займуся имъ), Убивъ на поъдинкъ друга, Доживъ безъ цъли, безъ трудовъ До двадцати шести годовъ, Томясь въ бездъйствіи досуга, Безъ службы, безъ жены, безъ дълъ, Ничъмъ заняться не умълъ.

XIII.

Имъ овладъло безпокойство, Охота къ перемънъ мъстъ (Весьма мучительное свойство, Немногихъ добровольный крестъ). Оставилъ онъ свое селенье, Лъсовъ и нивъ уединенье, Гдъ окровавленная тънь Ему явлалась каждый день, И началъ странствія безъ цъли, Доступный чувству одному — И путешествія ему, Какъ все на свътъ, надоъли, Онъ возвратился и попалъ, Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.

. XIV.

Но вотъ толна заколебалась, По залъ шенотъ пробъжалъ.... Къ хозяйкъ дама приближалась, За нею важный генералъ. Она была не тороплива, Не холодна, не говорлива, Безъ взора наглаго для всъхъ, Безъ притязаній на успъхъ,

Безъ этихъ маденькихъ ужимокъ, Безъ подражательныхъ затъй.... Все тихо, просто было въ ней. Она казалась върный снимокъ Du comme il faut.... ***! прости: Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе, Старушки улыбались ей; Мужчины кланялися ниже, Ловили взоръ ея очей; Дъвицы проходили тише Предъ ней по залъ, и всъхъ выше И носъ и плеча подымалъ Вошедшій съ нею генералъ. Никто-бъ не могъ ее прекрасной Назвать; но съ головы до ногъ Никто-бы въ ней найти не могъ Того, что модой самовластной Въ высокомъ лондонскомъ кругу Зовется vulgar. Не могу....

XVI.

Люблю я очень это слово, Но не могу перевести: Оно у насъ покамъсть ново, И врядъ-ли быть ему въ чести. Оно-бъ годилось въ эпиграмъ.... Но обращаюсь къ нашей дамъ. Безпечной прелестью мила, Она сидъла у стола Съ блестящей Ниной Воронскою, Сей Клеопатрою Невы:

И върно-бъ согласились вы, Что Нина мраморной красою Затмить сосъдку не могла, Хоть ослъпительна была.

XVII.

«Уже-ли,» думаетъ Евгеній:
«Уже-ль она? Но точно.... Нътъ....
Какъ! изъ глуши степныхъ селеній ...»
И неотвязчивый лорнетъ
Онъ обращаетъ поминутно,
На ту, чей видъ напомнилъ смутно
Ему забытыя черты.
«Скажи мнъ, князь, не знаешь ты
Кто тамъ въ малиновомъ беретъ
Съ посломъ испанскимъ говоритъ?»
Князь на Онъгина глядитъ.
— Ага! давно-жъ ты не былъ въ свътъ.
Постой, тебя представлю я. —
«Да кто-жъ она? — Жена моя. —

XVIII.

«Такъ ты женатъ! не зналъ я ранъ!
Давно-ли?» — Около двухъ лътъ. —
«На комъ?» — На Лариной. — «Татьянъ?»
— Ты ей знакомъ? — «Я имъ сосъдъ.»
— О, такъ пойдемъ-же. — Князъ подходитъ
Къ своей женъ, и ей подводитъ
Родню и друга своего.
Княгиня смотритъ на него....
И, что ей душу ни смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не измънило:

lib.pushkinskijdom.ru

Въ ней сохранился тотъ-же тонъ; Былъ также тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей-ей! не то чтобъ содрогнулась, Иль стала вдругъ блёдна, красна.... У ней и бровь не шевельнулась; Не сжала даже губъ она. Хоть онъ глядёлъ нельзя прилежней, Но и слёдовъ Татьяны прежней Не могъ Онёгинъ обрёсти. Съ ней рёчь хотёлъ онъ завести И — и не могъ. Она спросила, Давно-ль онъ здёсь, откуда онъ, И не изъ ихъ-ли ужъ сторонъ? Потомъ къ супругу обратила Усталый взглядъ; скользнула вонъ.... И недвижимъ остался онъ.

XX.

Уже-ль та самая Татьяна,
Которой онъ наединъ,
Въ началъ нашего романа,
Въ глухой далекой сторонъ,
Въ благомъ пылу нравоученья,
Читалъ когда-то наставленья,
Та, отъ которой онъ хранитъ
Письмо, гдъ сердце говоритъ,
Гдъ все наружу, все на волъ,
Та дъвочка.... Иль это сонъ?...
Та дъвочка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долъ,
Уже-ли съ нимъ сейчасъ была
Такъ равнодушна, такъ смъла?

XXI.

Онъ оставляетъ раутъ тъсный,
Домой задумчивъ ъдетъ онъ.
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревоженъ поздній сонъ.
Проснулся онъ — ему приносятъ
Письмо: Князь N покорно проситъ
Его на вечеръ. «Боже! къ ней!...
О! буду, буду!» — и скоръй
Мараетъ онъ отвътъ учтивый.
Что съ нимъ? Въ какомъ онъ страшномъ снъ!
Что шевельнулось въ глубинъ
Души холодной и лънивой?
Досада? суетность? иль вновь
Забота юности — любовь?

XXII.

Онъгинъ вновь часы считаетъ, Вновь не дождется дню конца, Но десять бьетъ; онъ выъзжаетъ, Онъ полетълъ, онъ у крыльца; Онъ съ трепетомъ къ княгинъ входитъ; Татьяну онъ одну находитъ, И вмъстъ нъсколько минутъ Они сидятъ. Слова нейдутъ Изъ устъ Онъгина. Угрюмой, Неловкій, онъ едва-едва Ей отвъчаетъ. Голова Его полна упрямой думой. Упрямо смотритъ онъ. Она сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходить мужъ. Онъ прерываетъ Сей непріятный tête à tête; Съ Онъгинымъ онъ вспоминаетъ Проказы, шутки прежнихъ лътъ. Они смъются. Входятъ гости. Вотъ крупной солью свътской злости Сталъ оживляться разговоръ; Передъ хозяйкой легкій вздоръ Сверкалъ безъ глупаго жеманства, И прерывалъ его межъ-тъмъ Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ, Безъ въчныхъ истинъ, безъ педантства, И не пугалъ ни чьихъ ушей Свободной живостью своей.

XXIV.

Тутъ быль однако цвътъ столицы, И знать, и моды образцы, Вездъ встръчаемыя лицы, Необходимые глупцы; Тутъ были дамы пожилыя Въ чепцахъ и въ розахъ, съ виду злыя; Тутъ было нъсколько дъвицъ, Неулыбающихся лицъ; Тутъ быль посланникъ, говорившій О государственныхъ дълахъ; Тутъ быль въ душистыхъ съдинахъ Старикъ, по старому шутившій, Отмънно тонко и умно, Что нынче нъсколько смъшно.

XXV.

Тутъ былъ на эпиграмы падвій, На все сердитый господинъ: На чай хозяйскій, слишкомъ сладкій, На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ, На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
На ложь журналовъ, на войну,
На снъгъ, и на свою жену.

XXVI.

Туть быль ***, заслужившій Извёстность низостью души, Во всёхь альбомахь притупившій, St.-P**, твои карандаши; Въ дверяхь другой диктаторь бальной Стояль картинкою журнальной — Румянъ какъ вербный херувимъ Затянуть, нёмъ и недвижимъ; И путешественникъ залетной, Перекрахмаленный нахаль, Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ Своей осанкою заботной, И молча обмёненный взоръ Ему быль общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онъгинъ вечеръ цълой Татьяной занятъ былъ одной, Не этой дъвочкой несмълой, Влюбленной, бъдной и простой, Но равнодушною княгиней, Но неприступною богиней

Роскошной, царственной Невы. О, люди! всё похожи вы На прародительницу Эву: Что вамъ дано, то не влечетъ; Васъ непрестанно змій зоветъ Къ себе, къ таинственному древу; Запретный плодъ вамъ подавай, А безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измёнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утёснительнаго сана
Пріемы скоро приняла!
Кто-бъ смёлъ искать дёвченки нёжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницё залъ?
И онъ ей сердце волновалъ!
О немъ она во мракё ночй,
Пока Морфей не прилетитъ,
Бывало, дёвственно груститъ,
Къ лунё подъемлетъ томны очи,
Мечтая съ нимъ когда-нибудь
Свершить смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всё возрасты поворны;
Но юнымъ, дёвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ.
Въ дождё страстей они свёжёютъ,
И обновляются, и зрёютъ—
И жизнь могущая даетъ
И пышный цвётъ, и сладкій плодъ.

Но въ возрастъ поздній и безплодной, На поворотъ нашихъ льтъ, Печаленъ страсти мертвой слъдъ: Такъ бури осени холодной Въ болото обращаютъ лугъ И обнажаютъ льсъ вокругъ.

XXX.

Сомнънья нътъ: увы! Евгеній
Въ Татьяну какъ дитя влюбленъ;
Въ тоскъ любовныхъ помышленій
И день и ночь проводить онъ.
Ума не внемля строгимъ пънямъ,
Къ ея крыльцу, стекляннымъ сънямъ
Онъ подъъзжаетъ каждый день;
За ней онъ гонится какъ тънь;
Онъ счастливъ, если ей накинетъ
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
Или платокъ подниметъ ей.

XXXI.

Она его не замъчаетъ, Какъ онъ ни бейся, коть умри. Свободно дома принимаетъ, Въ гостяхъ съ нимъ молвитъ слова триъ Порой однимъ поклономъ встрътитъ, Порою вовсе не замътитъ: Кокетства въ ней ни капли нътъ— Его не терпитъ высшій свътъ. Блъднътъ Онъгинъ начинаетъ: Ей иль не видно, иль не жаль;

Онътинъ сохнетъ, и едва-ль Ужъ не чахоткою страдаетъ. Всъ шлютъ Онътина къ врачамъ, Тъ хоромъ шлютъ его къ водамъ.

XXXII.

А онъ не вдетъ, онъ заранѣ Писать ко прадъдамъ готовъ О скорой встръчъ; а Татьянѣ И дъла нътъ (ихъ полъ таковъ); А онъ упрямъ, отстать не хочетъ, Еще надъется, хлопочетъ; Смълъй здороваго, больной, Княгинъ слабою рукой Онъ пишетъ страстное посланье. Хоть толку мало вообще Онъ въ письмахъ видълъ не вотще; Но, знать, сердечное страданье Уже пришло ему не вмочь. Вотъ вамъ письмо его точь въ точь.

Письмо Онъгина въ Татьянъ.

«Предвижу все: васъ оскорбитъ Печальной тайны объясненье. Какое горькое презрънье Вашъ гордый взглядъ изобразитъ! Чего хочу? Съ какою цълью Открою душу вамъ свою? Какому злобному веселью, Быть можетъ, поводъ подаю!

«Случайно васъ когда-то встрътя, Въ васъ искру нъжности замътя, Я ей повърить не посмълъ:
Привычкъ милой не далъ ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотълъ.
Еще одно насъ разлучило....
Несчастной жертвой Ленскій палъ....
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всъхъ, ничъмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой
Замъна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

«Нътъ, поминутно видъть васъ, Повсюду слъдовать за вами, Улыбку устъ, движенье глазъ Ловить влюбленными глазами, Внимать вамъ долго, понимать Душой все ваше совершенство, Предъ вами въ мукахъ замирать, Блъднъть и гаснуть.... вотъ блаженство!

«И я лишенъ того: для васъ
Тащусь повсюду на удачу;
Мнъ дорогъ день, мнъ дорогъ часъ:
А я въ напрасной скукъ трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: въкъ ужъ мой измъренъ;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увъренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я....

«Боюсь: въ мольбъ моей смиренной Увидитъ вашъ суровый взоръ

Затви хитрости презрвнной — И слышу гивный вашь укорь. Когда-бь вы знали, какь ужасно Томиться жаждою любви, Пылать — и разумомъ всечасно Смирять волненіе въ крови; Желать обнять у васъ колвни, И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ Излить мольбы, признанья, пвни, Все, все, что выразить-бы могъ, А между-тъмъ притворнымъ хладомъ Вооружить и рвчь, и взоръ, Вести спокойный разговоръ, Глядъть на васъ веселымъ взглядомъ!...

«Но такъ и быть: я самъ себъ .Противиться не въ силахъ болъ; Все ръшено: я въ вашей волъ, И предаюсь моей судьбъ.»

· XXXIII.

Отвъта нътъ. Онъ вновь посланье:
Второму, третьему письму
Отвъта нътъ. Въ одно собранье
Онъ ъдетъ; лишь вошелъ.... ему
Она на встръчу. Какъ сурова!
Его не видятъ, съ нимъ ни слова;
У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ колодомъ она!
Какъ удержать негодованье
Уста упрямыя хотятъ!
Вперилъ Онъгинъ зоркій взглядъ:
Гдъ, гдъ смятенье, состраданье?
Гдъ пятна слезъ?... Ихъ нътъ, ихъ нътъ!
На семъ лицъ лишь гнъва слъдъ....

XXXIV.

Да, можеть быть, боязни тайной, Чтобь мужь иль свёть не угадаль Проказы слабости случайной.... Всего, что мой Онъгинъ зналъ.... Надежды нъть! Онъ уъзжаеть, Свое безумство проклинаетъ — И, въ немъ глубоко погруженъ, Отъ свъта вновь отрекся онъ. И въ молчаливомъ кабинетъ Ему припомнилась пора, Когда жестокая хандра За нимъ гналася въ шумномъ свътъ, Поймала, за-воротъ взяла И въ темный уголъ заперла.

XXXV.

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора. Прочелъ онъ Гиббона, Руссо, Манзони, Гердера, Шанфора, Мадате de Stael, Биша, Тиссо, Прочелъ скептическаго Беля, Прочелъ творенья Фонтенеля, Прочелъ изъ нашихъ кой-кого, Не отвергая ничего: И альманахи, и журналы, Гдъ поученья намъ твердятъ, Гдъ поученья намъ твердятъ, Сдъ нынче такъ меня бранятъ, А гдъ такіе мадригалы Себъ встръчалъ я иногда — Е sempre bene, господа.

XXXVI.

И что-жъ? Глаза его читали, Но мысли были далеко; Мечты, желанія, печали
Тъснились въ душу глубоко.
Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ-то онъ
Былъ совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чъмъ несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой
Иль письма дъвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ.
То видитъ онъ: на таломъ снъгъ,
Какъ-будто спящій на ночлегъ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышитъ голосъ: что-жъ? убитъ!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ и трусовъ злыхъ,
И рой измънницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрънныхъ;
То сельскій домъ — и у окна
Сидитъ она.... и все она!

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ темиться въ этомъ, Что чуть съ ума не своротилъ, Или не сдълался поэтомъ. Признаться: то-то-бъ одолжилъ! А точно: силой магнитизма
Стиховъ россійскихъ механизма
Едва въ то время не постигъ
Мой безтолковый ученикъ.
Какъ походилъ онъ на поэта,
Когда въ углу сидълъ одинъ,
И передъ нимъ пылалъ каминъ,
И онъ мурлыкалъ: Benedetta
Иль Idol mio, и ронялъ
Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчались; въ воздухѣ нагрѣтомъ Ужъ разрѣшалася зима; И онъ не сдѣлался поэтомъ, Не умеръ, не сошелъ съ ума. Весна живитъ его: впервые Свои покои запертые, Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ, Двойныя окна, камелекъ, Онъ яснымъ утромъ оставляетъ. Несется вдоль Невы въ саняхъ. На синихъ, изсѣченныхъ льдахъ Играетъ солнце; грязно таетъ На улицахъ разрытый снъгъ. Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремитъ Онъгинъ? Вы заранъ Ужъ угадали; точно такъ, Примчался къ ней, къ своей Татьянъ Мой неисправленный чудакъ. Идетъ, на мертвеца похожій. Нътъ ни одной души въ прихожей.

Онъ въ залу, дальше — никого. Дверь отворилъ онъ. Что-жъ его Съ такою силой поражаетъ? Княгиня передъ нимъ, одна Сидитъ неубрана, блёдна, Письмо какое-то читаетъ, И тихо злезы льетъ ръкой, Опершись на руку щекой.

XLI.

О, кто-бъ нѣмыхъ ен страданій Въ сей быстрый мигъ не прочиталь! Кто прежней Тани, бѣдной Тани Теперь въ княгинѣ-бъ не узналъ! Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній Къ ен ногамъ упалъ Евгеній; Она вэдрогнула, и молчитъ; И на Онѣгина глядитъ Безъ удивленія, безъ гнѣва.... Его больной, угасный взоръ, Молящій видъ, нѣмой укоръ, Ей внятно все. Простая дѣва, Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней, Теперь опять воскресла въ ней!

XLII.

Она его не поднимаетъ, И, не сводя съ него очей, Отъ жадныхъ устъ не отнимаетъ Безчувственной руки своей.... О чемъ теперь ея мечтанье?... Проходитъ долгое молчанье, И тихо наконецъ она:
«Довольно, встаньте. Я должна

Вамъ объясниться откровенно. Онъгинъ, помните-ль тотъ часъ, Когда въ саду, въ аллеъ насъ Судьба свела, и такъ смиренно Урокъ вашъ выслушала я? Сегодня очередь моя.

XLIII.

«Онвтинъ, я гогда моложе, Я лучше, кажется, была, И я любила васъ; и что-же? Что въ сердцв вашемъ я нашла, Какой отвътъ? Одну суровость. Не правда-ль? Вамъ была не новость Смиренной дъвочки любовь? И нынче — Боже! — стынетъ кровь, Какъ только вспомню взглядъ холодной И эту проповъдь.... Но васъ Я не виню: въ тотъ страшный часъ Вы поступили благородно, Вы были правы предо мной: Я благодарна всей душой....

XLIV.

«Тогда — не правда-ли? — въ пустынъ, Вдали отъ суетной молвы, Я вамъ не нравилась.... Что-жъ нынъ Меня преслъдуете вы? Зачъмъ у васъ я на примътъ? Не потому-ль, что въ высшемъ свътъ Теперь являться я должна; Что я богата и знатна; Что мужъ въ сраженьяхъ изувъченъ;

Что насъ за то ласкаетъ Дворъ? *) Не потому-ль, что мой позоръ Теперь-бы всёми былъ замёченъ, И могъ-бы въ обществе принесть Вамъ соблазнительную честь?

XLY.

«Я плачу.... Если вашей Тани Вы не забыли до-сихъ-поръ, То знайте: колкость вашей брани, Холодный, строгій разговоръ, Когда-бъ въ моей лишь было власти, Я предпочла-бъ обидной страсти И этимъ письмамъ, и слезамъ. Къ моимъ младенческимъ мечтамъ Тогда имъли вы хоть жалость, Хоть уваженіе къ лътамъ.... А нынче!... Что къ моимъ ногамъ Васъ привело? Какая малость! Какъ, съ вашимъ фердцемъ и умомъ Быть чувства мелкаго рабомъ?

XLVI.

«А мнъ, Онъгинъ, пышность эта — Постылой жизни мишура, Мои успъхи въ вихръ свъта, Мой модный домъ и вечера, — Что въ нихъ? Сейчасъ отдать и радъ Всю эту ветошь маскарада, Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ За полку книгъ, за дикій садъ,

^{*) «}Что милостивъ за то еъ намъ Дворъ?»

lib.pushkinskijdom.ru

За наше бъдное жилище,
За тъ мъста, гдъ въ первый разъ,
Онъгинъ, видъла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдъ нынче крестъ и тънь вътвей
Надъ бъдной нянею моей....

XLVII.

«А счастье было такъ возможно, Такъ близко!... Но судьба моя Ужъ ръшена. Неосторожно, Быть можетъ, поступида я: Меня съ слезами заклинаній Молила мать; для бъдной Тани Вст были жребіи равны.... Я вышла замужъ. Вы должны, Я васъ прошу, меня оставить; Я знаю: въ вашемъ сердцъ есть И гордость, и прямая честь. Я васъ люблю (къ чему лукавить?) Но я другому отдайа; Я буду въкъ ему върна.»

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгеній, Какъ-будто громомъ пораженъ. Въ какую бурю ощущеній Теперь онъ сердцемъ погруженъ! Но шпоръ незапный звонъ раздался, И мужъ Татьянинъ показался, И здъсь героя моего, Въ минуту, злую для него, Читатель, мы теперь оставимъ Надолго.... навеегда. За нимъ

Довольно мы путемъ однимъ Бродили по-свъту. Поздравимъ Другъ друга съ берегомъ. Ура! Давно-бъ (не правда-ли?) пора!

XLIX.

Кто-бъ ни быль ты, о мой читатель, Другъ, недругъ, я хочу съ тобой Разстаться нынче какъ пріятель. Прости. Чего-бы ты за мной Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ: Воспоминаній-ли мятежныхъ, Отдохновенья-ль отъ трудовъ, Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ, Иль грамматическихъ ошибокъ, Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкъ ты, Для развлеченья, для мечты, Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ, Хотя крупицу могъ найти. За симъ разстанемся, прости!

L.

Прости-жъ и ты, мой спутникъ странный, И ты, мой върный идеалъ, И ты, живой и постоянный, Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ Все, что завидно для поэта: Забвенье жизни въ буряхъ свъта, Бесъду сладкую друзей. Промчалось много, много дней 'Съ тъхъ поръ, какъ юная Татьяна 'И съ ней Онъгинъ въ смутномъ снъ Явилися впервые мнъ — И даль свободнаго романа

Я сквозь магическій кристалль Еще неясно различаль.

LI.

Но тт, которымъ въ дружной встртитя Я строфы первыя читалъ....
Иныхъ ужъ нтъ, а тт далече, Какъ Сади некогда сказалъ.
Безъ нихъ Онтинъ дорисованъ.
А ты, съ которой образованъ
Татьяны милой идеалъ....
О, много, много рокъ отъялъ!
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано, Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
Кто не дочелъ ея романа,
Il вдругъ умълъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онтинымъ моимъ.

ОТРЫВКИ

изъ путешествия Онъгина.

Последняя глава Евгенія Онегина издана была особо, съ следующимъ предисловіемъ:

«Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную главу точками или цифрой; но, во избѣжаніе соблазна, онъ рѣшился лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, восьмой надъ послѣднею главою Евгенія Онѣгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

Пора: перо покоя просить; Я десять пъсень написаль; На берегъ радостный выносить Мою ладью девятый валь. Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.»

П. А. Катенинъ (коему прекрасный поэтическій талантъ не мъщаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замътилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и выгодное для читателей, вредитъ однакожъ, плану цъ-

лаго сочиненія, ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны, уъздной барышни, къ Татьянъ, знатной дамъ, становится слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ: замъчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго, но ръшился выпустить эту главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нъкоторые отрывки были напечатаны; мы здъсь ихъ помъщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нъсколько строфъ.

Е. Онътинъ изъ Москвы ъдетъ въ Нижній-Новгородъ:

..... передъ нимъ Макарьевъ суетно хлопочетъ, Кипитъ обиліемъ своимъ. Сюда жемчугъ привезъ индъецъ, Поддъльны вины европеецъ. Табунъ бракованныхъ коней Пригналъ заводчикъ изъ степей. Игрокъ привезъ свои колоды И горсть услужливыхъ костей; Помъщикъ спълыхъ дочерей. А дочки — прошлогодни моды. Всякъ суетится, лжетъ за двухъ, И всюду меркантильный духъ.

Тоска!...

Онъгинъ вдетъ въ Астрахань и оттуда на Кавказъ.

Онъ видитъ, Терекъ своенравный Крутые роетъ берега; Предъ нимъ паритъ орелъ державный, Стоитъ олень, склонивъ рога; Верблюдъ лежитъ въ тъни утеса, Въ лугахъ несется конь черкеса,

И вкругъ кочующихъ шатровъ Пасутся овцы калмыковъ. Вдали — кавказскія громады: Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань За ихъ естественную грань, Чрезъ ихъ опасныя преграды; Брега Арагвы и Куры Узръли русскіе шатры.

Уже пустыни сторожь въчный, Стъснимый ходмами вокругь, Стоитъ Бешту остроконечный, И зеленъющій Машукъ, — Машукъ, податель струй цълебныхъ; Вокругъ ручьсвъ его водшебныхъ Больныхъ тъснится блъдный рой; Кто жертва чести боевой, Кто почечуя, кто Киприды; Страдалецъ мыслитъ жизни нить Въ воднахъ чудесныхъ укръпить, Кокетка — здыхъ годовъ обиды На днъ оставить, а старикъ Помолодъть — хотя на мигъ.

Питая горьки размышленья, Среди печальной ихъ семьи, Онъгинъ взоромъ сожальныя Глядитъ на дымныя струи, И мыслитъ, грустью отуманенъ: Зачъмъ я пулей въ грудь не раненъ? Зачъмъ не хилый я старикъ, Какъ этотъ бъдный откупщикъ? Зачъмъ, какъ тульскій засъдатель, Я не лежу въ параличъ? Зачъмъ не чувствую въ плечъ

Хоть ревматизма? — Ахъ, Создатель! Я молодъ, жизнь во мнъ кръпка; Чего мнъ ждать! Тоска, тоска!...

Онъгинъ посъщаетъ потомъ Тавриду:

Воображенью край священный: Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ, Тамъ закололся Матридатъ, Тамъ пълъ Мицкевичъ вдохновенный, И посреди прибрежныхъ скалъ Свою Литву воспоминалъ.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свътъ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидълъ я;
Вы мнъ предстали въ блескъ брачномъ:
На небъ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груды вашихъ горъ;
Долинъ деревьевъ, селъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ татаръ....
Какой во мнъ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стъснилась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь.

Какія-бъ чувства ни таились Тогда во мив — теперь ихъ нвтъ: Они прошли иль измвнились.... Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лвтъ! Въ ту пору мив казались нужны Пустыни, волнъ края жемчужны, И моря шумъ, и груды скалъ,

И гордой дёвы идеаль, И безъименныя страданья.... Другіе дни, другіе сны; Смирились вы, моей весны Высокопарныя мечтанья, И въ поэтическій бокаль Воды я много подмёшаль.

Иныя нужны мнё картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двё рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небё сёренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи —
Да прудъ подъ сёнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнё балалайка
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака;
Мой идеалъ теперь — хозяйка,
Мои желанія — покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой.

Порой дождливою намедни Я, завернувъ на скотный дворъ....
Тьфу! прозаическія бредни, Фламандской школы пестрый соръ! Таковъ-ли былъ я, расцвътая? Скажи, фонтанъ Бахчисарая! Такія-ль мысли мнъ на умъ Навелъ твой безконечный шумъ, Когда безмолвно предъ тобою Зарему я воображалъ....
Средь пышныхъ, опустълыхъ залъ, Спустя три года, вслъдъ за мною,

Скитаясь въ той-же сторонъ, Онъгинъ вспомниль обо мнъ.

Я жиль тогда въ Одессв пыльной....
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильной
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышетъ, вветъ;
Все блещетъ югомъ и пестрветъ
Разнообразностью живой.
Языкъ Италіи златой
Звучитъ по улицъ веселой,
Гдъ ходитъ гордый славянинъ,
Французъ, испанецъ, армянинъ,
И грекъ, и молдаванъ тяжелой,
И сынъ египетской земли,
Корсаръ въ отставкъ, Морали.

Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описалъ,
Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на нее взиралъ.
Прівхавъ, онъ прямымъ поэтомъ
Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Одинъ надъ моремъ, и потомъ
Очаровательнымъ перомъ
Сады одесскіе прославилъ.
Все хорошо, но двло въ томъ,
Что степь нагая тамъ кругомъ;
Кой-гдъ недавній трудъ заставилъ
Младыя вътви въ знойный день
Давать наспльственную тънь.

А гдъ-бишь мой разсказъ несвязной? Въ Одессъ пыльной, я сказалъ. Я-бъ могъ сказать: въ Одессв грязной — И тутъ-бы право не солгалъ. Въ году недвль пять, шесть Одесса, По волъ бурнаго Зевеса, Потоплена, запружена, Въ густой грязи погружена. Всъ домы на аршинъ загрязнутъ, Лишь на ходуляхъ пъшеходъ По улицъ дерзаетъ въ бродъ; Кареты, люди тонутъ, вязнутъ, И въ дрожкахъ волъ, рога склоня, Смъняетъ хилаго коня.

Но ужъ дробитъ каменья молотъ, И скоро звонкой мостовой Покроется спасенный городъ, Какъ-будто кованой броней. Однако въ сей Одессъ влажной Еще есть недостатокъ важной! Чего-бъ, вы думали? — воды! Потребны тяжкіе труды.... Что-жъ? это небольшое горе, Особенно, когда вино Безъ пошлины привезено. Но солнце южное, но море.... Чего-жъ вамъ болъе, друзья? Благословенные края!

Бывало, пушка заревая
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбъгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Какъ мусульманъ въ своемъ раю,

Съ восточной гущей кофе пью. Иду гулять. Ужъ благосклонный Открытъ Casino; чашекъ звонъ Тамъ раздается; на балконъ Маркёръ выходитъ полусонный Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца Уже сошлися два купца.

Глядишь, и площадь запестръла. Все оживилось; здёсь и тамъ Бъгутъ за дъломъ и безъ дъла, Однако больше по дъламъ. Дитя разсчета и отваги, Идетъ купецъ взглянуть на флаги, Провъдать, шлютъ-ли небеса Ему знакомы паруса? Какіе новые товары Вступили нынче въ карантинъ? Пришли-ли бочки жданыхъ винъ? И что чума? и гдъ пожары? И нътъ-ли голода, войны, Или подобной новизны?

Но мы, ребята безъ печали, Среди заботливыхъ купцовъ, Мы только устрицъ ожидали Отъ цареградскихъ береговъ. Что устрицы? — Пришли! — О радость! Летитъ обжорливая младость Глотать изъ раковинъ морскихъ Затворницъ жирныхъ и живыхъ, Слегка обрызнутыхъ лимономъ. Шумъ, споры — легкое вино Изъ погребовъ принесено

На столь услужливымъ Отономъ ⁴⁷), Часы летятъ, а грозный счетъ Межъ-тъмъ невидимо растетъ.

Но ужъ темнъетъ вечеръ синій; Пора намъ въ оперу скоръй: Тамъ упоительный Россини, Европы баловень-орфей, Не внемля критикъ суровой, Онъ въчно тотъ-же, въчно новой, Онъ звуки льетъ; они кипятъ, Они текутъ, они горятъ, Какъ поцълуи молодые, Всъ въ нъгъ, въ пламени любви, Какъ зашипъвшаго аи Струя и брызги золотые.... Но, господа, позволено-ль Съ виномъ равнять do-re-mi-sol?

А только-ль тамъ очарованій? А разыскательный лорнетъ? А закулисныя свиданья? А ргіта donna? а балетъ? А ложа, гдъ красой блистая, Негоціантка молодая, Самолюбива и томна, Толпой рабовъ окружена? Она и внемлетъ и не внемлетъ И каватинъ, и мольбамъ, И шуткъ съ лестью пополамъ.... А мужъ— въ углу за нею дремлетъ, Въ просонкахъ фора закринитъ, Зънетъ и — снова захрайитъ.

⁴⁷⁾ Извъстный рестораторъ въ Одессъ

Финалъ гремитъ; пустъетъ зала; Шумя, торопится разъъздъ; Толпа на площадь побъжала При блескъ фонарей и звъздъ. Сыны Авзоніи счастливой Слегка поютъ мотивъ игривой, Его невольно затвердивъ, А мы ревемъ речитативъ. Но поздно. Тихо спитъ Одесса; И бездыханна и тепла Нъмая ночь. Луна взошла. Прозрачно-легкая завъса Объемлетъ небо. Все молчитъ, Лишь море Черное шумитъ....

И такъ я жилъ тогда въ Одессъ....

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

(1825).

RPENJEBCRIA HAJATU.

(1598 г., 29 февраля).

князь шуйскій и воротынскій.

Воротынскій.

Наряжены мы вмёстё городъ вёдать, Но, кажется, намъ не за кёмъ смотрёть: Москва пуста; во слёдъ за Патріархомъ Къ монастырю пошелъ и весь народъ. Какъ думаешь, чёмъ кончится тревога?

Шуйскій.

Чёмъ кончится? узнать не мудрено: Народъ еще повоетъ, да поплачетъ, Борисъ еще поморщится немного, Что пьяница предъ чаркою вина, И наконецъ по милости своей Принять вънецъ смиренно согласится, А тамъ — а тамъ онъ будетъ нами править По-прежнему.

Воротынскій.

Но мъсяцъ ужъ протекъ, Какъ затворясь въ монастыръ съ сестрою, Онъ, кажется, покинулъ все мірское.

Ни Патріархъ, ни Думные Бояре
Склонить его доселё не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увёщаньямъ
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великаго собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-Царица,
Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима:

•Знать самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъЧто, ежели Правитель въ самомъ дёлё
Державными заботами наскучилъ
И на престолъ безвластный не взойдетъ?
Что скажешь ты?

Шуйскій.

Скажу, что понапрасну Лилася кровь Царевича-младенца; Что если, такъ, Димитрій могъ-бы жить.

Воротынскій.

Ужасное влодъйство! Полно точно-ль Царевича сгубилъ Борисъ?

Шуйскій.

А кто-же?

Кто подкупаль напрасно Чепчугова?

Кто подослаль обоихъ Битяговскихъ

Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ

Изслъдовать на мъстъ это дъло.

Наъхаль я на свъжіе слъды;

Весь городъ быль свидътель злодъянья;

Всъ граждане согласно показали:

И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ

Изобличить сокрытаго злодъя.

Воротынскій.

Зачъмъ-же ты его не уничтожиль?

Шуйскій.

Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ Спокойствіемъ, безстыдностью нежданной; Онъ мнт въ глаза смотрълъ какъ-будто правый, Распрашивалъ, въ подробности входилъ — И передъ нимъ я повторилъ нелъпость, Которую мнт самъ онъ нашепталъ.

Воротынскій.

Нечисто, князь.

Шуйскій.

А что мив было двлать? Все объявить Өеодору? Но Царь На все глядвлъ очами Годунова, Всему внималъ ушами Годунова: Пускай его-бъ увврилъ я во всемъ; Борисъ тотчасъ его-бы разувврилъ, А тамъ меня-жъ сослали-бъ въ заточенье, Да въ добрый часъ, какъ дядю моего, Въ глухой тюрьмъ тихонько-бъ задавили. Не хвастаюсь, а вслучав, конечно, Никая казнь меня не устращитъ; Я самъ не трусъ, но также не глупецъ, И въ петлю лъзть не соглащуся даромъ.

Воротынскій.

Ужасное злодъйство! Слушай, върно Губителя раскаянье тревожить: Конечно, кровь невиннаго младенца Ему ступить мъщаетъ на престолъ.

Шуйскій.

Перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ! Какая честь для насъ, для всей Руси! Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты, Зять палача и самъ въ душъ палачъ Возьметъ вънецъ и бармы Мономаха....

Воротынскій.

Такъ, родомъ онъ не знатенъ, мы знатиъе.

Шуйскій.

Да, кажется.

Воротынскій.

Въдь Шуйскій, Воротынскій.... Легко сказать, природные князья.

Шуйскій.

Природные, и Рюриковой крови.

Воротынскій.

А слушай, князь, вёдь мы-бъ имёли право Наслёдовать Өеодору.

Шуйскій.

Да, болъ,

Чъмъ Годуновъ.

Воротынскій.

Вёдь въ самомъ дёлё!

Шуйскій.

Что-жъ?

Когда Борисъ хитрить не перестанетъ, Давай народъ искусно волновать; Пускай они оставятъ Годунова;

Своихъ князей у нихъ довольно — пусть. Себъ въ цари любаго изберутъ.

Воротынскій.

Не мало насъ, наслёдниковъ Варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видёть древню отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы удёловъ,
Давно царямъ подручниками служимъ,
А онъ умёлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать.

Шуйскій (глядить въ окно).

Онъ смѣлъ, вотъ все — а мы.... Но полно. Видишь, Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ — Пойдемъ скоръй, узнаемъ: ръшено-ли?

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

народъ.

Одинъ.

Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ Святителей, Бояръ и Патріарха. Они предъ нимъ напрасно пали ницъ; Его страшитъ сіяніе престола.

Другой.

О Боже мой, кто будеть нами править? О горе намъ!

Третій.

Да вотъ Верховный Дьякъ Выходитъ намъ сказать ръщенье Думы.

Народъ.

Молчать! молчать! Дьякъ Думный говоритъ; Ш-т — слушайте!

Щедкаловъ (съ Краснаго врыльца).

Соборомъ положили Въ последній разъ отведать силу просьбы Надъ скорбною Правителя душой. Заутра вновь святьйшій Патріаркъ, Въ Кремлъ отпъвъ торжественно молебенъ, Предшествуемъ хоругвями святыми, Съ иконами Владимірской, Донской, Воздвижется, а съ нимъ Синклитъ, Бояре, Ла сониъ дворянъ, да выборные люди И весь народъ московскій православный, Мы всв пойдемъ молить Царицу вновь, Да сжадится надъ сирою Москвой И на вънецъ благословитъ Бориса. Идите-же вы съ Богомъ по домамъ, Молитеся, да взыдетъ къ небесамъ Усердная молитва православныхъ.

(Народъ расходится).

дъвичье поле.

новодъвичій монастырь. народъ.

Одинъ.

Теперь они пошли къ Царицъ въ келью; Тутъ вошли Борисъ и Патріархъ Съ толпой бояръ.

Другой.

Что слышно?

Третій.

Все еще

Упрямится; однако есть надежда.

Баба (съ ребенкоиъ).

Агу! не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь.

Одинъ.

Нельзя-ли намъ пробраться за ограду?

Другой.

Нельзя. Куды! И въ полъ даже тъсно, Не только тамъ. Легко-ли? Вся Москва Сперлася здъсь. Смотри: ограда, кровли, Всъ ярусы соборной колокольни, Главы церквей и самые кресты Унизаны народомъ.

Первый.

Право, любо!

Одинъ.

Что тамъ за шумъ?

Другой.

Послушай.... что за шумъ?

Народъ завылъ: тамъ падаютъ что волны За рядомъ рядъ.... еще.... еще! Ну, братъ, Дошло до насъ: скоръе на колъни!

Народъ (на воленяхъ: вой и плачъ).

Ахъ, смидуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами! Будь нашъ отецъ, нашъ Царь!

Одинъ (тихо).

О чемъ тамъ плачутъ?

Другой.

А какъ намъ знать? То въдаютъ Бояре — Не намъ чета.

Бава (съ ребенкомъ).

Ну, что-жъ? Какъ надо плакать, Такъ и затихъ! Вотъ я тебя!... вотъ бука! Плачь, баловень (ребенокъ плачетъ). Ну, то-то же!

Одинъ.

Всв плачутъ —

Заплачемъ, братъ, и мы!

Другой.

Да слезъ-то нътъ.

Что тамъ еще?

Первый.

Да кто ихъ разберетъ?

Народъ.

Вънецъ за нимъ? онъ Царь! онъ согласился!... Борисъ нашъ Царь! Да здравствуетъ Борисъ!

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, ПАТРІАРХЪ, БОЯРЕ.

Борисъ.

Ты, отче Патріархъ, вы всѣ, Бояре! Обнажена моя душа предъ вами: Вы видѣли, что я пріемлю власть Великую со страхомъ и смиреньемъ: Сколь тяжела обязанность моя!

Наслёдую могущимъ Іоаннамъ — Наслёдую и Ангелу-Царю!...
О праведникъ, о мой отецъ державный! Возри съ небесъ на слезы вёрныхъ слугъ И ниспошли тому, кого любилъ ты, Кого ты здёсь столь дивно возвеличилъ, Священное на власть благословенье: Да правлю я во славъ свой народъ, Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.

Отъ васъ я жду содъйствія, Бояре, Служите мнъ, какъ вы ему служили, Когда труды я ваши раздъляль, Неизбранный еще народной волей.

Бояре.

Не измънимъ присягъ, нами данной.

Борисъ.

Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ Почіющихъ властителей Россіи, А тамъ—сзывать весь нашъ народъ на пиръ, Всъхъ, отъ вельможъ до нищаго слъпца; Всъмъ вольный входъ, всъ гости дорогіе.

(Уходитъ, за нимъ и Бояре).

Князь Воротынскій (останавлявая Шуйскаго).

Ты угадалъ!

Шуйскій.

А что?

Воротынскій.

Да здёсь, намедни,

Ты помнишь?

Шуйскій.

Нътъ, не помню ничего.

Воротынскій.

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле, Ты говорилъ —

Шуйскій.

Теперь не время помнить; Совътую порой и забывать. А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ Тогда желалъ тебя лишь испытать, Върнъй узнать твой тайный образъ мыслей; Но вотъ — народъ привътствуетъ Царя; Отсутствіе мое замътить могутъ. Иду за нимъ.

почь. келья въ чудовомъ монастыръ.

(1603 года).

ОТЕЦЪ ПИМЕНЪ, ГРИГОРІЙ спящій.

Пименъ (пишетъ передъ лампадой).

Еще одно, послёднее сказанье — И лётопись окончена моя, Исполненъ долгъ, завёщанный отъ Бога Мий гришному. Недаромъ многихъ лютъ Свидетелемъ Господь меня поставилъ, И книжному искусству вразумить:

Когда-нибудь монахъ трудолюбивый Найдетъ мой трудъ усердный, безъименный; Засвътитъ онъ, какъ я, свою дампаду, И, пыль въковъ отъ хартій отряхнувъ, Правдивыя сказанья перепишетъ, Да въдаютъ потомки православныхъ Земли родной минувшую судьбу, Своихъ Царей великихъ поминаютъ За ихъ труды, за славу, за добро — А за гръхи, за темныя дъянья Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я съизнова живу;
Минувшее проходитъ предо-мною....
Давно-ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнъ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послъднее сказанье (пишетъ).

ГРИГОРІЙ (пробуждается).

Все тотъ-же сонъ! Возможно-ль? въ третій разъ! Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой Старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей. Какъ я люблю его спокойный видъ, Когда душой въ минувшемъ погруженный, Онъ лётопись свою ведетъ; и часто Я угадать хотълъ, о чемъ онъ пишетъ: О темномъ-ли владычествъ татаръ? О казняхъ-ли свиръпыхъ Іоанна? О бурномъ-ли Новогородскомъ Въчъ?

О славъ-ли отечества? Напрасно! Ни на челъ высокомъ, ни во взорахъ Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ; Все тотъ-же видъ смиренный, величавый.... Такъ точно Дьякъ, въ приказахъ посъдълый, Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ, Добру и злу внимая равнодушно, Не въдая ни жалости, ни гнъва.

Пименъ.

Проснулся, братъ.

Григорій.

Благослови меня,

Честный отецъ.

Пименъ.

Благослови, Господь, Тебя и днесь, и присно, и во въки.

Григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся; А мой покой бъсовское мечтанье Тревожило, и врагъ меня мутилъ: Мнъ снилося, что лъстница крутая Меня вела на башню; съ высоты Мнъ видълась Москва, что муравейникъ; Внизу народъ на площади кипълъ И на меня указывалъ со смъхомъ; И стыдно мнъ, и страшно становилось. И, падая стремглавъ, я пробуждался.... И три раза мнъ снился тотъ-же сонъ. Не чудно-ли?

Пименъ.

Младая кровь играетъ; Сииряй себя молитвой и постомъ,

И сны твои видёній легких будутъ Исполнены. Донынё — если я, Невольною дремотой обезсиленъ, Не сотворю молитвы долгой къ ночи, — Мой старый сонъ не тихъ и не безгрёшенъ; Мнё чудятся то шумные пиры, То ратный станъ, то схватки боевыя, Безумныя потёхи юныхъ лётъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость! Ты воевалъ подъ башнями Казани, Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ, Ты видълъ Дворъ и роскошь Іоанна! Счастливъ! А я отъ отроческихъ лътъ По келіямъ скитаюсь, бъдный инокъ! Зачъмъ и мнъ не тъшиться въ бояхъ, Не пировать за Царскою трапезой? Успълъ-бы я, какъ ты, на старость лътъ Отъ суеты, отъ міра отложиться, Произнести монашества обътъ, И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ.

Не сътуй, брать, что рано грышный свыть Покинуль ты, что мало искушеній Послаль тебь Всевышній. Вырь ты мин: Нась издали плыняють слава, роскошь, И женская лукаван любовь. Я долго жиль и многимь насладился; Но сь той поры лишь выдаю блаженство, Какь вь монастырь Господь меня привель. Подумай, сынь, ты о Царяхь великихь: Кто выше ихь? Единый Богь. Кто смыеть Противь нихь? Никто. А что-же? Часто

Златой вънецъ тяжелъ имъ становился: Они его мъняли на клобукъ. Нарь Іоаннъ искалъ успокоенья Въ подобіи монашескихъ трудовъ. Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный, Монастыря видъ новый принималь: Кромбшники въ тафьяхъ и власяницахъ Послушными являлись чернецами, А грозный Царь Игумномъ богомольнымъ; *) Я видыть здысь, воть въ этой самой келью-(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный, **) Мужъ праведный; тогда ужъ и меня Сподобиль Богъ уразумьть ничтожность Мірскихъ суетъ), здёсь видёль я Царя, Усталаго отъ гиввныхъ думъ и казней. Задумчивъ, тихъ сидълъ межъ нами Грозный; Мы передъ нимъ недвижимо стояди, И тихо онъ бестду съ нами велъ. Онъ говорилъ Игумну и всей братьв: ***) «Отцы мои, желанный день придетъ: Предстану здёсь алкающій спасенья; Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ, Вы всь — обътъ примите мой духовный: Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный, И схиму здёсь честную восприму, Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши.» Такъ говорилъ державный Государь, И сладко ръчь изъ устъ его лилася, И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ модились, Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ Его душъ, страдающей и бурной.

^{*)} Въ Моск. Въстникъ: «игуменомъ смиреннымъ.»

^{**)} Тамъ же: «косноязычный »

^{***)} Тамъ же: «игумену и братьи »

А сынъ его Өеодоръ? На престолъ Онъ воздыхаль о мирномъ житіп Молчальника. Онъ Царскіе чертоги Преобратилъ въ молитвенную келью: Тамъ тяжкія, державныя печали Святой души его не возмущали. Богъ возлюбиль смирение Царя, И Русь при немъ во славъ безмятежной Утышилась — а въ часъ его кончины Свершилося неслыханное чудо: Къ его одру, Царю едину зримій, Явился мужъ необычайно свътелъ, И началь съ нимъ беседовать Өеодоръ И называть великимъ патріархомъ.... И всв кругомъ объяты были страхомъ, Уразумъвъ небесное видънье, Зане святый Владыка предъ Царемъ Во храминъ тогда не находился. Когда-же онъ преставился, палаты Исполнились святымъ благоуханьемъ, И ликъ его какъ солнце просіялъ. Ужъ не видать такого намъ Царя, О страшное, невиданное горе! Прогнивали мы Бога, согрышили: Владыкою себъ цареубійцу Мы нарекли.

Григорій.

Давно, честный отецъ, Хотълось мнъ тебя спросить о смерти Димитрія-Царевича; въ то время Ты, говорятъ, былъ въ Угличъ.

Пименъ.

Охъ, помню!

Привель меня Богь видъть злое дъло,

Кровавый гръхъ. Тогда я въ дальній Угличъ На нъкое былъ усланъ послушанье. Пришель я въ ночь. Наутро, въ часъ объдни, Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ; Крикъ, шумъ. Бъгутъ на дворъ царицы. Я Спъшу туда-жъ, а тамъ уже весь городъ. Гляжу: лежитъ заръзанный Царевичъ; Царица-мать въ безпамятствъ надъ нимъ, Кормидица въ отчаяным рыдаетъ, А тутъ народъ остервенясь волочитъ Безбожную предательницу — мамку.... Вдругъ между нихъ, свиръпъ, отъ злости блъденъ, Является Іуда-Битяговскій. «Вотъ, вотъ злодъй!» раздался общій вопль, И вмигъ его не стало. Тутъ народъ Вслёдъ бросился бёжавшимъ тремъ убійцамъ; Укрывшихся злодбевъ захватили И привели предъ теплый трупъ младенца, И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ. «Покайтеся!» народъ имъ завопилъ: И въ ужасъ подъ топоромъ злодъп Покаялись — и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лътъ Царевичъ убіенный?

Пименъ.

Да лътъ семи; ему-бы нынъ было — (Тому прошло ужъ десять лътъ.... нътъ, больше: Двънадцать лътъ) — онъ былъ-бы твой ровесникъ И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.

Сей повъстью плачевной заключу Я лътопись свою; съ тъхъ поръ я мало Вникалъ въ дъла мірскія. Братъ Григорій! lib.pushkinskiidom.ru Ты грамотой свой разумъ просвътилъ,
Тебъ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидътель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу Государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнъ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду.... Но звонятъ
Къ заутренъ.... Благослови, Господь,
Свопхъ рабовъ!... Подай костыль, Григорій.

(Уходитъ).

Григорій.

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ, Никто тебъ не смъетъ и напомнить О жребіи несчастнаго младенца; А между-тъмъ отшельникъ въ темной кельъ Здъсь на тебя доносъ ужасный пишетъ: И не уйдешь ты отъ суда мірскар, Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

налаты патріарха.

ПАТРІАРХЪ, ИГУМЕНЪ чудова монастыря.

HATPIAPED.

И онъ убъжаль, отецъ игумень? Игуменъ.

Убъжаль, святый Владыка, вотъ ужъ тому третій день. lib. pushkinskiidom.ru

Патріархъ.

Пострыть, окаянный! Да какого онъ роду?

Игуменъ.

Изъ роду Отрепьевыхъ, Галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздалѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ, наконецъ пришелъ къ моей Чудовской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но знать грамота далася ему не отъ Господа Бога....

Патріархъ.

Ужъ эти мит грамотъи! Что еще выдумалъ! Буду Циремъ на Москвъ! Ахъ, онъ сосудъ діавольскій! Однако нечего Царю и докладывать объ этомъ; что тревожить отца-Государя! Довольно будетъ объявить о побътъ Дьяку Строву или Дьяку Ефимьеву. Этака ересь: буду Царемъ на Москвъ!... Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на въчное покаяніе. Въдь это ересь, отецъ пгуменъ?

Игуменъ.

Ересь, святый Владыка, сущая ересь.

Ц ГРСКІЯ ПАЛАТЫ.

два стольника.

Первый.

Гдъ Государь?

Второй.

Въ своей опочивальнъ. Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

Первый.

Такъ, вотъ его любимая бесъда: Кудесники, гадатели, колдуньи. Все ворожитъ, что красная невъста. Желалъ-бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

. Второй.

Вотъ онъ идетъ. Угодно-ли спросить?

Первый.

Какъ онъ угрюмъ!

(Уходять).

Царь (входить).

Достигъ я высшей власти; Шестой ужъ годъ я царствую спокойно: Но счастья нътъ моей душъ. Не такъ-ли Мы смолоду влюбляемся и алчемъ Утъхъ любви, но только утолимъ Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ, Ужъ охладъвъ скучаемъ и томимся!... Напрасно мев кудесники сулять Дни долгіе, дни власти безмятежной; Ни власть, ни жизнь меня не веселять; Предчувствую небесный громъ и горе. Мив счастья ивтъ. Я думаль свой народъ Въ довольствіи, во славъ успоконть, Щедротами любовь его снискать; Но отложилъ пустое попеченье: Живая власть для черни ненавистна. Они любить умъють только мертвыхъ.

Безумны мы, когда народный плескъ, Иль ярый вопль тревожить сердце наше! Богъ насылалъ на землю нашу гладъ; Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая, отвориль имъ житницы; я злато Разсыпаль имъ; я имъ сыскаль работы: Они-жъ меня, бъснуясь, проклинали! Пожарный огнь ихъ домы истребиль; Я выстроиль имъ новыя жилища; Они-жъ меня пожаромъ упрекали! Вотъ черни судъ: ищи-жъ ея любви! Въ семьъ моей и мнилъ найти отраду, Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ! Какъ буря, смерть уноситъ жениха.... И тутъ молва лукаво нарекаетъ Виновникомъ дочерняго вдовства Меня, меня несчастнаго отца!... Кто ни умретъ, я всъхъ убійца тайный: Я ускориль Өеодора кончину, Я отравиль свою сестру Царицу, Монахиню смиренную.... все я! Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ Среди мірскихъ печалей успокоить; Ничто, ничто.... едина развъ совъсть; Такъ, здравая, она восторжествуетъ Надъ злобою, надъ темной клеветою; Но если въ ней единое пятно, Единое случайно завелося, Тогда бъда: какъ язвой моровой Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ, Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ, И все тошнитъ, и голова кружится, И мальчики кровавые въ глазахъ.... И радъ бъжать, да некуда... ужасно! Да, жалокъ тотъ, въ комъ совъсть нечиста!

корчиа на литовской границъ.

МИСАНЛЪ и ВАРЛААМЪ, вродяги въ видъ чернецовъ; ГРИГОРІЙ ОТРЕПЬЕВЪ міряниномъ; ХО-ЗЯЙКА.

Хозяйка.

Чъмъ-то мнъ васъ подчивать, старцы честные?

Варлаамъ.

Чъмъ Богъ пошлетъ, хозяющка. Нътъ-ли вина?

Хозяйка.

Какъ не быть, отцы мои! сейчасъ вынесу. (Уходить).

Мисаилъ.

Что-жъ ты закручинился, товарищъ? Вотъ и граница Литовская, до которой такъ котълось тебъ добраться.

Григорій.

Пока не буду въ Литвъ, до тъхъ поръ не буду спокоенъ.

Варлаамъ.

Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаилъ да я грѣшный, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ и не думаемъ: Литва-ли, Русь-ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было-бы вино.... да вотъ и оно!...

Мисаилъ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Хозяйка, (входить).

Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаилъ.

Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. (Пьють. Варлаамъ затягиваетъ пъсню: Какъ во городъ было во Казани....) Что-же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

Григорій.

Не хочу.

Мисаилъ.

Вольному воля....

Варлаамъ.

А пьяному рай, отецъ Мисаилъ! Выпьемъ-же чарочку за шинкарочку.... (пьетъ).

Однако, отецъ Мисаилъ, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю: иное дъло пьянство, а иное чванство; хочешь жить какъ мы, милости просимъ — нътъ, такъ убирайся, проваливай: скоморохъ попу не товарищъ.

Григорій.

Пей, да про себя разумъй, отецъ Варлаамъ!... Видишь, и я порой складно говорить умъю.

Варлаамъ.

А что мив про себя разумъть?

Мисаилъ.

Оставь его, отецъ Вардаамъ.

Варлаамъ.

Да что онъ за постникъ? Самъ-же къ намъ назвался въ товарищи, невъдомо кто, невъдомо откуда — да еще и спъсивится.

(Пьеть и поеть: Молодой чернецъ постригся).

Григорій, хозяйкв.

Куда ведетъ эта дорога?

Хозяйка.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

Григорій.

А далече-ли до Луёвыхъ горъ?

Хозяйка.

Недалече, къ вечеру можно-бы туда поспъть, кабы не заставы Царскія, да сторожевые приставы.

Григорій.

Какъ, заставы, что это значитъ?

Хозяйка.

Кто-то бъжалъ изъ Москвы, а вельно всъхъ задерживать, да осматривать.

Григорій (про себя).

Вотъ тебъ, бабушка, Юрьевъ день (Вслухъ). Да ко-го-жъ имъ надобно? Кто бъжалъ изъ Москвы?

Хозяйка.

А Господь его въдаетъ, воръ-ли, разбойникъ, только здъсь и добрымъ людямъ нынъ проходу нътъ. А что изъ того будетъ? Ничего, ни лысаго бъса не поймаютъ: будто въ Литву нътъ и другаго пути, какъ столбовая дорога! Вотъ хоть отсюда свороти влъво, да боромъ иди по тропинкъ до часовни, что на Чеканскомъ ручьъ, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ уже всякій мальчишка доведетъ до Луёвыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что притъсняютъ прохожихъ, да обираютъ насъ, бъдныхъ (слышенъ шумъ).

Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они проклятые! дозоромъ идутъ.

Григорій.

Хозяйка! нътъ-ли въ избъ другаго угла?

Хозяйка.

Нъту, родимый, рада-бы сама спрятаться. Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ и вина, и хлъба, и невъдомо чего — чтобъ имъ издохнуть, окаяннымъ! чтобъ имъ....

(Входять пристава).

Приставъ.

Здорово, хозяйка!

Хозяйка.

Добро пожаловать, гости дорогіе, милости просимъ!

Одинъ приставъ (другому).

Ба! да здёсь попойка идеть: будеть чёмъ поживиться. (Монахамь). Вы что за люди?

Варлаамъ.

Мы Божіи старцы, иноки смиренные, ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милостыню христіанскую на монастырь.

Приставъ (Григорію).

А ты?

Мисаилъ.

Нашъ товарищъ....

Григорій.

Мірянинъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отселъ иду во-свояси.

Мисаплъ.

Такъ ты раздумалъ....

Григорій (тихо).

модчи.

Приставъ.

Хозяйка, выставь-ко еще вина; а мы здёсь со старцами попьемъ, да побесъдуемъ.

Другой приставъ (тихо).

Парень-то, кажется, голъ: съ него взять печего; за то старцы....

Первый.

Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся. — Что, отцы мои, каково промышляете?

Варлаамъ.

Плохо, сыне, плохо! Нынъ христіане стали скупы; деньгу любять, деньгу прячуть. Мало Богу дають. Пріиде гръхъ велій на языцы земніи. Всъ пустилися въ торги, въ мытарства; думають о мірскомъ богатствъ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь, молишь, молишь, иногда въ три дня трехъ полушекъ не вымолишь. Такой гръхъ! Пройдетъ недъля, другая, заглянешь въ мошенку, анъ въ ней такъ мало, что совъстно въ монастырь показаться; что дълать? съ горя и остальное пропьешь; бъда да и только. — Охъ, плохо, знать пришли наши послъднія времена....

Хозяйка (плачеть).

Господь помилуй и спаси!

(Впродолжение Варлаамовой рѣчи, первый приставъ значительно всматривается въ Мисанда).

Первый приставъ.

Алеха! При тебъ-ли Царскій указъ?

Второй.

При мив.

Первый.

Подай-ко сюда.

Мисаилъ.

Что ты на меня такъ пристально смотришь?

Первый приставъ.

А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ-ли ты это?

Мисаилъ.

Не слыхалъ.

Приставъ.

Не слыхалъ? ладно. А того бъглаго еретика Царь приказалъ изловить и повъсить. Знаешь-ли ты это?

Мисаилъ.

Не знаю.

Приставъ (Варлааму).

Умвешь-ли ты читать?

Варлаамъ.

Смолоду зналъ, да разучился.

Приставъ (Мисанлу).

А ты?

Мисаилъ.

Не умудриль Господь.

Приставъ.

Такъ вотъ тебъ Царскій указъ.

Мисаилъ.

На что мнъ его!

Приставъ.

Мнъ сдается, что этотъ бъглый еретикъ, воръ, мошенникъ — ты.

Мисаилъ.

Я? помилуй! что ты!

Приставъ.

Постой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

Хозяйка.

Ахъ они окаянные мучители! и старца-то въ по-кож не оставятъ!

Приставъ.

Кто здёсь грамотный?

Григорій (выступаеть впередь).

Я грамотный.

Приставъ.

Вотъ на.... А у кого-же ты научился?

Григорій.

У нашего понамаря.

ПРИСТАВЪ (даеть ему указъ).

Читай-же вслухъ.

Григорій (читаеть).

«Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, «изъ роду Отрепьевыхъ, впалъ въ ересь и дерзнулъ,

«наученный діаволомъ, возмущать святую братію «всякими соблазнами и беззаконіями. А по справкамъ «оказалось, отбъжалъ онъ, окаянный Гришка, къ гра«ницъ Литовской....»

Приставъ (Мисаилу).

Какъ-же не ты?

Григорій.

«И Царь повелёль изловить его....

Приставъ.

И повъсить!

Григорій.

Тутъ не сказано повъсить.

Приставъ.

Врешь! не всяко слово въ строку пишется. Читай: изловить и повъсить.

Григорій.

«И повъсить. А лътъ ему вору Гришкъ отъ роду.... «(смотря на Варлаама) за 50, а росту онъ средняго, лобъ «имъетъ плъшивый, бороду съдую, брюхо толстое.» (Всъ глядятъ па Варлаама).

Первый приставъ.

Ребята! здъсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ!

В ардаамъ (вырывая бумагу).

Отстаньте, пострылы! что я за Гришка? Какъ! 50 льть, борода съдая, брюхо толстое! Нътъ, братъ, молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читываль и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, какъ lib.pushkinskiidom.ru

дёло до петли доходитъ. (Читаетъ по складамъ). $\langle A$ лётъ е-му отъ ро-ду.... 20.» — Что братъ, гдё тутъ 50? видишь? — 20.

Второй приставъ.

Да, помнится, двадцать; такъ и намъ было сказано.

Первый приставъ (Григорію).

Да ты, братъ, видно забавникъ.

(Во время чтенія, Григорій стоить, потупя голову, съ рукою за пазухой).

В АРЛААМ Ъ (продолжаетъ).

«А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука «короче другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на «щекъ бородавка, на лбу другая.» Да это, другъ, ужъ не ты-ли?

(Григорій вдругь вынимаеть кинжаль; всъ передъ нимъ разступаются; онъ бросается въ окно).

Пристава.

Держи! держи!

(Всв бытуть въ безпорядкы).

носква. домъ шуйскаго.

ШУЙСКІЙ, множество гостей. Ужинъ.

Шуйскій.

Вина еще! (Встаетъ, за нимъ и всѣ). Ну, гости дорогіе, послъдній ковшъ! Читай молитву, мальчикъ.

Мальчикъ.

Нарю небесъ, вездъ и присно сущій, Своихъ рабовъ моленію внемли: Помолимся о нашемъ Государъ, Объ избранномъ Тобой благочестивомъ, Всъхъ христіанъ Царъ самодержавномъ. Храни его въ палатахъ, въ полъ ратномъ, И на путяхъ, и на одръ ночлега. Подай ему побъду на враги. Ла славится онъ отъ моря до моря. Ла здравіемъ цвътеть его семья, Да осънять ея драгія вътви Весь міръ земной; а къ намъ, своимъ рабамъ; Да будеть онь, какь прежде, благодатень И милостивъ, и долготерпъливъ, Да мудрости его неистощимой Проистекутъ источники на насъ; И Царскую на то воздвигнувъ чашу, Мы молимся Тебъ, Царю небесъ.

Шуйскій (пьетъ).

Да здравствуетъ Великій Государь!
Простите-же вы, гости дорогіе;
Благодарю, что вы моей жлібоъ-солью
Не презрым. Простите, добрый сонъ.
(Гости уходять; онъ провожаеть до дверей).

Пушкинъ.

Насилу убрались; ну, Князь Василій Ивановичъ, я ужъ думалъ, что намъ не удастся и переговорить.

Шуйскій (слугамъ).

Вы что ротъ разинули? Все-бы вамъ господъ подслушивать. Сбирайте со стола, да ступайте вонъ. Что такое, Аванасій Михайловичь?

Пушкинъ.

Чудеса да и только! Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнъ Изъ Кракова гоица прислалъ сегодня.

Шуйскій.

Hy.

Пушкинъ.

Странную племянникъ пишетъ новость. Сынъ Грознаго... Постой. (Идетъкъдверямъносматриваетъ). Державный отрокъ, По манію Бориса убіенный....

Шуйскій.

Да это ужъ не ново.

Пушкинъ.

Погоди:

Димитрій живъ.

Шуйскій.

Вотъ-на! какая весть! Царевичъ живъ! Ну, подлинно чудесно! И только-то.

Пушкинъ.

Послушай до конца: Кто-бъ ни былъ онъ, спасенный-ли Царевичъ, Иль нъкій духъ во образъ его, Иль смылый плутъ, безстыдный самозванецъ, Но только тамъ Димитрій появился.

Шуйскій.

Не можетъ быть.

Пушкинъ.

Его самъ Пушкинъ видълъ, Какъ прівзжалъ впервой онъ во дворецъ И сквозь ряды литовскихъ пановъ прямо Шелъ въ тайную палату Короля.

Шуйскій.

Кто-жъ онъ такой? откуда онъ?

Пушкинъ.

Не знаютъ,

Извъстно то, что онъ слугою былъ У Вишневецкаго; что на одръ болъзни Открылся онъ духовному отцу; Что гордый панъ, сію провъдавъ тайну, Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра, И съ нимъ потомъ уъхалъ къ Сигизмунду.

Шуйскій.

Что-жъ говорять объ этомъ удальцъ?

Пушкинъ.

Да слышно, онъ уменъ, привътливъ, ловокъ, По нраву всъмъ. Московскихъ бъглецовъ Обворожилъ. Латинскіе попы Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ, И говорятъ, помогу объщалъ.

Шуйскій.

Все это, братъ, такая кутерьма, Что голова кругомъ пойдетъ невольно. Сомнънья нътъ, что это самозванецъ, Но признаюсь, опасность не мала. Въсть важная! и если до народа Она дойдетъ, то быть грозъ великой!

Пушкинъ.

Такой грозъ, что врядъ Царю Борису Сдержать вёнецъ на умной головъ. И подбломъ ему: онъ правитъ нами, Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ). Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нътъ, Что на полу кровавомъ всенародно Мы не поемъ каноновъ Іпсусу, Что насъ не жгутъ на площади, а Царь Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей? Увърены-ль мы въ бъдной жизни нашей! Насъ каждый день опала ожидаетъ, Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы, А тамъ въ глуши голодна смерть, иль петля. Знативйшіе межъ нами роды гдв? Гдъ Сицкіе Князья, гдъ Шестуновы, Романовы, отечества надежда? Заточены, замучены въ изгнаньъ. Дай срокъ: тебъ такая-жъ будетъ участь! Легко-ль, скажи: мы дома, какъ Литвой, Осаждены невърными рабами: Все языки, готовые продать, Правительствомъ подкупленные воры. Зависимъ мы отъ перваго холопа, Котораго захочемъ наказать. Вотъ — Юрьевъ день задумаль уничтожить. Невластны мы въ помъстіяхъ своихъ, Не смъй согнать лънивца! Радъ не радъ, Корми его! Не смъй переманить Работника! Не то -- въ Приказъ Холопій. Ну, слыхано-ль хоть при Царж Иванъ Такое зло? А легче-ли народу? Спроси его. Попробуй самозванецъ

Имъ посулитъ старинный Юрьевъ день, Такъ и пойдетъ потъха.

Шуйскій.

Правъ ты, Пушкинъ.

Но знаешь-ли? Объ этомъ обо всемъ Мы помолчимъ до времени.

Пушкинъ.

Въстимо,

Знай про себя. Ты человъкъ разумный; Всегда съ тобой бесъдовать я радъ, И если что меня подчасъ тревожитъ, Не вытерплю, чтобъ не сказать тебъ; Къ тому-жъ твой медъ, да бархатное пиво Сегодня такъ языкъ мнъ развязали.... Прощай-же, Князь.

Шуйскій.

Прощай, братъ, до свиданья.
(Провожаетъ Пушкина).

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ЦАРЕВИЧЪ чертитъ географическую карту. ЦАРЕВ-НА, МАМКА царевны.

Ксенія (цёлуетъ портретъ).

Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мив ты достался, не своей невъстъ, а темной могилкъ, на чужой сторонкъ: никогда не утъщусь, въчно по тебъ буду плакать.

MAMKA.

И, Царевна! Дъвица плачеть, что роса падаеть: взойдеть сонце, росу высущить. Будеть у тебя другой женихъ и прекрасный, и привътливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана Королевича.

Ксенія.

Нътъ, мамушка, я и мертвому буду ему върна. (Входить Борись).

Царь.

Что, Ксенія? что, милая моя?
Въ невъстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихъ.
Дитя мое! судьба мнъ не судила
Виновникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ быть, прогнъвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить;
Безвинная! зачъмъ-же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чъмъ занятъ? Это что?

Ө водоръ.

Чертежъ земли Московской, наше царство Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва, Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море, Вотъ Пермскіе дремучіе лъса. А вотъ Сибирь.

Царь.

А это что такое Узоромъ здѣсь віется?

Ө водоръ.

Это Вогга.

Царь.

Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья! Какъ съ облаковъ ты можешь обозрёть Все царство вдругъ: границы, грады, ръки. Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ Намъ опыты быстротекущей жизни. Когда-нибудь, и скоро, можетъ быть, Всъ области, которыя ты нынъ Изобразилъ такъ хитро на бумагъ, Всъ подъ руку достанутся твою. Учись, мой сынъ, и легче, и яснъе Державный трудъ ты будешь постигать.

(Входитъ Семенъ Годуновъ).

Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ. (Ксенін). Душа моя, поди въ свою свѣтлицу; Прости мой другъ; утѣшь тебя Господь.

(Ксенія съ мамкою уходять).

Что скажешь мнъ, Семенъ Никитичъ?

Семенъ Годуновъ.

Нынче

Ко мнъ, чъмъ свътъ, дворецкій Князь Василья И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

Царь.

Hy.

Семенъ Годуновъ.

Пушкина слуга донесъ сперва, Что поутру вчера къ нимъ въ домъ прівхалъ Изъ Кракова гонецъ и черезъ часъ Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

Парь.

Гонца схватить.

Семенъ Годуновъ. Ужъ послано въ догоню.

Царь.

О Шуйскомъ что?

Семенъ Годуновъ.

Вечоръ онъ угощалъ Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ, Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова, Да Пушкина, да нъсколько другихъ; А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ Наединъ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесъдовалъ еще.

Дарь.

Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

Семенъ Годуновъ.

Государь!

Онъ здёсь уже.

Царь.

Позвать его сюда.

(Годуновъ уходитъ).

Царь.

Сношенія съ Литвою! Это что?...
Противенъ мнъ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довърять:
Уклончивый, но смълый и лукавый....
(Входить Шуйскій).

Мит нужно, Князь, съ тобою говорить. Но, кажется, ты самъ пришель за дъломъ: И выслушать хочу тебя сперва.

Такъ, Государь: мой долгъ тебъ повъдать Въсть важную.

Царь.

Я слушаю тебя.

Шуйскій (тихо уклашвая на Өеодора).

Но, Государь....

Царь.

Царевичъ можетъ знать, Что въдаетъ князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій.

Царь, изъ Литвы пришла намъ въсть....

Царь.

Не та-ли,

Что Пушкину привезъ вечоръ гонецъ?

Шуйскій.

Все знаетъ онъ!... Я думаль, Государь, Что ты еще не въдаешь сей тайны.

Царь.

Нътъ нужды, Князь; хочу сообразить Извъстія, иначе не узнаемъ Мы истины.

Шуйскій.

Я знаю только то, Что въ Краковъ явился самозванецъ, И что Король и Паны за него.

ЦAРЬ.

Что-жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ? lib.pushkinskijdom.ru

Не въдаю.

Царь.

Но.... чъмъ опасенъ онъ?

Шуйскій.

Конечно, Царь, сильна твоя держава! Ты милостью, радёньемъ и щедротой Усыновиль сердца своихъ рабовъ. Но знаешь самъ: безсмысленная чернь Измёнчива, мятежна, суевёрна, Легко пустой надеждё предана, Миновенному внушенію послушна, Для истины глуха и равнодушна, А баснями питается она. Ей нравится безстыдная отвага; Такъ если сей невёдомый бродяга Литовскую границу перейдетъ, Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ Димитрія воскреснувшее имя.

Царь.

Димитрія!... какъ! этого младенца! Димитрія!... Царевичъ, удались!

Шуйскій.

Онъ покрасивлъ: быть буръ!...

Ө водоръ.

Государь,

Дозволишь ли?...

Парь.

Нельзя, мой сынъ, поди. (Өеодоръ уходить).

Димитрія!...

Онъ ничего не зналъ.

Парь.

Послушай, Князь: взять мёры сей-же часъ; Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась Заставами; чтобъ ни одна душа Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ Не прибъжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ Не прилетълъ изъ Кракова. Ступай.

Шуйскій.

Иду.

Царь.

Постой. Не правда-ль, эта въсть Затъйлива? Слыхалъ-ли ты когда, Чтобъ мертвые изъ гроба выходили Допрашивать Царей, Царей законныхъ, Назначенныхъ, избранныхъ всенародно, Увънчанныхъ великимъ Патріархомъ? Смъшно? а? что? что-жъ не смъешься ты?

Шуйскій.

Я, Государь?...

Царь.

Послушай, Князь Василій: Какъ я узналъ, что отрока сего....
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни, Ты посланъ былъ на слъдствіе: теперь Тебя Крестомъ и Богомъ заклинаю, По совъсти мнъ правду объяви: Узналъ-ли ты убитаго младенца И не было-ль подмъна? Отвъчай.

Клянусь тебъ....

Царь.

Нътъ, Шуйскій, не клянись, Но отвъчай: то былъ Царевичъ!

Шуйскій.

Онъ.

Царь.

Подумай, Князь. Я милость объщаю, Прошедшей лжи опалою напрасной Не накажу. Но если ты теперь Со мной хитришь, то головою сына Клянусь — тебя постигнетъ злая казнь, Такая казнь, что Царь Иванъ Васильичъ Отъ ужаса во гробъ содрогнется.

Шуйскій.

Не казнь страшна, страшна твоя немилость! Передъ тобой дерзну-ли я дукавить? И могъ-ли я такъ слъпо обмануться, Что не узналъ Димитрія? Три дня Я трупъ его въ соборъ посъщалъ, Всъмъ Угличемъ туда сепровожденный. Вокругъ него тринадцать тълъ лежало, Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ Ужъ тлъніе примътно проступало, Но дътскій ликъ Царевича былъ ясенъ, И свъжъ, и тихъ, какъ-будто усыпленный: Глубокая не запекалась язва, Черты-жъ лица совсъмъ не измънились. Нътъ, Государь, сомнънья нътъ: Димитрій Во гробъ спитъ.

Парь.

Довольно, удались!

, (Шуйскій уходить).

Ухъ, тяжело!... дай духъ переведу!

Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лице
Мнъ кинулась и тяжко опускалась....
Такъ вотъ зачъмъ тринадцать лътъ мнъ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да — вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто-же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тънь —
Уже-ли тънь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дътей моихъ наслъдства?
Безумецъ я! Чего-жъ я испугался?
На призракъ сей подуй — и нътъ его.
Такъ ръшено: не окажу я страха;
Но презирать не должно ничего....
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

праковъ. домъ вишиевецкаго.

САМОЗВАНЕЦЪ и РАТЕР ЧЕРНИКОВСКІЙ.

Самозванецъ.

Нътъ, мой отецъ, не будетъ затрудненья. Я знаю духъ народа моего; Въ немъ набожность не знаетъ изступленья: Ему священъ примъръ Царя его. Всегда, къ тому-жъ, терпимость равнодушна. Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ

Весь мой народъ и вся Восточна Церковь Признаютъ власть Намъстника Петра.

PATER.

Вспомоществуй тебѣ святый Игнатій, Когда прійдутъ иныя времена. А между-тѣмъ небесной благодати Таи въ душѣ, Царевичъ, сѣмяна; Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ Намъ иногда духовный долгъ велитъ: Твои слова, дѣянья — судятъ люди; Намъренья единый видитъ Богъ.

Самозванецъ.

Amen. Kto tamb!

(Входить слуга).

Сказать: мы принимаемъ. (Отворяются двери, входить толпа Русскихъ и Поляковъ). Товарищи! мы выступаемъ завтра Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у тебя Остановлюсь въ Самборъ на три дня. Я знаю: твой гостепріимный замокъ И пышностью блистаетъ благородной, И славится хозяйкой молодой. Предестную Марину я надъюсь Увидъть тамъ. А вы, мон друзья, Литва и Русь, вы, братскія знамена Поднявшіе на общаго врага, На моего коварнаго злодвя, Сыны Славянъ, я скоро поведу Въ желанный бой дружины ваши грозны; Но между васъ я вижу новы лица.

Гаврила Пушкинъ.

Они пришли у милости твоей Просить меча и службы.

Самозванецъ.

Радъ вамъ, дъти.

Ко мит друзья. Но кто, скажи мит, Пушкинъ, Красавецъ сей?

Пушкинъ.

Князь Курбскій.

Самозванецъ (Курбскому).

Имя громко!

Ты родственникъ Казанскому герою?

Курьскій.

Я сынъ его.

Самозванецъ.

Онъ живъ еще?

Курьскій.

Нътъ, умеръ.

Самозванецъ.

Великій умъ! мужъ битвы и совъта! Но съ той поры, когда являлся онъ, Своихъ обидъ ожесточенняй мститель, Съ литовцами подъ ветхій городъ Ольгинъ, Молва объ немъ умолкла.

Курьскій.

Мой отецъ

Въ Волыніи провель остатокъ жизни, Въ помъстіяхъ, дарованныхъ ему Баторіемъ. Уединенъ и тихъ, Въ наукахъ онъ искалъ себъ отрады. Но мирный трудъ его не утъщалъ:

Онъ юности своей отчизну помниль И до конца по ней онъ тосковаль.

Самозванецъ.

Несчастный вождь! какъ ярко просіялъ Восходъ его шумящей, бурной жизни! Я радуюсь, великородный витязь, Что кровь его съ отечествомъ мирится; Вины отцовъ не должно вспоминать: Миръ гробу ихъ! Приближься, Курбскій....руку! Не странно-ли? сынъ Курбскаго ведетъ На тронъ, кого? да — сына Іоанна!... Все за меня: и люди, и судьба. Ты кто такой?

Полякъ.

Собаньскій, шляхтичь вольный.

Самозванецъ.

Хвала и честь тебъ, свободы чадо! Впередъ ему треть жалованья выдать. Но эти кто? я узнаю на нихъ Земли родной одежду. Это наши.

Хрущовъ (быеть челомъ).

Такъ, Государь, отецъ нашъ. Мы твои Усердные, гонимые холопья. Мы изъ Москвы, опальные, бъжали Къ тебъ, нашъ Царь, и за тебя готовы Главами лечь; да будутъ наши трупы На Царскій тронъ ступенями тебъ.

Самозванецъ.

Мужайтеся, безвинные страдальцы. Лишь дайте мит добраться до Москвы, Л тамъ Борисъ расплатится во всемъ.
Ты кто?

KAPEJA.

Казакъ; къ тебъ я съ Дона посланъ Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ Атамановъ, Отъ казаковъ верховыхъ и низовыхъ, Узръть твои Царевы ясны очи И кланяться тебъ ихъ головами.

Самозванецъ.

Я зналь Донцовъ: не сомнъвался видъть Въ своихъ рядахъ казачьи бунчуки. Благодаримъ Донское наше войско. Мы въдаемъ, что нынъ казаки Неправедно притъснены, гонимы; Но если Богъ поможетъ намъ вступить На тронъ отцовъ, то мы по старинъ Пожалуемъ нашъ върный вольный Донъ.

Поэтъ (приближается, кланяясь низко и хватая Гришку за полу).

Великій Приндъ, Свътльйшій Королевичъ!

Самозванецъ.

Что хочешь ты?

Поэтъ (подаетъ ему бумагу).

Пріимите благосклонно-Сей бъдный плодъ усерднаго труда.

Самозванецъ.

Что вижу я? Латинскіе стихи! Стократъ священъ союзъ меча и лиры; Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.

Родился я подъ небомъ полунощнымъ, Но мнъ знакомъ латинской музы голосъ. И я люблю парнасскіе цвъты. Я върую въ пророчества піитовъ. Нътъ, не вотще въ ихъ пламенной груди Кипитъ восторгъ: благословится подвигъ, Его-жъ они прославили заранъ! Приближься, другъ. Въ мое воспоминанье Прими сей даръ. (Даетъ ему перстень).

Когда со мной свершится Судьбы завътъ, когда корону предковъ Надъну я, надъюсь вновь услышать Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнъ. Musa gloriam coronat, gloriaque musam. И такъ, друзья, до завтра, до свиданья.

Всъ.

Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ Димитрій, Да здравствуетъ Великій Князь Московскій!

замокъ воеводы мнешка въ самборъ.

уборная марины.

МАРИНА, РУЗЯ УБИРАЕТЪ ЕЕ; СЛУЖАНКИ.

Марина (передъ верваломъ).

Ну, что-жъ? готово-ли? нельзя-ли поспъшить?

Рузя.

Позвольте — напередъ ръшите выборъ трудный: Что вы надънете, жемчужную-ли нить, Иль полумъсяцъ изумрудный?

Марина.

Алмазный мой вънецъ.

Рузя.

Прекрасно! Помните, его вы надѣвали, Когда изволили вы ѣздить во дворецъ? На балѣ, говорятъ, какъ солнце вы блистали: Мужчины ахали, красавицы шептали.... Въ то время, кажется, васъ видѣлъ въ первый разъ-Хоткевичъ молодой, что послѣ застрѣлился. А точно, говорятъ, на васъ Кто ни взглянулъ, тотъ и влюбился.

Марина.

Нельзя-ли поскоръй?

Рузя.

Сейчасъ.

Сегодня вашъ отецъ надвется на васъ. Царевичъ видвлъ васъ не даромъ; Не могъ онъ утаить восторга своего; Ужъ раненъ онъ, такъ надобно его Сразить ръшительнымъ ударомъ. А точно, панна, онъ влюбленъ: Вотъ мѣсяцъ, какъ оставя Краковъ, Забывъ войну, Московскій тронъ, Въ гостяхъ у васъ пируетъ онъ, И бѣситъ русскихъ и поляковъ. Ахъ, Боже мой! дождусь-ли дня?... Не правда-ли, когда въ свою столицу Димитрій повезетъ Московскую Царицу, Вы не оставите меня?

Марина.

Ты развъ думаети, Царицей буду я?

Рузя.

А кто-жъ, когда не вы? Кто смъетъ красотою Равняться здъсь съ моею госпожею? Родъ Мнишковъ ни чьему еще не уступалъ; Умомъ — превыше вы похвалъ.... Счастливъ, кого вашъ взоръ вниманъя удостоитъ, Кто сердца вашего любовь себъ присвоитъ — Кто-бъ ни былъ онъ, хоть нашъ Король, Или Французскій Королевичъ.... Не только нищій вашъ Царевичъ, Богъ въсть — какой, Богъ въсть — отколь!

Марина.

Онъ точно царскій сынъ и признанъ цѣлымъ свѣ-

Рузя.

А все-жъ онъ былъ прошедшею зимой У Вишневецкаго слугой.

Марина.

Скрывался онъ.

Рузя.

Не спорю я объ этомъ.

А только знаете-ли вы, Что говорять о немъ въ народѣ? Что будто онъ дьячекъ, бѣжавшій изъ Москвы, Извѣстный плуть въ своемъ приходѣ.

Марина.

Какія глупости!

Рузя.

О, я не върю имъ!
Я только говорю, что долженъ онъ конечно
lib.pushkinskijdom.ru

Благословлять еще судьбу, когда сердечно Вы предпочли его другимъ.

Служанка (вбегаетъ).

Ужъ гости събхались.

Марина.

Вотъ видишь: ты до свъта Готова пустяки болтать, А между-тъмъ я не одъта....

Рузя.

Сейчасъ, готово все.

(Служанки суетятся).

Марина (про себя).

Мнъ должно все узнать....

РЯДЪ ОСВЪЩЕНИЫХЪ КОМИАТЪ. МУЗЫКА.

ВИШНЕВЕЦКІЙ. МНИШЕКЪ.

Мишекъ.

Онъ говоритъ съ одной моей Мариной, Мариною одною занятъ онъ.... А дъло-то на свадьбу страхъ похоже. Ну, думалъ ты — признайся, Вишневецкій — Что дочь моя Царицей будетъ, а?

Вишневецкій.

Да, чудеса!... И думалъ-ли ты, Мнишекъ, Что мой слуга взойдетъ на тронъ Московской? lib.pushkinskiidom.ru

Мишекъ.

А какова, скажи, моя Марина? Я только ей промолвиль: ну, смотри! Не упускай Димитрія!... и вотъ Все кончено: ужъ онъ въ ея сътяхъ!

> (Музыка пграетъ польскій. Самозванецъ вдеть съ Мариною въ первой парѣ).

Марина (тихо Димптрію).

Да, ввечеру, въ одиннадцать часовъ, Въ аллев липъ, я завтра у фонтана. (Расходятся. Другая пара).

Кавалеръ.

Что въ ней нашелъ Димитрій?

Дама.

Какъ! она

Красавица.

Кавалеръ.

Да, мраморная нимфа: Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки.... (Новая пара).

Дама.

Онъ не прасивъ, но видъ его пріятенъ; И Царская порода въ немъ видна.

(Новая пара).

Дама.

Когда-жъ походъ?

Кавалеръ.

Когда велитъ Царевичъ. Готовы мы; но видно, панна Мнишекъ Съ Димитріемъ задержитъ насъ въ плъну.

Дама.

Пріятный пленъ.

Кавалеръ.

Конечно, если вы.... (Расходятся; комнаты пустъють).

Миишекъ.

Мы, старики, ужъ нынче не танцуемъ, Музыки громъ не призываетъ насъ, Предестныхъ рукъ не жмемъ и не цълуемъ.... Охъ, не забылъ старинныхъ я проказъ! Теперь не то, не то, что прежде было! И молодежь ей-ей не такъ смъла; И красота не такъ ужъ весела; Признайся, другъ: все какъ-то пріуныло. Оставимъ ихъ; пойдемъ, товарищъ мой, Велимъ отрыть бутылку въковую, Да въ уголку потянемъ-ка вдвоемъ Душистый токъ, струю какъ жиръ густую, А между-тъмъ посудимъ кой-о-чемъ. Пойдемъ-же, братъ.

Вишневецкій.

И дъло, другъ, пойдемъ.

НОЧЬ. САДЪ. ФОПТАПЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ. МАРИНА.

Самозванецъ (входитъ).

Вотъ и фонтанъ; она сюда придетъ. Я, кажется, рожденъ не боязливымъ; Передъ собой вблизи видалъ я смерть; Предъ смертію душа не содрогалась. Мив въчная неволя угрожала, За мной гнались — я духомъ не смутился И дерзостью неволи избъжалъ. Но что-жъ теперь тёснить мое дыханье? Что значить сей неодолимый трепеть? Иль это дрожь желаній напряженныхъ? Нътъ, это страхъ. День цълый ожидалъ Я тайнаго свиданія съ Мариной, Обдумываль все то, что ей скажу, Какъ обольщу ея надменный умъ, Какъ назову Московскою Царицей; Но часъ насталъ, и ничего не помню, Не нахожу затверженныхъ ръчей; Любовь мутитъ мое воображенье.... Но что-то вдругъ мелькнуло.... шерохъ.... тише.... Нътъ, это свътъ обманчивой луны, И прошумель здесь ветеровъ.

Марина (входитъ).

Царевичъ!

Самозванецъ.

Она!... Вся кровь во мнъ остановилась.

Марина.

Димитрій! Вы?

Самозванецъ.

Волшебный, сладкій голосъ! (Пдеть къ ней). Ты-ль наконецъ? Тебя-ли вижу я, Одну со мной, подъ сънью тихой ночи? Какъ медленно катился скучный день! Какъ медленно заря вечерня гасла? Какъ долго ждалъ во мракъ я ночномъ!

Марина.

Часы бъгутъ, и дорого мнъ время. Я здёсь тебё назначила свиданье Не для того, чтобъ слушать нъжны ръчи Любовника. Слова не нужны. Върю, Что любишь ты; но слушай: я ръшилась Съ твоей судьбой, и бурной, и невърной Соединить судьбу мою; - то вправъ Я требовать, Димитрій, одного: Я требую, чтобъ ты души своей Мит тайныя открыль теперь надежды, Намъренья и даже опасенья; Чтобъ объ руку съ тобой могла я смъло Пуститься въ жизнь, не съ дътской слопотой, Не какъ раба желаній дегкихъ мужа, Наложница безмолвная твоя; Но какъ тебя достойная супруга, Помощница Московскаго Царя.

Самозванецъ.

О, дай забыть хоть на единый часъ Моей судьбы заботы и тревоги! Забудь сама, что видишь предъ собой Царевича. Марина! зри во миз

Любовника, избраннаго тобою, Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ. О, выслушай моленія любви! Дай высказать все то, чёмъ сердце полно!

Марина.

Не время, Князь. Ты медлишь, и межъ-тёмъ Приверженность твоихъ клевретовъ стынетъ; Часъ отъ часу опасность и труды Становятся опаснъй и труднъе; Ужъ носятся сомнительные слухи, Ужъ новизна смъняетъ новизну; А Годуновъ свои пріемлетъ мъры....

Самозванецъ.

Что Годуновъ? во власти-ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нътъ, нътъ. Теперь гляжу я равнодушно
На тронъ его, на Царственную власть.
Твоя любовь.... что безъ нея мнъ жизнь,
И славы блескъ, и Русская держава?
Въ глухой степи, въ землянкъ бъдной — ты,
Ты замънишь мнъ Царскую корону;
Твоя любовь....

Марина.

Стыдись! не забывай Высокаго, святаго назначенья: Тебъ твой санъ дороже долженъ быть Всъхъ радостей, всъхъ обольщеній жизни. Его ни съ чъмъ не можешь ты равнять. Не юношъ, кипящему безумно, Плъненному моею красотой, — Знай, отдаю торжественно я руку Наслъднику Московскаго престола, Царевичу, спасенному судьбой.

Самозванецъ.

Не мучь меня, предестная Марина, Не говори, что санъ, а не меня Избрала ты. Марина! ты не знаешь, Какъ больно тъмъ ты сердце мнъ язвишь. Какъ! ежели... о страшное сомнънье! Скажи: когда-бъ не царское рожденье Назначила слъпая мнъ судьба, Когда-бъ я былъ не Іоанновъ сынъ, Не сей, давно забытый міромъ отрокъ; Тогда-бъ.... тогда-бъ любила-ль ты меня?

Марина.

Димитрій, ты и быть инымъ не можешь! Другаго мнъ любить нельзя.

Самозванецъ.

Нътъ! полно: Я не хочу дълиться съ мертвецомъ Любовницей, ему принадлежащей: Нътъ, полно мнъ притворствовать! Скажу Всю истину; такъ знай-же: твой Димитрій Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснетъ: А хочещь-ли ты знать, кто я таковъ? Изволь, скажу: я бъдный черноризецъ! Монашеской неволею скучая, Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный Обдумаль я; готовиль міру чудо — И наконецъ изъ кедіи бъжалъ Къ украинцамъ, въ ихъ буйные курени; Владъть конемъ и саблей научился; Явился нъ вамъ, Димитріемъ назвался, — И поляковъ безмозглыхъ обманулъ. Что скажешь ты надменная Марина?

Довольна-ль ты признаніемъ моимъ? Что-жъ ты молчишь?

Марина.

О стыдъ! о горе миъ!

(Молчаніе).

Самозванецъ (тихо).

Куда завлекъ меня порывъ досады! Съ такимъ трудомъ устроенное счастье Я, можетъ быть, навъки погубилъ. Что сдълалъ я, безумецъ? (Вслухъ). Вижу, вижу: Стыдишься ты не княжеской любвя; Такъ вымолви-жъ мнъ роковое слово; Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба, Ръши: я жду (бросается на колъна).

Марина.

Встань бъдный самозванецъ! Не мнишь-ли ты колънопреклоненьемъ, Какъ дъвочки довърчивой и слабой Тщеславное мнъ сердце умилить? Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала Я рыцарей и графовъ благородныхъ; Но ихъ мольбы я хладно отвергала Не для того, чтобъ бъглаго монаха....

Самозванецъ (встаетъ).

Не презирай младаго самозванца; Въ немъ доблести таятся, можетъ быть, Достойныя Московскаго престола, Достойныя руки твоей безцённой....

Марина.

Достойныя позорной петли, дерзкій! lib.pushkinskijdom.ru

Самозванецъ.

Виновсит я; гордыней обуянный, Обманывалт я Бога и царей — Я міру лгалт. Но не тебт Марина, Меня казнить; я правт передт тобою. Нтт, я не могт обманывать тебя. Ты мит была единственной святыней, Предт ней-же я притворствовать не смтлт Любовь, любовь ревнивая, слтпая, Одна любовь принудила меня Все высказать.

Марина.

Чъмъ хвалится, безумецъ! Кто требовалъ признанья твоего? Ужъ если ты, бродяга безъименный, Могъ ослъпить чудесно два народа; Такъ долженъ ужъ, по-крайней-мъръ, ты Достое нъ быть успъха своего И свой обманъ отважный обезпечить Упорною, глубокой, въчной тайной. Могу-ль, скажи, предаться я тебъ, Могу-ль, забывъ свой родъ и стыдъ дъвичій, Соединить судьбу мою съ твоею, Когда ты самъ съ такою простотой, Такъ вътрено позоръ свой обличаешь? Онъ изъ любви со мною проболтался! Дивлюся: какъ передъ моимъ отцемъ Изъ дружбы ты досель не открылся, Отъ радости предъ нашимъ Королемъ. Или еще предъ паномъ Вишневецкимъ Изъ върнаго усердія слуги.

Самозванецъ.

Клянусь тебъ, что сердца моего Ты вымучить одна могла признанье,

Клянусь тебв, что никогда, нигдв, Ни въ пиршествв, за чашею безумства, Ни въ дружескомъ завътномъ разговорв, Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ истязаній, Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой языкъ.

Марина.

Клянешься ты! и такъ должна я върить. О, върю я! Но чъмъ, нельзя-ль узнать, Клянешься ты? Не именемъ-ли Бога, Какъ набожный пріемышъ Іезуитовъ? Иль честію, какъ витязь благородный, Иль, можетъ быть, единымъ Царскимъ словомъ, Какъ Царскій сынъ? не такъ-ли? говори.

Димитрій (гордо).

Тънь Грознаго меня усыновила, Димитріемъ изъ гроба нарекла, Вокругъ меня народы возмутила, И въ жертву мив Бориса обрекла. Царевичъ я. Довольно. Стыдно мнъ Предъ гордою полячкой унижаться. Прощай навъкъ: игра войны кровавой, Судьбы моей обширныя заботы Тоску любви, надъюсь, заглушатъ. О, какъ тебя я стану ненавидеть, Когда пройдеть постыдной страсти жаръ! Теперь иду — погибель иль вънецъ Мою главу въ Россіи ожидаетъ, Найду-ли смерть, вакъ воинъ въ битвъ честной, Иль какъ злодъй на плахъ площадной, Не будеть ты подругою моей, Моей судьбы не раздвлишь со мною;

Но, можетъ быть, ты будешь сожалъть Объ участи, отвергнутой тобою.

Марина.

А если я твой дерзостный обманъ Заранъе предъ всъми обнаружу?

Самозванецъ.

Не мнишь-ли ты, что я тебя боюсь? Что болье повърять польской дъвъ, Чъмъ Русскому Царевичу? Но знай, Что ни Король, ни Папа, ни вельможи Не думають о правдъ словъ моихъ. Димитрій я, иль нътъ — что имъ за дъло? Но я предлогъ раздоровъ и войны. Имъ это лишь и нужно: и тебя, Мятежница, повърь, молчать заставятъ. Прощай.

Марина.

Постой, Царевичъ. Наконецъ
Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа;
Съ тобою, князь, она меня миритъ.
Безумный твой порывъ я забываю
И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
Пора, пора! проснись, не медли болѣ,
Веди полки скорѣе на Москву;
Очисти Кремль, садись на тронъ Московскій—
Тогда за мной шли брачнаго посла!
Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
Не оперлась на тронныя ступени,
Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слышать я.

(Уходитъ).

Самозванецъ.

Нътъ — легче мнъ сражаться съ Годуновымъ, Или хитрить съ придворнымъ іезуитомъ, Чъмъ съ женщиной. Чертъ съ ними; мочи нътъ: И путаетъ, и вьется, и ползетъ, Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ. Змъя! змъя! не даромъ я дрожалъ. Она меня чуть-чуть не погубила. Но ръшено: заутра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

(1604 года, 16-е овтявря).

КНЯЗЬ КУРБСКІЙ и САМОЗВАНЕЦЪ, оба верхомъ: полки приближаются въ границъ.

Курбскій, (прискакавъ первый).

Вотъ, вотъ она!... вотъ Русская граница! Святая Русь! Отечество! Я твой! Чужбины прахъ съ презръньемъ отряхаю Съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ новый: Онъ мнъ родной! Теперь твоя душа, О мой отецъ, утъшилась, и въ гробъ Опальныя возрадуются кости! Блеснулъ опять наслъдственный нашъ мечъ, Сей славный мечъ — гроза Казани темной, Сей добрый мечъ — слуга Царей Московскихъ! Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ За своего надёжу-Государя!...

Самозванецъ (ъдетъ тихо съ по-

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа Въ немъ радостью и славой разыгралась! О витязь мой, завидую тебъ! Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньи, Забывъ отцемъ снесенныя обиды, Его вину за гробомъ искупивъ, Ты кровь излить за сына Іоанна, Готовпшься законнаго Царя Ты возвратить отечеству.... Ты правъ, Душа твоя должна пылать весельемъ.

Курьскій.

Уже-ль и ты не веселишься духомъ? Вотъ наша Русь — она твоя, Царевичъ! Тамъ ждутъ тебя сердца твоихъ людей, Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

Самозванецъ.

Кровь Русская, о Курбскій, потечеть! Вы за Царя подъяли мечь, вы чисты. Я-жь вась веду на братьевь; я Литву Позваль на Русь; я въ красную Москву Кажу врагамъ завътную дорогу!... Но пусть мой гръхъ падеть не на меня, А на тебя, Борисъ-Цареубійца! Впередъ!

Курьскій.

Впередъ! — и горе Годунову! (Скачутъ. Полен переходятъ черезъ границу).

ЦАРСКАЯ ДУМА.

ЦАРЬ, ПАТРІАРХЪ и БОЯРЕ.

Царь.

Возможно-ли? разстрига, бъглый инокъ На насъ ведетъ злодъйскія дружины, Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно, Пора смирить безумца! Поъзжайте, Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь Нужна моимъ усерднымъ Воеводамъ. Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ. Спасайте градъ и гражданъ.

Басмановъ.

Государь,
Трехъ мъсяцевъ отнынъ не пройдетъ,
И замолчитъ и слухъ о самозванцъ;
Его въ Москву мы привеземъ, какъ звъря
Заморскаго, въ желъзной клъткъ. Богомъ
Тебъ клянусь.

(Уходитъ съ Трубецкимъ).

Царь.

Мий Свейскій Государь
Черезъ Пословъ союзъ свой предложимъ;
Но не нужна намъ чуждая помога:
Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
Чтобъ отразить измённиковъ и Ляха.
Я отказалъ.

Щелкаловъ! разослать Во всъ концы Указы къ Воеводамъ, Чтобъ на коня садились, и людей

По старинъ на службу высылали; Въ монастыряхъ подобно отобрать Служителей причетныхъ. Въ прежни годы, Когда бъдой отечеству грозило, Отшельники на битву сами шли; Но не хотимъ тревожить нынъ ихъ. Пусть молятся за насъ они — таковъ Указъ Царя и приговоръ боярскій. Теперь вопросъ мы важный разрышимъ: Вы знаете, что наглый самозванецъ Коварные промчалъ повсюду слухи; Повсюду имъ разосланныя письма Посъяли тревогу и сомнънье; На площадяхъ мятежный бродитъ шепотъ, Умы кипятъ.... ихъ нужно остудить; Предупредить желаль-бы казни я, Но чтмъ и какъ? ртшимъ теперь. Ты первый, Святый Отецъ, свою повъдай мысль.

Патріар хъ.

Благословенъ Всевышній, поселившій Духъ милости и кроткаго терпънья Въ душъ твоей, великій Государь! Ты гръшному погибели не хочешь, Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье: Оно пройдетъ, и солнце правды въчной Всъхъ озаритъ.

Твой върный богомолецъ, Въ дълахъ мірскихъ не мудрый судія, Дерзаетъ днесь подать тебъ свой голосъ: Бъсовскій сынъ, разстрига окаянный, Прослыть умълъ Димитріемъ въ народъ; Онъ именемъ Царевича, какъ ризой Украденной безстыдно облачился:

Но стоитъ лишь ее раздрать — и самъ Онъ наготой своею посрамится.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ: Знай, Государь, тому прошло шесть лътъ, Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь Благословилъ на Царскую державу— Въ вечерній часъ ко мнъ пришелъ однажды Простой пастухъ, уже маститый старецъ, И чудную повъдалъ онъ мнъ тайну:

«Въ младыхъ лътахъ», сказалъ онъ, «я ослъпъ, И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи До старости: напрасно я лечился И зеліемъ, и тайнымъ нашептаньемъ; Напрасно я ходилъ на поклоненье Въ обители къ великимъ Чудотворцамъ; Напрасно я изъ кладезей святыхъ Кропилъ водой целебной темны очи-Не посылаль Госполь мив испъленья. Вотъ наконецъ утратилъ я надежду, И къ тив своей привыкъ, и даже сны Мив виданныхъ вещей ужъ не являли, А снилися мнъ только звуки. Разъ Въ глубокомъ снъ, я слышу, дътскій голосъ Мнъ говоритъ: встань, дъдушка, поди Ты въ Угличъ-градъ, въ Соборъ Преображенья; Тамъ помолись ты надъ моей могилой, Богъ милостивъ — и я тебя прощу. Но вто-же ты? спросиль я дътскій голосъ. Царевичь я Димитрій. Царь небесный Пріяль меня въ ликъ Ангеловъ своихъ. И я теперь великій Чудотворецъ. Иди, старикъ. — Проснулся я и думалъ: Что-жъ? можетъ быть, и въ самомъ дълъ, Богъ

Мий позднее даруеть исціленье.
Пойду— и въ путь отправился далекій.
Воть Углича достигь я, прихожу
Въ святый Соборь, и слушаю обідню,
И, разгорясь душой усердной, плачу
Такъ сладостно, какъ-будто сліпота
Изъ глазь моихъ слезами вытекала.
Когда народъ сталь выходить, я внуку
Сказаль: Иванъ, веди меня на гробъ
Царевича Димитрія. И мальчикъ
Повель меня— и только передъ гробомъ
Я тихую молитву сотвориль,
Глаза мои прозріли: я увиділь
И Божій світь, и внука, и могилку.»
Воть, Государь, что мий повідаль старець.

(Общее смущение. Впродолжения сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отпраетълице платкомъ).

Я посылаль тогда нарочно въ Угличъ, И свёдано, что многіе страдальцы Спасеніе подобно обрѣтали У гробовой Царевича доски.

Вотъ мой совътъ: во Кремль святыя мощи Перенести, поставить ихъ въ Соборъ Архангельскомъ; народъ увидитъ исно Тогда обманъ безбожнаго злодъя, И мощь бъсовъ исчезнетъ яко прахъ.

(Молчаніе).

Князь Шуйскій.

Святый отецъ, кто въдаетъ пути Всевышняго? Не миъ его судить.

Нетлённый сонъ и силу чудотворства
Онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ;
Но надлежитъ народную молву
Изслёдовать прилежно и безстрастно;
А въ бурныя-ль смятеній времена
Намъ помышлять о столь великомъ дёлё?
Не скажутъ-ли, что мы святыню дерзко
Въ дёлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ?
Народъ и такъ колеблется безумно,
И такъ ужъ есть довольно шумныхъ толковъ:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.

Самъ вижу я: необходимо слухъ, Разсѣянный разстригой, уничтожить; Но есть на то иныя средства — проще. Такъ, Государь, когда изволишь ты, Я самъ явлюсь на площади народной, Уговорю, усовѣщу безумство, И злой обманъ бродяги обнаружу.

Царь.

Да будетъ такъ! Владыка Патріархъ, Прошу тебя пожаловать въ палату: Сегодня мнъ нужна твоя бесъда.

(Уходитъ, за нимъ и всѣ Бояре).

Одинъ Бояринъ (тихо другому).

Заметиль ты, какъ Государь бледнель, И крупный поть съ лица его закапаль?

Второй.

Я, признаюсь, не смёль поднять очей, Не смёль вздохнуть, не только шевелиться.

Первый.

А выручиль Князь Шуйскій. Молодецъ!

РАВНИНА БЛИЗЪ ПОВГОРОДА-СЪВВРСКАГО.

(1604 года 21 декабря).

БИТВА.

Воины (бътутъ въ безпорядив).

Бъда, бъда! Царевичъ! Ляхи! Вотъ они! вотъ они! (Входятъ Капитаны: Маржеретъ и Вальтеръ Розенъ).

Маржеретъ.

Куда, куда? Allons.... пошелъ назадъ!

Одинъ изъ въглецовъ.

Самъ пошель, коли есть охота, проклятый басурманъ.

Маржеретъ.

Quoi? quoi?

Другой.

Ква! ква! тебъ любо, лягушка заморская, квакать на Русскаго Царевича; а мы въдь православные.

Маржеретъ.

Qu'est-ce à dire pravoslavni?... Sacrés gueux, maudite canaille! Mordieu, mein herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour fuir.

В. Розенъ.

Es ist Schande.

MAPREPET B.

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas; puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein Gerr?

В. Розенъ.

Sie haben Recht.

Маржеретъ.

Diable, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme il s'appele, est un brave à trois poils.

В. Розенъ.

Za.

Маржеретъ.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. Розенъ.

Ich glaube das.

(Входять Нёмцы).

Маржеретъ.

Ha, ha! voici nos Allemands. Messieurs! Rein Herr, dites leur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons!

В. Розенъ.

Sehr gut. Halt!

(Нѣмды строятся).

Marsch!

Нъмцы (идутъ).

Hilf Gott!

(Сраженіе Русскіе снова б'йгутъ).

Ляхи.

Побъда! побъда! Слава Царю Димитрію!

Димитрій (верхомъ).

Ударить отбой! Мы побъдили. Довольно; щадите Русскую кровь. Отбой!

(Трубять; бьють барабаны).

площадь передъ соборомъ въ москвъ.

народъ.

Одинъ.

Скоро-ли Царь выйдеть изъ Собора?

Другой.

Объдня кончилась, теперь идетъ молебствіе.

Первый.

Что, ужъ проклинали того?

Другой.

Я стоядъ на паперти и слышалъ, какъ дьяконъ завопилъ: Гришка Отрепьевъ — анаеема!

Первый.

Пускай себъ проклинають: Царевичу дъла нътъ до Отрепьева.

Другой.

А Царевичу поютъ теперь въчную память.

Первый.

Въчную память живому! Вотъ ужо имъ будетъ, безбожникамъ.

Третій.

Чу! шумъ. Не Царь-ли?

Четвертый.

Нътъ, это юродивый.

(Входитъ юродивый въ желѣзной шапкъ, обвъшанный веригами и окруженный мальчиками).

Мальчишки.

Жельзный колпакъ! жельзный колпакъ!... тр р р р...

Старука.

Отвяжитесь отъ него, бъсенята. Помолись, блаженный, за меня гръшную.

Ю родивый.

Дай, дай, дай копъечку.

CTAPYXA.

Вотъ тебъ копъечка; помяни-же меня.

Ю родивый (садится на землю и поетъ).

Мъсяцъ вдетъ, Котенокъ плачетъ, Юродивый, вставай, Богу помолися!

(Мальчишки окружають его снова).

Одинъ изъ нихъ.

Здравствуй, юродивый, что-же ты шапки не снимаешь? (Щелкаеть его по желёзной шапкі). Экъ она звонитъ.

Юродивый.

А у меня копъечка есть.

Мальчишка.

Неправда, -- ну, покажи.

(Вырываетъ копвечку и убъгаетъ).

• Ю родивый (плачеть).

Взяли мою копъечку, обижаютъ юродиваго.

Народъ.

Царь, Царь идетъ!

(Царь выходить изъ Собора; Бояринъ впереди раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре).

Юродивый.

Борисъ, Борисъ! мальчишки обижаютъ юродиваго.

Царь.

Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

Юродивый.

Мальчишки меня обижаютъ.... Вели ихъ заръзать, какъ заръзалъ ты маленькаго Царевича.

Бояре.

Поди прочь, дуракъ! Схватите дурака!

Царь.

Оставьте. Молись за меня, юродивый.

(Уходитъ).

Ю родивый (ему вслёдъ).

Нътъ, нътъ! нельзя молиться за Царя— Ирода: Богородица не велитъ.

СВВСКЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ, окруженный своими.

Самозванецъ.

Гдъ плънный?

Ляхъ.

Здъсь.

Самозванецъ.

Позвать его ко мнъ. (Входить Русскій плънникъ).

Кто ты?

Плънникъ.

Рожновъ, Московскій дворянинъ.

Самозванецъ.

Давно-ли ты на службъ?

Плънникъ.

Съ мъсяцъ будетъ.

Самозванецъ.

Не совъстно, Рожновъ, что на меня Ты поднялъ мечъ?

Плвиникъ.

Какъ быть, не наша воля.

Самозванецъ.

Сражался ты подъ Съверскимъ?

Планникъ.

алыдичи В

Недвли двв по битвв изъ Москвы.

Самозванецъ.

Что Годуновъ?

Плънникъ.

Онъ очень былъ встревоженъ Потерею сраженія и раной Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ Начальствовать надъ войскомъ.

Самозванецъ.

А зачёмъ Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

Плвиникъ.

Царь наградилъ его заслуги честью И золотомъ. Басмановъ въ Царской Думъ Теперь сидитъ.

Самозванецъ.

Онъ въ войскъ былъ нужнъе. Ну, что въ Москвъ?

Плвиникъ.

Все, слава Богу, тихо.

Самозванецъ.

Что, ждутъ меня?

Плънникъ.

Богъ знаетъ; о тебъ Тамъ говорить не слишкомъ нынче смъютъ. Кому языкъ отръжутъ, а кому И голову. Такая право притча — Что день, то казнь. Тюрьмы биткомъ набиты. На площади, гдъ человъка три Сойдутся — глядь — лазутчикъ ужъ и вьется, А Государь досужною порою Доносчиковъ допрашиваетъ самъ. Какъ разъ бъда; такъ лучше ужъ молчать.

Самозванецъ.

Завидна жизнь Борисовыхъ людей! Ну, войско что?

Плвиникъ.

Что съ нимъ? одъто, сыто, Довольно всъмъ.

Самозванецъ.

Да много-ли его?

Плънникъ.

Богъ въдаетъ.

Самозванецъ.

А будетъ тысячъ тридцать?

Плвиникъ.

Да наберешь и тысячь пятьдесять. (Самозванець задумывается; овружающіе смотрять другь на друга).

Самозванецъ.

Ну! обо мив какъ судитъ въ вашемъ станъ?

Плънникъ.

А говорять о милости твоей, Что ты-дескать (будь не во гнъвъ) и воръ, А молодецъ.

Самозванецъ (смъясь).

Такъ это я на дёлё Имъ докажу: друзья, не станемъ ждать Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ: На завтра бой.

(Уходитъ).

Всъ.

Да здравствуетъ Димитрій!

Ляхъ.

На завтра бой! Ихъ тысячъ пятьдесятъ, А насъ всего едва-ль пятнадцать тысячъ: Съ ума сошелъ.

Другой.

Пустое, другъ: Полякъ Одинъ пятьсотъ Москалей вызвать можетъ.

Плънникъ.

Да, вызовешь! а какъ дойдетъ до драки, Такъ убъжишь отъ одного, хвастунъ.

Ляхъ.

Когда-бъ ты былъ при саблю, дерзкій пленникъ, То я тебя (указывая на свою саблю) вотъ этимъ-бы смирилъ.

Планникъ.

Нашъ братъ Русакъ безъ сабли обойдется: Не хочешь-ли вотъ этого? (показывая кулакъ). Безмозглый! (Ляхъ гордо смотритъ на него и молча отходитъ. Всё смёются).

1565.

лжедимитрій, пушкинъ.

Лжедимитрій.

Мой бъдный конь! какъ бодро поскакалъ Сегодня онъ въ послъднее сраженье, И раненый какъ быстро несъ меня! Мой бъдный конь!

Пушкинъ (про себя).

Ну, вотъ о чемъ жалѣетъ, Объ лошади, когда все наше войско Побито въ прахъ!

Самозванецъ.

Послушай. Можетъ-быть, Отъ раны онъ лишь только заморился И отдохнетъ.

Пушкинъ.

Куда! онъ издыхаетъ.

Самозванецъ (вдетъ въ коню).

Мой бъдный конь!... что дълать? снять узду, Да отстегнуть подпругу. Пусть на волъ Издохнетъ онъ.

(Разуздываеть и разсёднываеть коня. Входять нёсколько Ляховъ). Здорово, господа!
Что-жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видълъ, какъ сегодня въ гущу боя
Онъ връзался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкіе колосья, облъпили;
Но мечъ его всъхъ выше подымался,
А грозный кликъ всъ клики заглушалъ!
Гдъ-жъ витязь мой?

Ляхъ.

Онъ легъ на полъ смерти.

Самозванецъ.

Честь храброму и миръ его душѣ! Какъ мало насъ отъ битвы уцѣлѣло! Измѣнники, злодѣи запорожцы, Проклятые, вы, вы сгубили насъ! Не выдержать и трехъ минутъ отпора! Я ихъ ужо! десятаго повѣшу, Разбойники!

Пушкинъ.

Кто тамъ ни виноватъ, Но всетаки мы начисто разбиты, Истреблены.

Самозванецъ.

А дёло было наше! Я было снялъ передовую рать — Да нёмцы насъ порядкомъ отразили! А молодцы, ей Богу, молодцы! Люблю за то; изъ нихъ ужъ непремённо Составлю я почетную дружину.

Пушкинъ.

A гдъ-то намъ сегодня ночевать? lib.pushkinskijdom.ru

Самозванецъ.

Да здёсь, въ лёсу. Чёмъ это не ночлегъ? Чёмъ свётъ, мы въ путь; къ обёду будемъ въ Рыльскё.

Спокойна ночь.

(Ложится, кладетъ съдло подъ голову и засынаетъ).

Пушкинъ.

Пріятный сонъ, Царевичъ! Разбитый въ прахъ, спасаяся побътомъ, Безпеченъ онъ, какъ глупое дитя: Хранитъ его конечно Провидънье; — И мы, друзья, не станемъ унывать.

MOCKBA. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, БАСМАНОВЪ.

Царь.

Онъ побъжденъ, какая польза въ томъ? Мы тщетною побъдой увънчались. Онъ вновь собралъ разсъянное войско И намъ со стънъ Путивля угрожаетъ. Что дълаютъ межъ-тъмъ герои наши? Стоятъ у Кромъ, гдъ кучка казаковъ Смъется имъ изъ-подъ гнилой ограды. Вотъ слава! нътъ, я ими недоволенъ; Пошлю тебя начальствовать надъ ними; Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы; Пускай ихъ спъсь о мъстничествъ тужитъ! Пора презръть мнъ ропотъ знатной черни И гибельный обычай уничтожить.

Басмановъ.

Ахъ, Государь, стократъ благословенъ Тотъ будетъ день, когда разрядны книги Съ раздорами, съ гордыней родословной Пожретъ огонь!

Царь.

День этотъ недалёкъ; Лишь дай сперва смятеніе народа Мнъ усмирить.

Басмановъ.

Что на него смотръть?
Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды;
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:
Но что-жъ? конемъ спокойно всадникъ правитъ,
И отрокомъ отецъ повелъваетъ.

Царь.

Конь иногда сбиваетъ съдока, Сынъ у отца не въчно въ полной волъ: Лишь строгостью мы можемъ неусыпной Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ, Смиритель бурь, разумный Самодержецъ, Такъ думалъ и его свиръпый внукъ. Нътъ, милости не чувствуетъ народъ: Твори добро — не скажетъ онъ спасибо; Грабь и казни — тебъ не будетъ хуже.

. (Входитъ Бояринъ).

YTO?

Бояринъ.

Привели гостей иноплеменныхъ.

Парь.

Иду принять; Басмановъ, погоди, Останься здёсь: съ тобой еще мит нужно Поговорить.

(Уходитъ).

Басмановъ.

Высокій духъ державный!
Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ
Управиться; и много, много онъ
Еще добра въ Россіи сотворитъ.
Мысль важная въ умѣ его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мнѣ поприще откроется, когда
Онъ сломитъ рогъ боярству родовому!
Соперниковъ во брани я не знаю;
У Царскаго престола стану первый....
И можетъ быть.... Но что за чудный шумъ?

(Тревога. Бояре, придворные служители въ безпорядив бъгутъ, встрвчаются и шепчутъ).

Одинъ.

За лекаремъ!

Другой.

Скорње въ Патріарху.

Третій.

Царевича, Царевича зоветъ!

Четвертый.

Духовника!

Басмановъ.

Что савлалось такое?

Пятый и шестой.

Царь занемогъ, Царь умираетъ.

Басмановъ.

Боже!

Пятый.

На тронъ онъ сидълъ и вдругъ упалъ; Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

(Царя выносять на стуль, все Царское семейство, всь Бояре).

Царь.

Подите всв — оставьте одного Царевича со мною. (Всь удаляются) Умираю; Обнимемся. Прощай, мой сынъ: сейчасъ Ты царствовать начнешь.... о Боже, Боже! Сейчасъ явлюсь передъ Тобой — и душу Мнъ некогда очистить покаяньемъ! Но чувствую, мой сынъ, ты мнъ дороже Душевнаго спасенья.... такъ и быть! Я подданнымъ рожденъ, и умереть Мнъ подданнымъ во мракъ-бъ надлежало; Но я достигъ верховной власти — чъмъ? Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ, Ты царствовать теперь по праву станешь, А я за все одинъ отвъчу Богу. О милый сынъ, не обольщайся ложно, Не ослъпляй себя ты добровольно. Въ дни бурные державу ты пріемлешь: Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ! Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ. Я, съ давнихъ лътъ въ правленьи искушенный, Могъ удержать смятенье и мятежъ; Передо мной они дрожали въ страхъ;

Возвысить гласъ измъна не дерзала: Но ты младой, неопытный властитель, Какъ управлять ты будешь подъ грозой, Тушить мятежь, опутывать измёну! Но Богъ великъ! онъ умудряетъ юность, Онъ слабости даруетъ силу.... Слушай: Совътника во-первыхъ избери Надежнаго, холодныхъ, зрълыхъ лътъ, Любимаго народомъ, а въ Боярахъ Почтеннаго породой или славой --Хоть Шуйскаго. Для войска нынъ нуженъ Искусный вождь: Басманова пошли И съ твердостью снеси боярскій ропотъ. Ты съ малыхъ льтъ сидвлъ со мною въ Думъ, Ты знаешь ходъ державнаго правленья; Не измъняй теченья дъль. Привычка — Душа державъ. Я нынъ долженъ былъ Возстановить опалы, казни — можешь Ихъ отмънить: тебя благословять, Какъ твоего благословляли дядю, Когда престоль онь Грознаго пріяль. Со временемъ и понемногу снова Затягивай державныя бразды: Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская. Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ, Довърчиво ихъ службу принимай. Со строгостью храни уставъ церковный; Будь молчаливъ! не долженъ Царскій голосъ На воздухъ теряться по пустому; Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь въщать Велику скорбь или великій праздникъ. О милый сынъ! ты входишь въ тъ лъта, Когда намъ кровь воднуетъ женскій дикъ. Храни, храни святую чистоту

Невинности и гордую стыдливость!

Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнъетъ.
Въ семьъ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и Царь; люби свою сестру —
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Ө водоръ (на колъняхъ).

Нътъ, нътъ — живи и царствуй долговъчно: Народъ и мы погибли безъ тебя.

Царь.

Все кончено — глаза мои темнъютъ, Я чувствую могильный хладъ....

(Входять Патріархъ, Святители, за ними всѣ Бояре. Царицу ведутъ подъ руки; Царевна рыдаетъ).

Кто тамъ?

А! схима.... такъ! святое постриженье...., Ударилъ часъ! въ монахи Царь идетъ — И темный гробъ моею будетъ кельей. Повремени, Владыка патріархъ! Я царь еще. Внемлите вы, бояре: Се тотъ, кому приказываю царство; Цълуйте крестъ Өеодору.... Басмановъ, Друзья мои!... при гробъ васъ молю Ему служить усердіемъ и правдой! Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ. Клянетесь-ли?

Бояре.

Клянемся.

Дарь.

Я доволенъ.

Простите-жъ мнъ соблазны и гръхи И вольныя, и тайныя обиды.... Святый отець, приближься, я готовъ.

Начинается обрядь постриженія. Женщинъ въ обморовъ выносять),

CTABRA.

БАСМАНОВЪ вводитъ ПУШКИНА.

Басмановъ.

Войди сюда и говори свободно. И такъ тебя ко мив онъ посылаетъ?

Пушкинъ.

Тебъ свою онъ дружбу предлагаетъ И первый санъ по немъ въ московскомъ царствъ.

Басмановъ.

Но я и такъ Өеодоромъ высоко Ужъ вознесенъ: начальствую надъ войскомъ: Онъ для меня презрълъ и чинъ разрядный, И гнъвъ Бояръ. Я присягалъ ему.

Пушкинъ.

Ты присягаль наслёднику престола Законному; но если живъ другой, Законнъйшій?...

Басмановъ.

Послушай, Пушкинъ, полно; Пустаго мнъ не говори; я знаю, Кто онъ такой.

Пушкинъ.

Россія и Литва Димитріємъ давно его признали; Но впрочемъ я за это не стою. Быть можетъ, онъ Димитрій настоящій, Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только Я въдаю, что рано или поздно Ему Москву уступитъ сынъ Борисовъ.

Басмановъ.

Пока стою за юнаго Царя, Дотоль онъ престола не оставить; Полковъ у насъ довольно, слава Богу! Побъдою я ихъ одушевлю, А вы кого противъ меня пошлете, Не казака-ль Карелу, али Мнишка? Да много-ль васъ? всего-то восемь тысячъ.

Пушкинъ.

Ошибся ты: и твхъ не наберень. Я самъ скажу, что войско наше дрянь, что казаки лишь только села грабятъ, что поляки лишь хвастаютъ, да пьютъ, А русскіе.... да что и говорить! Передъ тобой не стану я лукавить; Но знаешь-ли, чъмъ сильны мы, Басмановъ? Не войскомъ, нътъ, не польскою помогой, А мнъніемъ — да, мнъніемъ народнымъ. Димитрія ты помнишь торжество

И мирныя его завоеванья,
Когда вездъ безъ выстръда ему
Послушные сдавались города,
А воеводъ упрямыхъ чернь взяла?
Ты видълъ самъ: охотно-ль ваши рати
Сражались съ нимъ? Когда-же? при Борисъ!
А нынче-ль?... нътъ, Басмановъ, поздно спорить
И раздувать холодный пепелъ брани:
Со всъмъ твоимъ умомъ и твердой волей
Не устоишь; не лучше-ли тебъ
Дать первому примъръ благоразумный,
Димитрія Царемъ провозгласить
И тъмъ ему на въки удружить?
Какъ думаешь?

Басмановъ.

Узнаете вы завтра.

Пушкинъ.

Рѣшись.

Басмановъ.

Прощай.

Пушкинъ.

Подумай-же, Басмановъ.

(Уходитъ).

Басмановъ.

Онъ правъ, онъ правъ, вездъ измъна зръетъ: Что дълать миъ? Уже-ли буду ждать, Чтобъ и меня бунтовщики связали И выдали Отрепьеву? Не лучше-ль Предупредить разрывъ потока бурный, И самому.... Но измънить присятъ!

Но заслужить безчестье въ родъ и родъ! Довъренность младаго Вънценосца Предательствомъ ужаснымъ заплатить!... Опальному изгнаннику легко Обдумывать мятежъ и заговоръ, Но мнъ-ли, мнъ-ль любимцу Государя.... Но смерть.... но власть.... но бъдствія народны.... (Задумывается).

Сюда! кто тамъ? (Свищеть). Коня! трубите сборъ!

JOBHOE MECTO.

ПУШКИНЪ идетъ, окруженный народомъ.

Народъ.

Царевичъ намъ Боярина послалъ. Послушаемъ, что скажетъ намъ Бояринъ. Сюда! сюда!

Пушкинъ (на амвонъ).

Московскіе граждане!
Вамъ кланяться Царевичь приказаль. (Кланяется).
Вы знаете, какъ промыселъ небесный Царевича отъ рукъ убійцы спасъ;
Онъ шелъ казнить злодъя своего,
Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
Димитрію Россія покорилась;
Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
Свои полки привелъ ему къ присягъ.
Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ.
Въ угоду-ли семейству Годуновыхъ
Подымете вы руку на Царя
Законнаго, на внука Мономаха?

Народъ.

Въстимо нътъ.

Пушкинъ.

Московскіе граждане! Міръ въдаетъ, сколь много вы терпъли Подъ властію жестокаго пришельца: Опалу, казнь, безчестіе, налоги; И трудъ, и гладъ, все испытали вы. Димитрій-же васъ жаловать намфренъ, Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ, Гостей, купцовъ — и весь честной народъ. Вы-ль станете упрямиться безумно И милостей кичливо убъгать? Но онъ идетъ на Царственный престолъ Своихъ отцевъ въ сопровожденыи грозномъ. Не гиввайте-жъ Царя и бойтесь Бога, Цёлуйте крестъ законному владыка; Смиритеся; немедленно пошлите Къ Димитрію во станъ Митрополита, Бояръ, дьяковъ и выборныхъ людей, Ла быють челомъ отцу и Государю. (Сходить. Шумъ народный).

Народъ.

Что толковать? Бояринъ правду молвилъ. Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!

Мужикъ на амвонъ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ Царскія палаты! Ступай вязать Борисова щенка!

Народъ (несется толною).

Вязать! топить! Да здравствуетъ Димитрій! Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У КРЫ ЛЬЦА.

ӨЕОДОРЪ подъ окномъ.

Нишій.

Дайте милостыню Христа ради?

CTPARA.

Поди прочь; не велёно говорить съзаключенными.

Ө водоръ.

Поди, старикъ, я бъднъе тебя: ты на волъ.

(Ксен:я подъ покрываломъ подходитъ также къ окну).

Одинъ изъ народа.

Братъ да сестра — бъдныя дъти, что пташки въ клъткъ!

Другой.

Есть о комъ жалъть? Проклятое племя!

Первый.

Отецъ былъ злодъй, а дъти невинны.

Другой.

Яблоко отъ яблыни недалеко падаетъ.

Ксенія.

Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ Бояре идутъ.

Ө водоръ.

Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнв незнакомы.

Ксенія.

Ахъ, братецъ, сердце замираетъ.

(Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шерефединовъ; за ними трое стрельцовъ).

Народъ.

Разступитесь, разступитесь: Бояре пдутъ. (Они входять въ домъ).

Одинъ изъ народа.

Зачвиъ они пришли?

Другой.

А върно приводить къ присягъ Өеодора Годунова.

Третій.

Въ самомъ дълъ? слышишь, какой въ домъ шумъ. Тревога!... дерутся!

Народъ.

Слышишь? визгъ! Это женскій голосъ.... Войдемъ.... Двери заперты; крики замолкли; шумъ продолжается. (Отворяются дверя. Мосальскій является на крыльцъ).

Мосальскій.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Өеодоръ отравили себя ядомъ. Мы видъли ихъ мертвые трупы. (Народъ въ ужасъ молчить). Что-жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ Царь Димитрій Ивановичъ!

Народъ везмолвствуетъ.

СЦЕНА ИЗЪ БОРИСА ГОДУНОВА*).

ограда монастырская.

ГРИГОРІЙ и ЗЛОЙ ЧЕРНЕЦЪ.

Григорій.

Что за скука, что за горе наше бъдное житье? День приходитъ, день проходитъ— видно, слышно все одно:

Только видишь черны рясы, только слышишь колоколь!

День зѣвая бродишь, бродишь; дѣлать нечего— соснешь;

Ночью долгою до свёта все не спится Чернецу! Сномъ забудешься, такъ душу грезы черныя мутятъ, Радъ, что въ колоколъ ударятъ, что разбудятъ костылемъ....

Нътъ, не вытерплю! нътъ мочи. Чрезъ ограду — да бъгомъ!

Міръ великъ: мнъ путь—дорога на четыре стороны, Поминай, какъ звали.

Чернецъ.

Правда — ваше горькое житье, Вы разгульные, лихіе, молодые чернецы!

^{*)} Эта сцена выброшена была Пушкинымъ, жоти и напечатана была при его жизни, въ 1833 году. (См. примъчанія).

Григорій.

Хоть бы Ханъ опять нагрянуль, хоть Литва-бы поднялась,

Такъ и быть, пошель бы съ ними перевъдаться мечемъ!

Что, когда-бы нашъ царевичъ изъ могилы вдругъ воскресъ

И вскричаль: «А гдъ вы, дъти, слуги върные мои? Вы подите на Бориса, на злодъя моего, Изловите супостата, приведите мнъ его!»

Чернецъ.

Полно, не болтай пустаго. Мертвыхъ намъ не вос-

Нътъ, царевичу иное видно было суждено.... Но, послушай, если дъло затъвать, такъ затъвать....

Григорій.

Что такое?

Чернецъ.

Если-бъ я быль также молодъ, какъ и ты, Если-бъ усъ не пробивала ужъ лихая съдина.... Понимаещь?

Григорий.

Нътъ, нисколько!

Чернецъ.

Слушай. Глупый нашъ народъ Легковъренъ, радъ дивиться чудесамъ и новизнъ, А бояре въ Годуновъ помнятъ равнаго себъ, Племя древняго Варяга и теперь любезно имъ! Ты царевичу ровесникъ.... если ты хитеръ и твердъ.... Но нимаешь?

Григорій.

Понимаю....

Чернецъ.

Что-же скажешь?

Григорій.

Ръшено!

Я Димитрій, я царевичъ!

Чернецъ.

~~~~~~~~

Дай мив руку: будешь царь!

APAMATHYECKIA CHEHLI.

I. СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

(1826).

БЕРЕГЪ МОРЯ. ФАУСТЪ и МЕФИСТОФИЛЬ.

Фаустъ.

Мив скучно, бъсъ.

Мефистофиль.

Что делать, Фаустъ!

Таковъ вамъ положенъ предълъ, Его-жъ никто не преступаетъ. Вся тварь разумная скучаетъ: Иной отъ лъни, тотъ отъ дълъ; Кто въритъ, кто утратилъ въру; Тотъ насладилься не успълъ, Тотъ насладился черезъ мъру, И всякъ зъваетъ да живетъ — И всъхъ васъ гробъ, зъвая, ждетъ. Зъвай и ты.

Фаустъ.

Сухая шутка! Найди мнъ способъ какъ нибудь Разсъяться.

Мефистофиль.

Доволенъ будь Ты доказательствомъ разсудка.

Въ своемъ альбомъ запиши: Fastidium est quies - скука Отдохновеніе души. Я психологъ.... О вотъ наука!... Скажи, когда ты не скучаль? Подумай, поищи. Тогда-ли, Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ, А розги умъ твой возбуждали? Тогда-ль, какъ розами вънчалъ Ты благосклонныхъ дёвъ веселья И въ буйствъ шумномъ посвящалъ Имъ пылъ вечерняго похмълья? Тогда-ль; какъ погрузился ты Въ великодушныя мечты, Въ пучину темную науки? Но, помнится, тогда со скуки, Какъ ардекина, изъ огня Ты вызваль наконець меня. Я мелкимъ бъсомъ извивался, Развеселить тебя старался, Возилъ и къ въдьмамъ, и къ духамъ, И что-же? — все по пустякамъ. Желалъ ты славы - и добился, Хотвиъ виюбиться — и виюбился. Ты съ жизни взялъ возможну дань, А былъ-ли счастливъ?

Фаустъ.

Перестань,
Не растравляй мнё язвы тайной.
Въ глубокомъ знаньи жизни нётъ;
Я проклялъ знаній ложный свётъ.
А слава.... лучъ ея случайной
Неуловимъ. Мірская честь
Безсмысленна, какъ сонъ.... Но есть

Прямое благо: сочетанье Двухъ душъ....

Мефистофиль.

И первое свиданье, Не правда-ль? Но нельзя-ль узнать, Кого изволишь поминать? Не Гретхенъ-ли?

Фаустъ.

О сонъ чудесный!
О пламя чистое любви!
Тамъ, тамъ — гдъ тънь, гдъ шумъ древесный, Гдъ сладко — звонкія струи,
Тамъ, на груди ен прелестной
Покоя томную главу,
Я счастливъ былъ....

Мефистофиль.

Творецъ небесной! Ты бредишь, Фаустъ, наяву! Услуждивымъ воспоминаньемъ Себя обманываещь ты. Не я-ль тебъ своимъ стараньемъ Доставиль чудо красоты, И въ часъ полуночи глубогой Съ тобою свелъ ее? Тогда Плодами своего труда Я забавлялся одиновой, Какъ вы вдвоемъ — все помню я! Когда красавица твоя Была въ восторгъ, въ упоеньъ, Ты безпокойною душой Ужъ погружался въ размышленье (А доказали мы съ тобой,

Что размышленье — скуки съмя). И знаешь-ли, философъ мой, Что думалъ ты въ такое время, Когда не думаетъ никто? Сказать-ли?

Фаустъ.

Говори. Ну, что? Мефистофиль.

Ты думаль: агнець мой послушной! Какъ жадно я тебя желалъ! Какъ хитро въ дъвъ простодушной Я грезы сердца возмущаль! Любви невольной, безкорыстной Невинно предалась она.... Что-жъ грудь моя теперь полна Тоской и скукой ненавистной? На жертву прихоти моей Гляжу, упившись наслажденьемъ, Съ неодолимымъ отвращеньемъ: Такъ безразсчетный дуралей, Вотще рѣшась на злое дѣло, Заръзавъ нищаго въ лъсу, Бранитъ ободранное тъло; Такъ на продажную красу, Насытясь ею торопливо, Развратъ косится боязливо.... Потомъ изъ этого всего Одно ты вывель заключенье....

Фаустъ.

Сокройся, адское творенье! Бъги отъ взора моего!

Мефистофиль.

Изволь. Задай лишь мит задачу: Безъ дёла, знаешь, отъ тебя

Не смъю отлучаться я: Я даромъ времени не трачу.

Фаустъ.

Что тамъ бълъетъ? говори.

Мефистофиль.

Корабль Испанскій трехмачтовый, Пристать въ Голландію готовый: На немъ мерзавцевъ сотни три, Двъ обезьяны, бочки злата, Да грузъ богатый шоколата, Да модная болъзнь: она Недавно къ намъ занесена.

Фаустъ.

Все утопить.

Мефистофиль.

Сейчасъ.

(Исчезаеть).

II. СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(1830).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(въ вашиб).

АЛЬБЕРЪ и ИВАНЪ.

Альберъ.

Во что-бы то ни стало, на турниръ Явлюсь я. Покажи мнъ шлемъ, Иванъ. (Иванъ подаетъ ему шлемъ).

Пробитъ насквозь, испорченъ. Невозможно Его надъть. Достать мнъ надо новый. Какой ударъ! проклятый Графъ Делоржъ!

Иванъ.

И вы ему порядкомъ отплатили: Какъ изъ стремянъ вы вышибли его, Онъ сутки замертво лежалъ — и врядъ-ли Оправился.

Альверъ.

А все-жъ онъ не въ убыткъ; Его нагрудникъ цълъ Венеціянскій — А грудь своя гроша ему не стоитъ — Другой себъ не станетъ покупать.

Зачёмъ съ него не снядъ я шлема тутъ-же! А снялъ-бы я, когда-бъ не было стыдно Мив дамъ и Герцога. Проклятый Графъ! Онъ дучше-бы мнъ голову пробилъ. И платье нужно мив. Въ последній разъ Всъ рыцари сидъли тутъ въ атласъ Да бархать; я въ датахъ былъ одинъ За герцогскимъ столомъ. Отговорился Я тымь, что на турнирь попаль случайно. А нынче что скажу? О, бъдность, бъдность! Какъ унижаетъ сердце намъ она! Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ Пробиль мив шлемь и мимо проскакаль, А я съ открытой головой пришпорилъ Эмира моего, помчался вихремъ И бросиль Трафа на двадцать шаговъ, Какъ маленькаго пажа: какъ всв дамы Привстали съ мъстъ, когда сама Клотильда, Закрывъ лице, невольно закричала И славили герольды мой ударъ: Тогда никто не думалъ о причинъ И храбрости моей и силы дивной! Взбъсился я за поврежденный шлемъ; Геройству что виною было? — Скупость. Да! заразиться здёсь не трудно ею Подъ кровлею одной съ моимъ отцемъ. Что бъдный мой Эмиръ?

Иванъ.

Онъ все хромаетъ. Вамъ вывхать на немъ еще пельзя.

Альвиръ.

Ну, дълать нечего, куплю гитдова: Не дорого и просятъ за него.

Иванъ.

Не дорого, да денегъ нътъ у насъ.

Альверъ.

Что-жъ говоритъ бездёльникъ Соломонъ?

Иванъ.

Онъ говоритъ, что болъе не можетъ Въ займы давать вамъ денегъ безъ заклада.

Альверъ.

Закладъ! а гдё миё взять заклада, дьяволъ?

Иванъ.

Я сказывалъ.

Альберъ.

Что-жъ онъ?

Иванъ.

Кряхтитъ да жмется.

Альверъ.

Да ты-бъ ему сказалъ, что мой отецъ Богатъ и самъ какъ жидъ, что рано-ль, поздно-ль Всему наслъдую.

Иванъ.

Я говорилъ.

Альверъ.

TTO-ET?

Иванъ.

Жмется да кряхтитъ.

Альберъ.

Karoe rope!

Иванъ.

Онъ самъ котълъ прійти.

Альберъ.

Ну, слава Богу.

Безъ выкупа не выпущу его.

(Стучать въ дверь).

Кто тамъ?

(Входитъ жидъ).

Жидъ.

Слуга вашъ низкій.

Альберъ.

А, пріятель!

Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ, Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу, Не въришь въ долгъ.

Жидъ.

Ахъ, милостивый рыцарь,

Клянусь вамъ, радъ-бы.... право не могу. Гдъ денегъ взять? Весь разорился я, Все рыцарямъ усердно помогая. Никто не платитъ. Васъ хотълъ просить, Не можете-ль хоть часть отдать....

Альверъ.

Разбойникъ!

Да если-бъ у меня водились деньги, Съ тобою сталъ-ли-бъ я возиться? Полно, Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ, Давай червонцы. Высыпи миъ сотню, Пока тебя не обыскали.

Жидъ.

Сотню!

Когда-бъ имълъ я сто червонцевъ!

Альверъ.

Слушай:

Не стыдно-ли тебъ своихъ друзей Не выручать?

Жидъ.

Клянусь вамъ....

Альберъ.

Полно, полно.

Ты требуешь заклада? что за вздоръ! Что дамъ тебъ въ закладъ? — свиную кожу? Когда-бъ и могъ что заложить, давно Ужъ продалъ-бы. Иль рыцарскаго слова Тебъ, собака, мало?

Жидъ.

Ваше слово,
Пока вы живы, много, много значить:
Вст сундуки фламандскихъ богачей
Какъ талисманъ оно вамъ отопретъ;
Но если вы его передадите
Мнъ, бъдному Еврею, а межъ тъмъ
Умрете (Боже сохрани), тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ морс.

Альверъ.

Уже-ль отецъ меня переживетъ?

Жидъ.

Какъ знать? дни наши сочтены не нами: Цвътъ юноша вечеръ, а нынче умеръ, И вотъ его четыре старика Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу.

Баронъ здоровъ. Богъ дастъ лътъ десять, двадцать И двадцать иять и тридцать проживеть онъ.

Альверъ.

Ты врешь, Еврей! Да черезъ тридцать лътъ Миъ стукиетъ интьдесятъ, тогда и деньги На что миъ пригодятся?

Жидъ.

Деньги? — Деньги Всегда, во всякій возрасть намъ пригодны; Но юноша въ нихъ ищеть слугь проворныхъ, И не жалън шлеть туда-сюда, Старикъ-же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ И бережетъ ихъ какъ зъницу ока.

Альверъ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей Въ нихъ видитъ, а господъ, и самъ имъ служитъ, И какъ-же служитъ? какъ алжирскій рабъ, Какъ песъ цъпной! Въ нетопленной кануръ Живетъ, пьетъ воду, тстъ сухія корки, Всю ночь не спитъ, все бъгаетъ да лаетъ, — А золото спокойно въ сундукахъ Лежитъ себъ. Молчи! когда-нибудь Оно послужитъ мнъ, лежать забудетъ.

'Жидъ.

Да, на бароновыхъ похоронахъ Прольется больше денегъ, нежель слезъ. Пошли вамъ Богъ скоръй наслъдство.

Альберъ.

Amen!

Жидъ.

А можно-бъ....

Альверъ.

Что?

Жидъ.

Такъ, думалъ я, что средство

Такое есть...

Альверъ.

Какое средство?

Жидъ.

Такъ —

Есть у меня знакомый старичекъ, Еврей, аптекарь бъдный....

Альверъ.

Ростовщикъ

Такой-же какъ и ты, иль почестиве?

Жидъ.

Нътъ, рыцарь, Товій торгъ ведетъ иной: Онъ составляетъ капли.... право, чудно, Какъ дъйствуютъ онъ.

Альверъ.

А что мив въ нихъ?

Жицъ.

Въ стаканъ воды подлить.... трехъ капель будетъ, Ни вкуса въ нихъ, ни цвъта незамътно; А человъкъ безъ ръзи въ животъ, Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

Альберъ.

Твой старичекъ торгуетъ ядомъ? lib.pushkinskijdom.ru

Жидъ.

Да — ·

И ядомъ.

Альверъ.

Что-жъ, въ займы, на мъсто денегъ Ты мнъ предложишь стиляновъ двъсти яду — За стилянку по червонцу. Такъ, что-ли?

Жидъ.

Смънться вамъ угодно надо мною. Нътъ, я хотълъ.... быть можетъ вы.... я думалъ, Что ужъ барону время умереть.

Альверъ.

Какъ! отравить отца! И смёлъ ты сыну.... Иванъ! держи его. И смёлъ ты мнё!... Да знаешь-ли, жидовская душа, Собака, змёй, что я тебя сейчасъ-же На воротахъ повёшу!

Жидъ.

Виноватъ!

Простите, я шутилъ.

Альберъ.

Иванъ, веревку.

Жидъ.

Я.... я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

Альберъ.

Вонъ, песъ!

(Жидъ уходитъ).

Вотъ до чего меня доводитъ

Отца роднаго скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ
Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина!
Я весь дрожу.... Иванъ, однако-жъ деньги
Мнѣ нужны.... Сбѣгай за жидомъ проклятымъ,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мнѣ принеси чернильницу.... Я плуту
Расписку дамъ. Да не вводи сюда
Іуду этого.... Иль нѣтъ, постой —
Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ сребреники пращура его....
Я спрашивалъ вина.

Иванъ.

У насъ вина

Ни капли нътъ.

Альверъ.

А то, что мнѣ прислалъ Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

Иванъ.

Вечеромъ и снесъ послъднюю бутылку Больному кузнецу.

Альберъ.

Да, помню, знаю....
Такъ дай воды. Проклятое житье!
Нътъ, ръшено — пойду искать управы
У Герцога: пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышь,
Рожденную въ подпольъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(подвалъ).

Баронъ.

Какъ молодой повъса ждетъ свиданья Съ какой нибудь развратницей лукавой, Иль дурой имъ обманутой, такъ я Весь день минуты ждаль, когда сойду Въ подвалъ мой тайный, къ върнымъ сундукамъ. Счастливый день! могу сегодня я Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный) Горсть золота накопленнаго всыпать. Не много кажется, но по немногу Сокровища растутъ. Читалъ я гдъ-то, Что Царь однажды воинамъ своимъ Велълъ снести земли по горсти въ кучу, И гордый холмъ возвысился, и Царь Могъ съ вышины, съ весельемъ, озирать И долъ, покрытый бълыми шатрами, И море, гдъ бъжали корабли. Такъ я, по горсти бъдной принося Привычну дань мою сюда въ подвалъ, Вознесъ мой ходиъ — и съ высоты его Могу взирать на все, что мив подвластно. Что не подвластно мив?... Какъ нъкій демонъ. Отсель править міромъ я могу; Лишь захочу — воздвигнутся чертоги; Въ великолъпные мои салы Сбътутся нимом ръзвою толпою; И музы дань свою мив принесутъ, И вольный геній мив поработится, И добродътель, и безсонный трудъ

Смиренно будутъ ждать моей награды. Я свисну, — и ко мит послушно, робко Вползетъ окровавленное злодъйство, И руку будетъ мит лизать, и въ очи Смотръть, въ нихъ знакъ моей читая воли. Мит все послушно, я же — ничему; Я выше встхъ желаній; я спокоенъ; Я знаю мощь мою: съ меня довольно Сего сознанья... (Смотрътъ па свое золото).

Кажется не много,

А сколькихъ человъческихъ заботъ, Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій Оно тяжеловъсный представитель! Тутъ есть дублонъ старинный... вотъ онъ. Нынче Вдова мив отдала его, но прежде Съ тремя дътьми полдня передъ окномъ Она стояда на коленяхъ воя. Шель дождь, и пересталь, и вновь пошель, Притворщица не трогалась; я могъ-бы Ее прогнать, но что-то мив шептало, Что мужнинъ долгъ она мив принесла И не захочетъ завтра быть въ тюрьиъ. А этотъ? этотъ мив принесъ Тибо. Гдъ было взять ему лънивцу, плуту? Украль, конечно, или, можеть быть, Тамъ на большой дорогъ, ночью, въ рощъ ... Да! Если-бы всё слезы, кровь и потъ, Пролитые за все, что здёсь хранится, Изъ нъдръ земныхъ всъ выступили вдругъ, То быль-бы вновь потопъ - я захлебнулся-бъ Въ моихъ подвалахъ върныхъ. Но пора.

(Хочетъ отпереть сундувъ).

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепетъ. Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ? При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ. Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ Какое-то невѣдомое чувство.... Насъ увѣряютъ медики: есть люди, Въ убійствѣ находящіе пріятность. Когда я ключъ въ замокъ влагаю, тоже Я чувствую, что чувствовать должны Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно И страшно вмѣстѣ.

(Отпираетъ сундукъ).

Вотъ мое блаженство!

(Всыпаетъ деньги).

Ступайте, полно вамъ по свъту рыскать, Служа страстямъ и нуждамъ человъка. Усните здъсь сномъ силы и покоя, Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!...

Хочу себъ сегодня пиръ устроить: Зажгу свъчу предъ каждымъ сундукомъ, И всъ ихъ отопру, и стану самъ Средь нихъ глядъть на блещущія груды

(Зажигаетъ свъчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ).

Я парствую!... Какой волшебный блескъ! Послушна мнъ, сильна моя держава; Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава! Я парствую!... Но кто вослъдъ за мной Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслъдникъ!

Безумецъ, расточитель молодой! Развратниковъ разгульныхъ собесъдникъ! Едва умру, онъ, онъ — сойдетъ сюда, Подъ эти мирные, нъмые своды Съ толпой даскателей придворныхъ, жадныхъ. Укравъ ключи у трупа моего, Онъ сундуки со смъхомъ отопретъ --И потекутъ сокровища мои Въ атласные, дырявые карманы. Онъ разобьетъ священные сосуды, Онъ грязь едеемъ царскимъ напоитъ. Онъ расточитъ... А по какому праву? Мнъ развъ даромъ это все досталось, Или шутя, какъ игроку, который Гремитъ костьми, да груды загребаетъ? Кто знаеть, сколько горькихъ воздержаній, Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ, Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ миъ Все это стоило? Иль скажетъ сынъ, Что сердце у меня обросло мохомъ, Что я не зналъ желаній, что меня И совъсть никогда не грызла, -- совъсть, Когтистый звърь, скребящій сердце, - совъсть, Незваный гость, докучный собесъдникъ, Запмодавецъ грубый; эта въдьма, Отъ коей меркнетъ мъсяцъ и могилы Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!... Нътъ, выстрадай сперва себъ богатство, А тамъ, посмотримъ, станетъ-ли несчастный То расточать, что кровью пріобрыть. О, если-бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ Я скрыть подваль!... о, если-бъ изъ могилы Прійти я могъ, сторожевою тѣнью Сидъть на сундукъ и отъ живыхъ Сокровища мои хранить, какъ нынъ!...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(во дворцъ).

АЛЬБЕРЪ, ГЕРЦОГЪ.

Альверъ.

Повърьте, Государь, терпълъ я долго Стыдъ горькой бъдности. Когда-бъ не крайность, Вы-бъ жалобы моей не услыхали.

Герцогъ.

Я върю: благородный рыцарь,
Таковъ какъ вы, отца не обвинитъ
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало....
Спокойны будьте: вашего отца
Усовъщу наединъ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дъду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ,
Какъ будто колоколомъ. —

(Смотритъ въ окно).

(OMOTPHTS BE OKE

Это кто?

Не онъ-ли?

Альверъ.

Такъ онъ, Государь.

Герпогъ.

Подите-жъ

Въ ту комнату. Я кликну васъ. (Альберъ уходитъ; входитъ баронъ). Баронъ!

Я радъ васъ видъть бодрымъ и здоровымъ.

Баронъ.

Я счастинвъ, Государь, что въ силахъ былъ По приказанью вашему явиться.

Герцогъ.

Давно, баронъ, давно разстались мы. Вы помните меня?

Баронъ.

Я, Государь?

Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были Ребенокъ ръзвый. — Мнъ покойный Герцогъ Говаривалъ: Филиппъ (онъ звалъ меня Всегда Филиппомъ), что ты скажешь, а? Лътъ черезъ двадцать, право, ты да я, Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ.... Предъ вами, то есть....

Герцогъ.

Мы теперь знакомство Возобновимъ. Вы Дворъ забыли мой.

Баронъ.

Старъ, Государь, я нынче: при Дворъ Что дълать мнъ? Вы молоды; вамъ любы Турниры, праздники. А я на нихъ Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я Готовъ, кряхтя, взлъсть снова на коня; Еще достанетъ силы старый мечъ За васъ рукой дрожащей обнажить.

Герпогъ.

Баронъ, усердье ваще намъ извъстно: Вы дълу были другомъ; мой отецъ Васъ уважалъ. И я всегда считалъ Васъ върнымъ, храбрымъ рыцаремъ; но сядемъ. У васъ, баронъ, есть дъти?

Баронъ.

Сынъ одинъ.

Герцогъ.

Зачёмы его я при себё не вижу? Вамъ Дворъ наскучиль, но ему прилично Въ его лётахъ и званьё быть при насъ.

Баронъ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свътской жизни; Онъ дикаго и сумрачнаго нрава— Вкругъ замка по лъсамъ онъ въчно бродитъ, Какъ молодой олень.

Герцогъ.

He xopomo

Ему дичиться. Мы тотчась пріучимь Его къ весельямь, къ баламь и турнирамь. Пришлите мнъ его; назначьте сыну Приличное по званью содержанье.... Вы хмуритесь — устали вы съ дороги, Быть можеть?

Баронъ.

Государь, я не усталь;
Но вы меня смутили. Персдъ вами
Я-бъ не хотёлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынё
То, что желалъ отъ васъ бы утанть.
Онъ, Государь, къ несчастью, недостоинъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствъ,
Въ порокахъ низкихъ....

Герпогъ.

Это потому,

Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье И праздность губятъ молодыхъ людей. Пришлите къ намъ его, онъ позабудетъ Привычки, зарожденныя въ глуши.

Баронъ.

Простите мив, но право, Государь, Я согласиться не могу на это....

Герцогъ.

Но почему-жъ?

Баронъ.

Увольте старика....

Герцогъ.

Я требую: откройте мив причину Отказа вашего.

Баронъ.

На сына я

Сердитъ.

Герцогъ.

За что?

Баронъ.

За злое преступленье.

Герцогъ.

А въ чемъ оно, скажите, состоитъ?

Баронъ.

Увольте, Герцогъ....

Герцогъ.

Это очень странно!

Или вамъ стыдно за него!

Баронъ.

Да.... стыдно....

Герцогъ.

Но что-же сдълалъ онъ?

Баронъ.

Онъ.... онъ меня

Хотвлъ убить.

Герцогъ.

Убить! Такъ я суду Его предамъ, какъ чернаго здодъя.

Баронъ.

Доказывать не стану я, хоть знаю, Что точно смерти жаждеть онъ моей, Хоть знаю то, что покушался онъ Меня....

Герцогъ.

Что?

Баронъ.

Обокрасть.

(Альберъ бросается въ комнату).

Альверъ.

Баронъ, вы лжете!

Герцогъ (сыну).

Какъ смъли вы?...

Баронъ.

Ты здёсь! ты, ты мнё смёль!... Ты могь отцу такое слово молвить!... Я лгу и передъ нашимъ Государемъ!... Мнё, мнё.... иль ужъ не рыцарь я?...

Альверъ.

Вы лжецъ!

Баронъ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый! Такъ подыми-жъ, и мечъ насъ разсуди! (Бросаетъ перчатку, сынъ поспѣшно ее поднимаетъ).

Альверъ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца!

Герцогъ.

Что видёль я! что было предо мною? Сынь приняль вызовь стараго отца! Вь какіе дни надёль я на себя Цёпь герцоговь! молчите: вы, безумець, И ты, тигренокь! — полно. (Сыну). Бросте это; Отдайте мнё перчатку эту (отнимаеть ее).

Альверъ (a parte).

Жаль!

Герцогъ.

Такъ и впился въ нее когтями!... Извергъ! Подите: на глаза мои не смъйте Являться до-тъхъ-поръ, пока я самъ Ӊе призову васъ.

(Альберъ выходитъ).

Вы, старикъ несчастный,

Не стыдно-ль вамъ?

Баронъ.

Простите, Государь.... Стоять я не могу.... мои колъна

Слабъютъ... душно!... душно!... гдъ ключи? Ключи, ключи мои!

Герцогъ.

Онъ умеръ. Боже! Ужасный въкъ, ужасный сердца!

23 октября 1830. Болдино.

III. МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

(1830).

сцена первая.

(ROMHATA).

Сальери.

Всв говорять: нътъ правды на землъ. Но правды нътъ — и выше. Для меня Такъ это ясно, какъ простая гамма. Родился я съ любовію къ искусству; Ребенкомъ будучи, когда высоко Звучаль органь въ старинной церкви нашей, Я слушаль и заслушивался, слезы Невольныя и сладкія текли. Отвергъ я рано праздныя забавы; Науки, чуждыя музыкъ, были Постылы миж; упрямо и надменно Отъ нихъ отрекся я и предался Одной музыкъ. Труденъ первый шагъ И скученъ первый путь. Преодольлъ Я раннія невзгоды. Ремесло Поставиль я подножіемь искусству; Я сдълался ремесленникъ: перстамъ Придаль послушную, сухую бъглость, И върность уху. Звуки умертвивъ, Музыку я разъядъ, какъ трупъ. Повърилъ

Я алгеброй гармонію. Тогда Уже дерзнуль, въ наукъ искушенный, Предаться нъгъ творческой мечты. Я сталь творить, но въ тишинь, но втайнь, Не сивя помышлять еще о славъ. Нертдко, просидъвъ въ безмодвной кельт Два — три дня, позабывъ и сонъ, и пищу, Вкусивъ восторгъ и слевы вдохновенья, Я жегъ мой трудъ и холодно смотрълъ, Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны, Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали!... Что говорю? Когда великій Глюкъ Явился и открыль намъ новы тайны (Глубокія, пленительныя тайны!) — Не бросилъ-ли я все, что прежде зналъ, Что такъ любилъ, чему такъ жарко върилъ, И не пошелъ-ли бодро вследъ за нимъ Безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался, И встръчнымъ посланъ въ сторону иную? Усильнымъ, напряженнымъ постоянствомъ Я наконецъ въ искусствъ безграничномъ Достигнуль степени высокой. Слава Мнъ улыбнулась; я въ сердцахъ людей Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ. Я счастливъ былъ: я наслаждался мирно Своимъ трудомъ, успъхомъ, славой, также Трудами и успъхами друзей, Товарищей моихъ въ искусства дивномъ. Нътъ, никогда я зависти не зналъ! О, никогда — ниже, когда Пиччини Пленить умель слухь дикихъ Парижанъ, Ниже, когда услышаль въ первый разъ Я Ифигеніи начальны звуки. Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ Когда нибудь завистникомъ презръннымъ,

Змъей, людьми растоптанною, вживъ
Песокъ и пыль грызущею безсильно?
Никто!... А нынъ — самъ скажу — я нынъ
Завистникъ! Я завидую, глубоко,
Мучительно завидую. — О небо!
Гдъ-жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній — не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
А озарястъ голову безумца,
Гуляки празднаго?... О Моцартъ, Моцартъ!

(Входитъ Моцартъ).

Мопартъ.

Ara! увидёль ты! а мив хотёлось Тебя нежданой шуткой угостить.

Сальери.

Ты здёсь! — давно-ль?

Моцартъ.

Сейчасъ. Я шелъ къ тебъ, Несъ кое-что тебъ я показать; Но, проходя передъ трактиромъ, вдругъ Услышалъ скрипку.... Нътъ, мой другъ, Сальери? Смъшнъе отроду ты ничего Не слыхивалъ!... Слъпой скрипачъ въ трактиръ Разыгрывалъ voi che sapete. Чудо! Не вытерпълъ, привелъ я скрипача, Чтобъ угостить тебя его искусствомъ. Войди!

(Входить слёпой старикь со скрипкой).
Изъ Моцарта намъ что нибудь!
(Старикь играеть арію изъ Донъ-Жуана;
Моцарть хохочеть).

Сальери.

И ты смъяться можешь?

Моцартъ.

Ахъ, Сальери!

Уже-ль и самъ ты не смъешься?

Сальери.

Нътъ,

Мит не смтшно, когда маляръ негодный Мит пачкаетъ Мадону Рафаэля, Мит не смтшно, когда фигляръ презртиный Пародіей безчеститъ Алигьери. Пошелъ, старикъ.

Моцартъ.

Постой-же: вотъ тебъ, Пей за мое здоровье.

(Старикъ уходитъ).

Ты, Сальери, Не вдухъ нынче. Я прійду къ тебъ Въ другое время.

Сальери.

Что ты миж принесъ?

Моцартъ.

Нътъ — такъ, бездълицу. Намедни ночью Безсонница моя меня томила, И въ голову пришли мнъ двъ-три мысли. Сегодня ихъ я набросалъ. Хотълось Твое мнъ слышать мнънье; но теперь Тебъ не до меня.

Сальери.

Ахъ, Моцартъ, Моцартъ! Когда-же мнъ не до тебя? Садись, Я слушаю.

Моцартъ (за фортеніано).

Представь себъ... кого-бы?

Ну, коть меня — немного помоложе;

Влюбленнаго — не слишкомъ, а слегка;

Съ красоткой, или съ другомъ — хоть съ тобой;

Я веселъ.... Вдругъ видънье гробовое,

Незапный мракъ иль что нибудь такое....

Ну, слушай-же.

(Играетъ).

Сальери.

Ты съ этимъ шелъ ко мнѣ И могъ остановиться у трактира И слушать скрипача слѣпаго! — Боже! Ты, Моцартъ, недостоинъ самъ себя.

Моцартъ.

Что-жъ, хорошо?

Сальери.

Какая глубина! Какая смълость и какая стройность! Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь; Я знаю, я.

Моцартъ.

Ба! право? можетъ быть.... Но божество мое проголодалось.

Сальери.

Послушай: отобъдаемъ мы вмъстъ Въ трактиръ Золотаго Льва.

Моцартъ.

Пожалуй, Я радъ. Но дай, схожу домой, сказать Женъ, чтобы меня она къ объду Не дожидалась.

(Уходить).

Салькри.

Жду тебя; смотри-жъ. Нътъ! не могу противиться я долъ Судьбъ моей: я избранъ, чтобъ его Остановить -- не то, мы всв погибли. Мы всь, жрецы, служители музыки, Не я одинъ съ моей глухою славой.... Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ И новой высоты еще достигнеть? Подыметъ-ли онъ темъ искусство? Нетъ! Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ: Наследника намъ не оставитъ онъ. Что пользы въ немъ? Какъ нъкій херувимъ, Онъ нъсколько занесъ намъ пъсень райскихъ, Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье Въ насъ, чадахъ праха, послъ улетъть! Такъ улетай-же! чъмъ скоръй, тъмъ лучше! Вотъ ядъ, послъдній даръ моей Изоры. Осьмнадцать льтъ ношу его съ собою — И часто жизнь казалась мий съ техъ поръ Несносной раной, и сидълъ я часто Съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой, И никогда на шепотъ искушенья Не преклонился я, хоть я не трусъ, Хотя обиду чувствую глубоко, Хоть мало жизнь люблю. Все медлиль я, Какъ жажда смерти мучила меня, -Что умирать? я мниль: быть можеть, жизнь

Мнѣ принесетъ незапные дары;

Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ

И творческая ночь, и вдохновенье;

Быть можетъ, новый Гайденъ сотворитъ
Великое — и наслажуся имъ....

Какъ пировалъ я съ гостемъ ненавистнымъ:
Быть можетъ, мнилъ я, элѣйшаго врага
Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
Въ меня съ надменной грянетъ высоты —
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
И я былъ правъ! и — наконецъ нашелъ
Я моего врага, и новый Гайденъ
Меня восторгомъ дивно упоилъ!
Теперь — пора! Завѣтный даръ любви
Переходи сегодня въ чашу дружбы.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(ОСОБАЯ КОМНАТА ВЪ ТРАКТИРЬ; ФОРТЕПІАНО).

МОЦАРТЪ и САЛЬЕРИ за столомъ.

Сальери.

Что ты сегодня пасмуренъ?

Моцартъ.

Я? Нътъ!

Сальери.

Ты, върно, Моцартъ, чъмъ-нибудъ разстроенъ? Объдъ хорошій, славное вино, А ты молчишь и хмуришься.

Моцартъ.

Признаться,

Мой Requiem меня тревожить.

Сальери.

A I

Ты сочиняешь Requiem? Давно-ли?

Моцартъ.

Давно, недёли три. Но странный случай.... Не сказываль тебё я?

Сальери.

Нътъ.

Моцартъ.

Такъ слушай:

Недъли три тому, пришелъ я поздно Домой. Сказали мив, что заходиль За мною кто-то. Отчего — не знаю, Всю ночь я думаль: кто-бы это быль? И что ему во мив? На завтра тотъ-же Зашелъ, и не засталъ опять меня. На третій день играль я на полу Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня, Я вышель. Человъкъ, одътый въ черномъ, Учтиво поклонившись, заказалъ Мит Requiem и скрылся. Стать я тотчасъ И сталъ писать — и съ той поры за мною Не приходиль мой черный человъкъ; А я и радъ: миъ было-бъ жаль разстаться Съ моей работой, хоть совсёмъ готовъ Ужъ Requiem. Но между-тъмъ я....

Сальери.

Что?

Моцартъ.

Мит совъстно признаться въ этомъ....

Сальери.

Въ чемъ-же!

Моцартъ.

Мнѣ день и ночь покоя не даетъ Мой черный человѣкъ. За мною всюду Какъ тѣнь онъ гонится. Вотъ и теперь Мнѣ кажется, онъ съ нами самъ-третей Сидитъ.

Сальери.

И, полно! Что за страхъ ребячій! Разсъй пустую думу. Бомарше Говаривалъ мнъ: «Слушай, братъ, Сальери, Какъ мысли черныя къ тебъ прійдутъ, . Откупори шампанскаго бутылку, Иль перечти женитьбу Фигеро.»

Моцартъ.

Да, Бомарше въдь былъ тебъ пріятель: Иы для него Тарара сочинилъ, Вещь славную. Тамъ есть одинъ мотивъ.... Я все твержду его, когда я счастливъ.... Ла ла ла ла.... Ахъ, правда-ли, Сальери, Что Бомарше кого-то отравилъ?

Сальери.

Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣшонъ Для ремесла такого.

Моцартъ.

Онъ-же геній Какъ ты, да я. А геній и злодъйство Двъ вещи несовиъстныя. Не правда-ль?

Сальери.

Ты думаешь?

(Брослеть ядь въ стаканъ Моцарта). Ну, пей-же.

Монартъ.

За твое

Здоровье, другъ, за испренній союзъ, Связующій Моцарта и Сальери, Двухъ сыновей гармоніи.

(Пьетъ).

Сальери.

Постой,

Постой, постой!... Ты вышилъ.... безъ меня?

Моцартъ обросаеть салфетку на столъ).

Довольно, сытъ я.

(Идетъ къ фортепіано).

Слушай-же, Сальери,

Mon Requiem.

(Играетъ).

Ты плачешь?

Сальери.

Эти слезы

Впервые лью: и больно, и пріятно, Какъ-будто тяжкій совершиль я долгь, Какъ-будто ножь целебный мит отсткъ

Страдавшій членъ! Другъ, Моцартъ, эти слезы.... Не замъчай пхъ. Продолжай, спъши Еще наполнить звуками мнъ душу....

Моцартъ.

Когда-бы всё такъ чувствовали силу Гармоній! Но нётъ, тогда-бъ не могъ И міръ существовать; никто-бъ не сталъ Заботиться о нуждахъ низкой жизни — Всё предались-бы вольному искусству! Насъ мало избранныхъ, счастливцевъ праздныхъ, Пренсбрегающихъ презрённой пользой, Единаго прекраснаго жрецовъ Не правда-ль? Но я нынче нездоровъ: Мнё что-то тяжело; пойду, засну. Прощай-же.

Сальери.

До свиданья.

(Одипъ)

Ты заснешь Надолго, Моцартъ! Но уже-ль онъ правъ, И я не геній? Геній и злодъйство Двъ вещи несовмъстныя. Неправда: И Бонаротти? Или это сказка Тупой, безсмысленной толпы — и не былъ Убійцею создатель Ватикана!

IV. KAMEHHЫЙ ГОСТЬ.

Leporello. O statua gentilissima

Del gran Commendatore!...

Ah, Padroni!...

Don Giovani.

(1830).

CHEHA I.

ночь. кладвище близъ мадрида. ДОНЪ-ЖУАНЪ и ЛЕПОРЕЛЛО.

Донъ-Жуанъ.

Дождемся ночи здёсь. Усъ! наконецъ Достигли мы воротъ Мадрида. Скоро Я полечу по улицамъ знакомымъ, Усы плащемъ закрывъ, а брови шляпой. Какъ думаешь: узнать меня нельзя?

Лепорелло.

Да, Донъ-Жуана мудрено признать! Такихъ, какъ онъ, такая бездна!

Донъ-Жуанъ.

Шутишь?

Да кто-жъ меня узнаетъ?

Лепоредло.

Первый сторожъ,

Гитана, или пьяный музыканть, lib.pushkinskijdom.ru

Иль свой-же братъ нахальный кавалеръ; Въ плащъ, со шпагою подъ мышкой, въ маскъ.

Донъ-Жуанъ.

Что за бъда, коть и узнаютъ! Только-бъ Не встрътился миъ самъ Король, а впрочемъ Я никого въ Мадридъ не боюсь.

Лепорелло.

А завтра-же до Короля дойдеть, Что Донъ-Жуанъ изъ сылки самовольно Въ Мадридъ явился — что тогда, скажите, Онъ съ вами сдёлаетъ?

Донъ-Жуанъ.

Пошлетъ назадъ.

Ужъ върно головы мнъ не отрубитъ: Въдь и не государственный преступникъ! Мени онъ удалилъ — мени-жъ люби, *) Чтобы мени оставила въ покоъ Семьи убитаго. **)

Лепореддо.

Ну, то-то-же! Спавап-бъ вы себв спокойно тамъ!

Донъ Жуанъ.

Слуга покорный! Я едва-едва Не умеръ тамъ со скуки. Что за люди!

^{*)} Сто Рус. Лят.: «Меня онъ удалиль въ мок-же пользу »

^{**)} Посм. издан :

Изъ милости ко мић-жъ, меня отсюда
 Онъ выслалъ. Онъ хогѣлъ меня отъ мщенья
 Семьи убигаго спасти.»

Что за земля! А небо?... точный дымъ; А женщины? Да я не промъняю, Вотъ видишь-ли, мой Лепорелло, Послъдней въ Андалузіи крестьянки На первыхъ тамошнихъ красавицъ — право. Онъ сначала нравилися мнъ Глазами синими, да бълизною, Да скромностью — а пуще повизною; Да, слава Богу, скоро догадатся: Увидълъ я, что съ ними гръхъ и знаться. Въ нихъ жизни иътъ — все куклы восковыя.... А наши!... Но послушай, это мъсто Знакомо намъ; узналъ-ли ты его?

Лепореддо.

Какъ не узнать? Аптоньевъ монастырь Мит памятенъ. Взжали вы сюда, А лошадей держалъ я въ этой рощъ: Проклятая, признаться, должность! Вы Пріятите здъсь время проводили Чтмъ, я, повърьте.

Донъ-Жуанъ (задумчиво).

Бъдная Инеза! Ее ужъ нътъ! Какъ я любилъ ее!

Лепорелло.

Инезу — черноглазую.... о, помню! Три мъсяца ухаживали вы За ней, насилу-то помогъ лукавый.

Донъ-Жуанъ.

Въ Іюлъ.... ночью. Чудную пріятность Я находиль въ ея печальномъ взоръ

И помертвълыхъ губкахъ. Это странно. Ты, кажется, ее не находилъ Красавицей. И точно — мало было Въ ней истинно-прекраснаго. Глаза, Одни глаза, да взглядъ.... такого взгляда Ужъ никогда я не встръчалъ! А голосъ У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной.... А мужъ ся былъ негодяй суровый — Узналъ я поздно.... Бъдная Инеза!...-

Лепорелло.

Что-жъ? Вслёдъ за ней другія были.

Донъ-Жуанъ.

Правда.

Лепорелло.

А живы будемъ, будутъ и другія.

Донъ-Жуанъ.

II To.

Лепореддо.

Теперь которую въ Мадридъ Отыскивать мы будемъ?

Донъ-Жуанъ.

O, Jaypy!

Я прямо къ ней бъгу явиться.

Лепореддо.

Дъло.

Донъ-Жуанъ.

Къ ней прямо въ дверь; а если кто-нибудь Ужъ у нее — прошу въ окно прыгнуть.

Лкпореддо.

Конечно. Ну, развеселились мы. Недолго насъ покойницы тревожать. Кто къ намъ идетъ?

(Входитъ монахъ).

Монахъ.

Сейчасъ она прівдетъ Сюда. Кто здёсь? Не люди-ль Доны-Анны?

Лепорелло.

Нътъ, сами по себъ ны господа. Мы здъсь гуляемъ.

Донъ-Жуанъ.

А кого вы ждете?

Монахъ.

Сейчасъ должна прітхать Дона-Анна На мужнину гробницу.

Донъ-Жуанъ.

Дона-Анна

Де Сольва? Какъ? Супруга Командора, Убитаго.... не помню къмъ.

Монахъ.

Развратнымъ,

Безсовъстнымъ, безбожнымъ Донъ-Жуаномъ.

Лепорелло.

Ого! вотъ какъ! Молва о Донъ-Жуанъ И въ мирный монастырь проникла даже: Отшельники хвалы ему поютъ.

Монакъ.

Онъ вамъ знакомъ, быть можетъ?

Лепореддо.

Намъ? Ни мало.

А гдъ-то онъ теперь?

Монахъ.

Его здёсь нётъ.

Онъ въ ссыдкъ, далеко.

Лепоредло.

И слава Богу! Чъмъ далъе, тъмъ лучше. Всъхъ-бы ихъ, Развратниковъ, въ одинъ мъшокъ да въ море.

Допъ-Жуанъ.

Что, что ты врешь?

Лепореддо.

Молчите: я нарочно....

Донъ-Жуанъ.

Такъ здёсь похоронили Командора?

Монахъ.

Здёсь. Памятникъ жена ему воздвигла, И пріёзжаетъ каждый день сюда За упокой души его молиться И плакать.

Донъ-Жуанъ.

Что за странная вдова! Не даромъ-же покойникъ былъ ревнивъ; Онъ Дону-Анну въ заперти держалъ: Никто изъ насъ не видывалъ ея. И не дурна?

Монахъ.

Мы красотою женской, Отшельники, прельщаться не должны;

Но лгать гръшно: не можетъ и угодникъ Въ ея красъ чудесной не сознаться.

Донъ-Жуанъ.

Я съ нею-бы хотыль поговорить.

Монахъ.

О, Дона-Анна никогда съ мужчиной Не говоритъ.

Донъ-Жуанъ.

А съ вами, мой отецъ?

Монахъ.

Со мной иное дъло — я монахъ. Да вотъ она.

(Входитъ Дона-Анна).

Дона-Анна.

Отецъ мой, отоприте.

Монахъ.

Сейчасъ, сеньора; я васъ ожидалъ.

Дона-Апна идетъ за монахсмъ).

Лепореддо.

Что, какова?

Донъ-Жуанъ.

Ея совсёмъ не видно Подъ этимъ вдовьимъ чернымъ покрываломъ; Чуть узенькую пятку я замётилъ.

Лепорелло.

Довольно съ васъ. У васъ воображенье Въ минуту дорисуетъ остальное; Оно у васъ проворнъй живописца.

Вамъ все равно, съ чего-бы ни начать — Съ бровей-ли, съ ногъ-ли.

Донъ-Жуанъ.

Слушай, Лепорелло,

Я съ нею познакомиюсь.

Лепореддо (просебя).

Вотъ еще!

Куда какъ нужно! Мужа повалилъ, Да хочетъ поглядъть на вдовьи слезы. Безсовъстный!

Донъ-Жуанъ.

Однако ужъ и смерклось. Пока луна надъ нами не взошла И въ свътлый сумракъ тьмы не обратила, Войдемъ въ Мадридъ.

Лепореддо.

Испанскій грандъ, какъ воръ Ждетъ ночи — и луны боится, Боже! Проклятое житье! Да долго-ль будетъ Мнъ съ нимъ возиться! Право силъ ужъ нътъ!

СЦЕНА ІІ.

комната, ужинъ у дауры.

Первый гость.

Клянусь тебѣ, Лаура, никогда ^{*} Съ такимъ ты совершенствомъ не играла! Какъ роль свою ты върно поняла!

Второй.

Какъ развила ее! съ какою силой!

Третій.

Съ какимъ искусствомъ!

JAYPA.

Да, мит удавалось Сегодня каждое движенье, слово. Я вольно предавалась вдохновенью. Слова лились, какъ-будто ихъ рождала Не память робкая, но сердце....

Первый.

Правда.

Да и теперь глаза твой блестять И щеки разгорълись — не проходить Въ тебъ восторгъ. Лаура, не давай Остыть ему безплодно: спой, Лаура, Спой что-нибудь!

Лаура.

Подайте миъ гитару.

(Поетъ).

Всъ.

O, bravo! bravo! чудно! безподобно!

Первый.

Благодаримъ, волшебница! Ты сердце Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни Одной любви музыка уступаєть; Но и любовь мелодія.... Взгляни: Самъ Карлосъ тронутъ, твой угрюмый гость!

Второй.

Какіе звуки! сколько въ нихъ души! А чып слова, Лаура?

Лаура.

Донъ-Жуана.

Донъ-Карлосъ.

Что? Донъ-Жуанъ!

JAYPA.

Ихъ сочинилъ когда-то Мой върный другъ, мой вътряный любовникъ.

Донъ-Карлосъ.

Твой Донъ-Жуанъ — безбежникъ и мерзавецъ; А ты, ты дура.

Лаура.

Ты съ ума сошелъ! Да я сейчасъ велю тебя заръзать Моимъ слугамъ, хоть ты Испанскій грандъ.

Донъ-Карлосъ (встаетъ).

Зови-же ихъ.

Первый.

Лаура, перестань! Донъ-Карлосъ, не сердись. Она забыла....

Лаура.

Что?... Что Жуанъ на поединкъ честно Убилъ его роднаго брата? Правда, жаль, Что не его.

Донъ-Карлосъ.

Я глупъ, что осердился.

ЛАУРА.

Ага! самъ сознаешься, что ты глупъ— Такъ помиримся.

Донъ-Карлосъ.

Виноватъ, Лаура! Прости меня. Но знаешь: не могу Я слышать это имя равнодушно....

ЛАУРА.

А виновата-ль я, что поминутно Мнъ на языкъ приходитъ это имя?

Гость.

Ну, въ знакъ, что ты совсёмъ ужъ не сердита, Лаура, спой еще!

ЛАУРА.

Да, на прощанье. Пора — ужъ ночь. Но что-же я спою? А! слушайте.

(Поетъ).

Всъ.

Прелестно, безподобно!

JAVPA.

Прощайте-жъ, господа.

Гости.

Прощай, Лаура. (Выходить. Лаура останавливаеть Донь-Карлоса).

Лаура.

Ты, бъщенный, останься у меня. Ты мив понравился; ты Донъ-Жуана Напомнилъ мнъ, какъ выбранилъ меня И стиснулъ зубы съ скрежетомъ.

Донъ-Карлосъ.

Счастливецъ!

Такъ ты его любила?

(Лаура дълаетъ утвердительный знакъ).

Очень?

JAYPA.

Очень.

Донъ-Карлосъ.

И любишь и теперь?

ЛАУРА.

Въ сію минуту?

Нътъ, не люблю. Мнъ двухъ любить нельзя. Теперь люблю тебя.

Донъ-Карлосъ.

Скажи, Лаура,

Который годъ тебъ?

Лаура.

Осьмнадцать лътъ.

Донъ-Карлосъ.

Ты молода.... и будешь молода
Еще лётъ пять иль шесть. Вокругъ тебя
Еще лётъ шесть они толпиться будутъ,
Тебя ласкать, лелёять и дарить,
И серенадами ночными тёшить,
И за тебя другъ друга убивать
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдетъ, когда твои глаза

Впадутъ, и въки, сморщась, почернъютъ, И съдина въ косъ твоей мелькнетъ, И будутъ называть тебя старухой, Тогда — что скажешь ты?

JAYPA.

Тогда.... Зачвиъ

Объ этомъ думать? Что за разговоръ? Иль у тебя всегда такія мысли? Прійди — открой балконъ. Какъ небо тихо! Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимономъ И лавромъ пахнетъ; яркая луна Блеститъ на синевъ густой и темной, И сторожа кричатъ протяжно, ясно!... А далеко, на съверъ — въ Парижъ — Быть можетъ, небо тучами покрыто, Холодный дождь идетъ и вътеръ дуетъ. А намъ какое дъло? Слушай, Карлосъ: Я требую, чтобъ улыбнулся ты. Ну! то-то-жъ!

Донъ-Карлосъ.

Милый демонъ!

(Стучатъ).

Донъ-Жуанъ.

Гей, Лаура!

JAYPA.

Кто тамъ? Чей это голосъ?

Донъ-Жуанъ.

Отопри....

ЛАУРА.

Уже-ли!... Боже!...

(Огпираетъ двеги, входитъ Донъ-Жуанъ).

Донъ-Жуанъ.

Здравствуй....

JAYPA.

Донъ-Жуанъ!...

(Лаура кидается ему на шею).

Донъ-Карлосъ.

Какъ! Донъ-Жуанъ!...

Донъ-Жуанъ.

Лаура, милый другъ!...

(Цѣлуетъ ее).

Кто у тебя, моя Лаура?

Донъ-Карлосъ.

я, —

Донъ-Карлосъ.

Донъ-Жуанъ.

Вотъ нечаянная встръча! Я завтра весь къ твоимъ услугамъ....

Донъ-Карлосъ.

Нътъ!

Теперь — сейчасъ.

JAVPA.

Донъ-Карлосъ, перестаньте! Вы не на улицъ—вы у меня— Извольте выйти вонъ.

Донъ-Карлосъ. (ее не слушая).

Я жду. Ну, что-жъ?

Въдь ты при шпагъ.

Донъ-Жуанъ.

Ежели тебъ

Не терпится, изволь.

(Бьются).

JAYPA.

Ай, ай! Жуанъ!... (Кидается па постель, Донъ-Карлосъ падаетъ).

Донъ-Жулнъ.

Вставай, Лаура, кончено.

ЛАУРА.

Что тамъ?

Убитъ? Прекрасно! въ комнатъ моей! Что дълать мнъ теперь, повъса, дьяволъ? Куда я выброшу его?

Донъ-Жулнъ.

Быть можетъ,

Онъ живъ еще.

(Осматриваетъ тѣло).

JAYPA.

Да, живъ! Гляди, проклятый! Ты. прямо въ сердце ткнулъ — небось, не мимо. И кровь нейдетъ изъ треугольной ранки, А ужъ не дышитъ — каково?

Донъ-Жуанъ.

Что дълать?

Онъ самъ того хотвиъ.

Лаура.

Эхъ, Донъ-Жуанъ,

Досадно, право. Въчныя проказы!...

А все не впиоватъ.... Откуда ты? Давно-ли здёсь?

Донъ-Жуанъ.

Я только-что прівхалъ И то тихонько— я въдь не прощенъ.

JAYPA.

И вспомнилъ тотчасъ о своей Лауръ? Что хорошо, то хорошо. Да полно, Не върю я. Ты мимо шелъ случайно, И домъ увидълъ.

Донъ-Жуанъ.

Нътъ, моя Лаура, Спроси у Лепорелло. Я стою За городомъ, въ проклятой вентъ. Я Лауры Пришелъ искать въ Мадридъ.

(Цълуетъ ее).

JAYPA.

Другъ ты мой!... Постой.... при мертвомъ!... Что намъ дълать съ нимъ?

Донъ-Жуанъ.

Оставь его — передъ разсвътомъ, рано, Я вынесу его подъ епанчею И положу на перекресткъ.

Лаура.

Только

Смотри, чтобъ не увидёли тебя. Какъ хорошо ты сдёлаль, что явился Одной минутой позже! У меня

Твои друзья здёсь ужинали. Только Что вышли вонъ. Когда-бъ ты ихъ засталъ!

Донъ-Жуанъ.

Лаура, и давно его ты любишь?

Лаура.

Кого? ты бредишь.

Донъ-Жуанъ.

Нѣтъ. А сколько разъ, Скажи, ты мнѣ успѣла измѣнить Въ моемъ отсутстви?

Лаура.

А ты, повъса?

Донъ-Жулнъ.

Скажи-жъ.... Нътъ, послъ переговоримъ!...

СЦЕНА III.

памятникъ командора.

Донъ-Жулнъ.

Все къ дучшему: нечаянно убивъ Донъ-Карлоса, отшельникомъ смпреннымъ Я скрылся здѣсь — и вижу каждый день Мою прелестную вдову, и ею, Мнѣ кажется, замѣченъ. До-сихъ-поръ Чинились мы другъ съ другомъ, но сегодня Пущуся въ разговоры съ ней; пора! Съ чего начну? «Осмѣлюсь»... или нѣтъ: «Сеньора»... ба! что въ голову прійдетъ, То и скажу, безъ предуготовленья, Импровизаторомъ любовной пѣсни.... Пора-бъ ужъ ей. пріѣхать. Безъ нея, Я думаю, скучаетъ Командоръ.

Какимъ онъ здёсь представленъ исполиномъ! Какія плечи! что за Геркулесъ!... А самъ, покойникъ, малъ былъ и щедущенъ; Здёсь, ставъ на цыпочки, не могъ-бы руку До своего онъ носу дотянуть. Когда за Эскурьяломъ мы сошлись, Наткнулся мнё на шпагу онъ и замеръ, Какъ на булавкъ стрекоза: а былъ Онъ гордъ и смёлъ, и духъ имълъ суровый.... А! вотъ она.

(Входитъ Дона-Анна).

Дона-Анна.

Опять онъ здёсь. Отецъ мой, Я развлекла васъ въ вашихъ помышленьяхъ — Простите.

Донъ-Жуанъ.

Я просить прощенья долженъ У васъ, сеньора. Можетъ, я мъшаю Печали вашей вольно изливаться.

Дона-Анна.

Нътъ, мой отецъ: печаль моя во мнъ. При васъ мое моленье можетъ къ небу Смиренно возноситься. Я прошу И васъ свой голосъ съ нимъ соединить.

Донъ-Жуанъ.

Мив, мив молиться съ вами, Дона-Анна! Я не достоинъ участи такой. Я не дерзну порочными устами Мольбу святую вашу повторять; Я только издали съ благоговвньемъ Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,

Вы кудри черные на мраморъ блёдный Разсыплете — и мнится мнё, что тайно Гробницу эту ангелъ посётилъ. Въ смущенномъ сердцё я не обрётаю Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно И думаю: счастливъ, чей хладный мраморъ Согрётъ ея дыжаніемъ небеснымъ И окропленъ любви ея слезами.

Дона-Анна.

Какія ръчи странныя!

Донъ-Жуанъ.

Сеньора?

Дона-Анна.

Мнъ.... вы забыли....

Донъ-Жулнъ.

Что? что недостойный Отшельникъ я? что гръшный голосъ мой Не долженъ здъсь такъ громко раздаваться?

Дона-Анна.

Мив показалось.... Я не поняда....

Донъ-Жуанъ.

Ахъ, вижу я: вы все, вы все узнали!

Дона-Анна.

Что узнала?

Донъ-Жуанъ.

Такъ, я не монахъ.... У вашихъ ногъ прощенья умоляю.

О, Боже! встаньте, встаньте!... Кто-же вы?

Донъ-Жуанъ.

Несчастный, жертва страсти безнадежной!

Дона-Анна.

О, Боже мой! и здёсь, при этомъ гробѣ! Подите прочь!...

Донъ-Жуанъ.

Минуту, Дона-Анна!

Одну минуту!

Дона-Анна.

Если кто взойдетъ!...

Донъ-Жуанъ.

Рътетка заперта. Одну минуту!

Дона-Анна.

Ну, что? чего вы требуете?

Донъ-Жуанъ.

Смерти!

О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ, Пусть бъдный прахъ мой здъсь-же похоронятъ, Не подлъ праха, милаго для васъ, Не тутъ — не близко — далъ гдъ-нибудь, Тамъ — у дверей — у самаго порога, Чтобъ камня моего могли коснуться Вы легкою ногой или одеждой, Когда сюда, на этотъ гордый гробъ, Пройдете кудри наклонять и плакать.

Вы не въ своемъ умъ.

Донъ-Жуанъ.

Или желать

Кончины, Дона-Анна, знакъ безумства? Когда-бъ я былъ безумецъ, я-бъ хотълъ Въ живыхъ остаться, я-бъ имълъ надежду Любовью нъжной тронуть ваше сердце; Когда-бъ я былъ безумецъ, я бы ночи Сталъ провождать у вашего балкона, Тревожа серенадами вашъ сонъ; Не сталъ-бы я скрываться — я, напротивъ, Старался-бъ быть вездъ замъченъ вами; Когда-бъ я былъ безумецъ, я-бъ не сталъ Страдать въ безмолвіи...,

Дона-Анна.

Такъ это вы....

Молчите?

Донъ-Жуанъ.

Случай, Дона-Анна, случай Увлекъ меня! Не то, вы-бъ никогда Моей печальной тайны не узнали....

Дона-Анна.

И любите давно ужъ вы меня?

Донъ-Жулнъ.

Давно или недавно, самъ не знаю, Но съ той поры лишь только знаю цёну Мгновенной жизни, только съ той поры И понялъ я, что значитъ слово счастье.

Подите прочь -- вы человъкъ опасный.

Донъ-Жуанъ.

Опасный! чъмъ?

Дона-Анна.

Я слушать васъ боюсь.

Донъ-Жуанъ.

Я замолчу; лишь не гоните прочь Того, кому вашъ видъ одна отрада. Я не питаю дерзостныхъ надеждъ, Я ничего не требую, но видъть Васъ долженъ я, когда уже на жизнь Я осужденъ.

Дона-Анна.

Подите — здъсь не мъсто
Такимъ ръчамъ, такимъ безумствамъ... Завтра
Ко мнъ прійдите; если вы клянетесь
Хранить ко мнъ такое-жъ уваженье,
Я васъ приму — но вечеромъ позднъе....
Я никого не вижу съ той поры
Какъ овдовъла....

Донъ-Жуанъ.

Ангелъ, Дона-Анна! Утвшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня Утвшили несчастнаго страдальца!

Дона-Анна.

Подите прочь.

Донъ-Жуанъ.

Еще одну минуту.

Нътъ, видно мнъ уйти.... Къ тому-жъ моленье Мнъ въ умъ нейдетъ. Вы развлекли меня Ръчами свътскими; отъ нихъ ужъ ухо Мое давно, давно отвыкло. — Завтра Я васъ приму....

Донъ-Жуанъ.

Еще не смѣю вѣрить, Не смѣю счастью моему предаться!... Я завтра васъ увижу!... И не здѣсь, И не украдкою!

Дона-Анна.

Да, завтра, завтра.

Какъ васъ зовутъ?

Донъ-Жуанъ. Діего де Кальвидо.

Дона-Анна.

Прощайте, Донъ-Діего.

(Уходитъ).

Донъ-Жулнъ.

Лепорелло!

(Лепоредло входить).

Лепорелло.

Что вамъ угодно?

Донъ-Жулнъ.

Милый Лепорелло!

Я счастливъ! — «Завтра — вечеромъ позднѣе».... Мой Лепорелло, завтра!... приготовь.... Я счастливъ какъ ребенокъ!

Лепорелло.

Съ Доной-Анной

Вы говорили? можетъ быть, она Сказала вамъ два ласковыя слова, Или ее благословили вы.

Донъ-Жуанъ.

Нътъ, Лепорелло, нътъ! Она свиданье, Свиданье миъ назначила!

Лепорелло.

Неужто?

О, вдовы! всё вы таковы.

Донъ-Жуанъ.

Я счастливъ! Я пъть готовъ, я радъ весь міръ обнять!

Лепореддо.

А Командоръ? что скажетъ онъ объ этомъ?

Донъ-Жуанъ.

Ты думаешь, онъ станетъ ревновать. Ужъ върно нътъ: онъ человъкъ разумный, И върно присмирълъ съ тъхъ поръ, какъ умеръ.

Лепореддо.

Нътъ, посмотрите на его статую.

Донъ-Жуанъ.

Что-жъ?

Лепореддо.

Кажется, на васъ она глядитъ И сердится.

Донъ-Жуанъ.

Ступай-же, Лепорелло, Проси ее пожаловать ко мив — Ивтъ, не ко мив — а къ Донъ-Анив, завтра.

Лепореддо.

Статую въ гости звать! Зачвмъ?

Донъ-Жуанъ.

Ужъ върно

Не для того, чтобъ съ нею говорить. Проси статую завтра къ Донъ-Аннъ. Придти попозже вечеромъ и стать У двери на часахъ.

Лепорелло.

Охота вамъ

Шутить, и съ къмъ!

Донъ-Жуанъ.

Ступай-же!

Лепорелло.

Ho....

Донъ-Жуанъ.

Ступай!

Лепоредло.

Преславная, преврасная статуя! Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, поворно проситъ Пожаловать.... Ей-Богу, не могу: Мнъ страшно.

Донъ-Жуанъ.

Трусъ! вотъ я тебя!... lib.pushkinskijdom.ru

Лепорелло.

Позвольте.

Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, васъ проситъ завтра Прійти попозже въ домъ супруги вашей И стать у двери....

(Статуя виваеть головой въ знавъ согласія).

Ай!

Донъ-Жуанъ.

Что тамъ?

Лепореддо.

Ай, ай!...

Ай, ай!... умру!

Донъ-Жуанъ.

Что сдълалось съ тобою?

Лепореддо, (кивая головой)

Статуя.... ай!...

Донъ-Жуанъ.

Ты кланяешься!

Лепорелло.

Нътъ,

Не я -- она!

Донъ-Жуанъ.

Какой ты вздоръ несешь?

Лепорелло.

Подите сами.

Донъ-Жуанъ.

Ну, смотри-жъ, бездъльникъ!

(Статув). Я, Командоръ, прошу тебя придти lib.pushkinskijdom. Cu

Къ твоей вдовъ, гдъ завтра буду я, И стать у двери на часахъ. Что, будешь? (Статуя киваеть опять). О Боже!

Лепоредло.

Что? я говорилъ....

Донъ-Жуанъ.

Уйдемъ.

СЦЕНА ІУ.

(комната доны-анны).

ДОНЪ-ЖУАНЪ и ДОНА-АННА.

Дона-Анна.

Я приняла васъ, Донъ-Діего — только Боюсь, моя печальная бесъда Скучна вамъ будетъ. Бъдная вдова, Все помню я свою потерю: слезы Съ улыбкою мъшаю, какъ апръль. Что-жъ вы молчите?

Донъ-Жуанъ.

Наслаждаюсь молча,
Глубоко — мыслью быть наединъ
Съ прелестной Доной-Анной, здъсь — не тамъ,
Не при гробницъ мертваго счастливца —
И вижу васъ уже не на колънахъ
Предъ мраморнымъ супругомъ.

Дона-Анна.

Донъ-Дiero,

Такъ вы ревнивы! Мужъ мой и во гробъ Васъ мучитъ.

Донъ-Жуанъ.

Я не долженъ ревновать: Онъ вами выбранъ былъ.

Дона-Анна.

Нѣтъ, мать моя Велѣла мнѣ дать руку Донъ-Альвару. Мы были бѣдны, Донъ-Альваръ богатъ.

Донъ-Жуанъ.

Счастливецъ! Онъ сокровища пустыя Принесъ къ ногамъ богини: вотъ за что Вкусилъ онъ райское блаженство! Если-бъ Я прежде васъ узналъ — съ какимъ восторгомъ Мой санъ, мои богатства, все-бы отдалъ, Все, за единый благосклонный взгзядъ! Я былъ-бы рабъ священной вашей воли! Вст ваши прихоти я-бъ изучалъ, Чтобъ ихъ предупреждать, чтобъ ваша жизнь Была однимъ волшебствомъ безпрерывнымъ! Увы, судьба судила мнъ иное!

Дона-Анна.

Діего, перестаньте! Я грёшу Васъ слушая — мнё васъ любить нельзя: Вдова должна и гробу быть вёрна. Когда-бы знали вы, какъ Донъ-Альваръ Меня любилъ! О, Донъ-Альваръ ужъ вёрно Не принялъ-бы къ себё влюбленной дамы, Когда-бъ онъ овдовёлъ; онъ былъ-бы вёренъ Супружеской любви.

Донъ-Жуанъ.

Не мучьте сердца Миъ, Дона-Анна, въчнымъ поминаньемъ

Супруга. Полно вамъ меня казнить, Хоть казнь я заслужиль, быть можеть.

Дона-Анна.

, Чтыт-же?

Вы узами не связаны святыми Ни съ къмъ — не правда-ль? Полюбивъ меня, Вы предо мной и передъ небомъ правы.

Донъ-Жуанъ.

Предъ вами! Боже!

Дона-Анна.

Развъ вы виновны Передо мной? скажите, въ чемъ-же?... ну!

Донъ-Жуанъ.

Нътъ, никогда —

Дона-Анна.

Діего, что такое? Вы предо мной неправы? въ чемъ, скажите.

Донъ-Жуанъ.

Нътъ, ни за что!

Дона-Анна.

Дiero, это странно!

Я васъ прошу, я требую....

Донъ-Жуанъ.

Нътъ, иътъ!

Дона-Анна.

А! такъ-то вы моей послушны воль! А• что сейчасъ вы говорили мев?

24*

Что вы-бъ рабомъ моимъ желали быть. Я разсержусь, Діего: отвъчайте, Въ чемъ предо мной виновны вы? •

Донъ-Жуанъ.

Не смъю:

Вы ненавидъть станите меня.

Дона-Анна.

Нътъ, нътъ! Я васъ заранъе прощаю, Но знать хочу.

Донъ-Жуанъ.

Не желайте знать Ужасную, убійственную тайну.

Дона-Анна.

Ужасную!... Вы мучите меня: Я страхъ какъ любопытна — что такое? И какъ меня могли вы оскорбить, Я васъ не знала. У меня враговъ И нътъ и не было. Убійца мужа Одинъ и есть.

Донъ-Жуанъ, (про себя).

Идетъ къ развязкъ дъло! Скажите мнъ: несчастный Донъ-Жуанъ Вамъ не знакомъ?

Дона-Анна.

Нътъ, отъ роду его

Я не видала.

Донъ-Жуанъ.

Вы въ душт къ нему Питаете вражду?

Дона-Анна.

По долгу чести.

Но вы отвлечь стараетесь меня Отъ моего вопроса, Донъ-Діего — Я требую....

Донъ-Жуанъ.

Что, если-бъ Донъ-Жуана Вы встрътили?

Дона-Анна.

Тогда-бы я злодъю Кинжалъ вонзила въ сердце.

Донъ-Жуанъ.

Дона-Анна, Гдъ твой кинжалъ? — вотъ грудь моя.

Дона-Анна.

Дiero!

Что вы?

Донъ-Жуанъ.

Я не Діего — я Жуанъ.

Дона-Анна.

О Боже! Нътъ, не можетъ быть, не върю....

Донъ-Жуанъ.

Я Донъ-Жуанъ.

Дона-Анна.

Не правда.

Донъ-Жуанъ.

Я убилъ

Супруга твоего, и не жалъю О томъ — и нътъ раскаянья во мнъ.

Дона-Анна.

Что слышу я? Нътъ, нътъ, не можетъ быть,

Донъ-Жуанъ.

Я Донъ-Жуанъ, и я тебя люблю.

Дона-Анна (падая).

Гдъ я?... гдъ я?... мнъ дурно, дурно!

Донъ-Жуанъ.

Небо!

Что съ нею? Что съ тобою, Дона-Анна? Проснись, опомнись: твой Діего, Твой рабъ у ногъ твоихъ!

Дона-Анна.

Оставь меня.

(Слабо). Ты, ты мит врагъ — ты отнялъ у меня Все, все что въ жизни....

Донъ-Жуанъ.

Милое созданье!

Я всёмъ готовъ ударъ мой искупить; У ногъ твоихъ жду только приказанья: Вели — умру; вели дышать — я буду Лишь для тебя....

Дона-Анна.

Такъ это Донъ-Жуанъ?

Донъ-Жуанъ.

Не правда-ли, онъ былъ описанъ вамъ Злодъемъ, извергомъ?

О Дона-Анна!

Молва, быть можеть, не совсвив не права; На совъсти усталой много зла, Быть можеть, тяготъеть; но съ тъхъ поръ Какь васъ увидълъ я, все измънилось: Мнъ кажется, я весь переродился! Васъ полюбя, люблю я добродътель — И въ первый разъ смиренно передъ ней Дрожащія кольна преклоняю.

Дона-Анна.

О, Донъ-Жуанъ красноръчивъ — я знаю! Слыхала я: онъ хитрый человъкъ.... Вы, говорятъ; безбожный развратитель, Вы сущій демонъ. Сколько бъдныхъ женщинъ Вы погубили?

Донъ-Жуанъ.

Ни одной донынъ Изъ нихъ я не любилъ.

Дона-Анна.

И я повърю, Чтобъ Донъ-Жуанъ влюбился въ первый разъ, Чтобъ не искалъ во мнъ онъ жертвы новой!

Донъ-Жуанъ.

Когда-бъ я васъ обманывалъ, Признадся-ль я, сказалъ-бы я то имя,

Котораго не можете вы слышать? Гдъ-жъ видны тутъ обдуманность, коварство?

Дона-Анна.

Кто знаетъ васъ? Но какъ могли прійти Сюда вы, здёсь узнать могли-бы васъ— И ваша смерть была-бы неизбёжна.

Донъ-Жуанъ.

Что значитъ смерть? За сладкій мигъ свиданья Безропотпо отдамъ я жизнь.

Дона-Анна.

Но какъ-же Отсюда выйти вамъ, неосторожный?

Донъ-Жулнъ, (цёлуя ей руки).

И вы о жизни бъднаго Жуана Заботитесь! Такъ ненависти нътъ Въ душъ твоей небесной, Дона-Анна?

Дона-Анна.

Ахъ, если-бъ васъ могла я ненавидъть! Однако-жъ надобно разстаться намъ.

Донъ-Жуанъ.

Когда-жъ опять увидимся?

Дона-Анна.

Не знаю,

Когда-нибудь.

Донъ-Жуанъ.

А завтра?

Дона-Анна.

Глъ-же?

Донъ-Жуанъ.

Здъсь.

Дона-Анна.

О, Донъ-Жуанъ, какъ сердцемъ я слаба! Донъ-Жуанъ.

Въ залогъ прощанья мирный поцълуй....

Дона-Анна.

Поди, пора.

Донъ-Жуанъ.

Одинъ, хододный, мирный....

Дона-Анна.

Какой ты неотвязчивый! на, вотъ онъ.... (Стучать). Что тамъ за стукъ?... О, скройся, Донъ-Жуанъ!

Донъ-Жуднъ.

Прощай-же, до свиданья, другъ мой милый. (Уходить и вбъгаеть опять).

A!...

Дона-Анна.

Что съ тобой? А!...

(Входить статуя Командора, Дона-Анна падаетъ).

Статуя.

Я на зовъ явился.

Донъ-Жуанъ.

О, Боже! Дона-Анна!

Статуя.

Брось ее,

Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ?

Донъ-Жуанъ.

Я? нътъ!... Я звалъ тебя и радъ, что вижу.
Статуя.

Дай руку.

Донъ-Жуанъ.

Вотъ она.... О, тяжело Пожатье каменной его десницы! Оставь меня, пусти, пусти миъ руку!... Я гибну — кончено — о, Дона-Анна!...

(Проваливаются)

V. IIIP'S BO BPEMA TYMЫ.

(1830).

улица. Накрытый столъ. нъсколько пирующихъ мужчинъ и женщинъ.

Молодой человъкъ.

Почтенный председатель! Я напомню О чёловъкъ, очень намъ знакомомъ, О томъ, чым шутки, повъсти смъшныя, Отвъты острые и замъчанья, Столь такія въ ихъ важности забавной, Застольную беседу оживляли И разгоняли мракъ, который нынъ Зараза, гостья наша, насылаетъ На самые блестящіе умы. Тому два дня, нашъ общій хохотъ славиль Его разсказы; не возможно быть, Чтобъ мы въ своемъ веселомъ пированыи Забыли Джаксона! Его здёсь кресла Стоятъ пустыя, будто ожидая Весельчака; но онъ ушелъ уже Въ холодныя, подземныя жилища.... Хотя краснорычивыйшій языкъ Не умодкалъ еще во прахв гроба; Но много насъ еще живыхъ, и намъ Причины нътъ печалиться. И такъ Я предлагаю выпить въ его память

Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ, Какъ будто-бъ былъ онъ живъ.

Предсъдатель.

Онъ выбылъ первый Изъ круга нашего. Пускай въ модчаньи Мы выпьемъ въ честь его.

Молодой человъкъ.

Да будетъ такъ! (Всѣ ньютъ молча).

Предсъдатель.

Твой голосъ, милая, выводитъ звуки Родимыхъ Пъсень съ дикимъ совершенствомъ: Спой, Мери, намъ, уныло и протяжно, Чтобъ мы потомъ къ веселью обратились Безумнъе, какъ тотъ, кто отъ земли Былъ отлученъ какимъ нибудь видъньемъ.

М ЕРИ (пость)

Было время, процевтала
Въ миръ наша сторона:
Въ воскресеніе бывала
Церковь Божія полна;
Нашихъ дътокъ въ шумной школъ
Раздавались голоса,
И сверкали въ свътломъ полъ
Серпъ и быстрая коса.

Нынъ церковь опустъла; Школа глухо заперта; Нива праздно перезръла; Роща темная пуста; И селенье, какъ жилище

Погорълое, стоитъ; Тихо все — одно кладбище Не пустветъ, не молчитъ.

Поминутно мертвыхъ носятъ, И стенанія живыхъ Боязливо Бога просятъ Упокоить души ихъ! Поминутно мъста надо, И могилы межъ собой, Какъ испуганное стадо, Жмутся тъсной чередой.

Если ранняя могила Суждена моей веснё — Ты, кого я такъ любила, Чья любовь отрада мнё, — Я молю: не приближайся Къ тёлу Дженни ты своей; Устъ умершихъ не касайся: Слёдуй издали за ней.

И потомъ оставь селенье! Уходи куда-нибудь, Гдъ-бъ ты могъ души мученье Усладить и отдохнуть! И когда зараза минетъ, Посъти мой бъдный прахъ; А Эдмонда не покинетъ Дженни даже въ небесахъ!

Предсъдатель.

Благодаримъ, задумчивая Мери, Благодаримъ за жалобиую пъсню! Въ дни прежніе чума такан-жъ, впдно,

Холмы и долы наши посётила, И раздавались жалкія стенанья По берегамъ потоковъ и ручьевъ, Бъгущихъ нынъ весело и мирно Сквозь дикій рай твоей земли родной; И мрачный годъ, въ который пало столько Отважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жертвъ, Едва оставилъ память о себъ Въ какой-нибудь простой пастушьей пъснъ, Унылой и пріятной.... Нътъ, ни что Такъ не печалитъ насъ среди веселій, Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ.

Мери.

О, если-бъ никогда я не пъвала
Внъ хижины родителей своихъ!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себъ я, кажется, внимаю,
Поющей у родимаго порога.
Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
Былъ голосомъ невинности....

Луиза.

Не въ модъ
Теперь такія пъсни! Но все-жъ есть
Еще простыя души: рады таять
Отъ женскихъ слезъ, и слъпо върятъ имъ.
Она увърена, что взоръ слезливый
Ея неотразимъ; а если-бъ тоже
О смъхъ думала своемъ, то върно
Все-бъ улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ
Крикливыхъ съверныхъ красавицъ: вотъ
Она и разстоналась. Ненавижу
Волосъ Шотландскихъ этихъ желтизну.

Предсъдатель.

Послушайте: я слышу стукъ колесъ!

(Вдеть тельга, наполненная мертвыми тълами. Негръ управляеть ею).

Ага! Луизъ дурно; въ ней, я думалъ, По языку судя, мужское сердце. Но такъ-то: нъжнаго слабъй жестокой, И страхъ живетъ въ душъ, страстьми томимой! Брось, Мери, ей воды въ лице. Ей лучше.

Мери.

Сестра моей печали и позора, Прилягъ ма грудь мою.

Луиза (приходя въ чувство)

Ужасный демонъ

Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый.... Онъ звалъ меня въ свою телѣжку. Въ ней Лежали мертвые — и лепетали Ужасную, невѣдомую рѣчь.... Скажите мнѣ: во снѣ-ли, это было? Проѣхала-ль телѣга?

Молодой человъкъ.

Ну, Луиза,

Развеселись! Хоть улица вся наша—
Безмолвное убъжище отъ смерти,
Пріютъ пировъ ничъмъ невозмутимыхъ,
Но знаешь, эта черная телъта
Имъетъ право всюду разъъзжатъ—
Мы пропускать ее должны! Послушай,
Ты, Вальсингамъ: для пресъченья споровъ
И слъдствій женскихъ обмороковъ, спой
Намъ пъсню— вольную, живую пъсню,
Не грустію Шотландской вдохновенну,

А буйную, вакхическую пъснь, Рожденную за чашею кипящей!

Предсъдатель.

Такой не знаю; но спою вамъ гимнъ Я въ честь чумы: я написалъ его Ирошедщей ночью, какъ разстались мы. Мнъ странная нашла охота къ рифмамъ Впервые въ жизни! Слушайте-жъ меня: Охриплый голосъ мой приличенъ пъснъ.

Многів.

Гимнъ въ честь чумы! послушаемъ ero! Гимнъ въ честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

Предсъдатель (постъ)

Когда могущая зима, Какъ добрый вождь, ведетъ сама На насъ косматыя дружины Своихъ морозовъ и снъговъ, Навстръчу ей трещатъ камины. И веселъ зимній жаръ пировъ.

Царица грозная, Чума
Теперь идетъ на насъ сама,
И льстится жатвою богатой,
И къ намъ въ окошко день и ночь
Стучитъ могильною лопатой....
Что дълать намъ? и чъмъ помочь?

Какъ отъ проказницы зимы, Запремся также отъ Чумы! Зажжемъ огни, нальемъ бокалы, Утопимъ весело умы — И, заваривъ пиры да балы, Возславимъ царствіе Чумы!

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ,
Средь грозныхъ волнъ и бурной тмы.
И въ Аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи Чумы!

Все, все, что гибелью грозитъ, Для сердца смертнаго таитъ Неизъяснимы наслажденья— Безсмертья, можетъ быть, залогъ! И счастливъ тотъ, кто средь волненья Ихъ обрътать и въдать могъ.

Священникъ.

Безбожный пиръ, безбожные безумцы!
Вы пиршествомъ и пъснями разврата
Ругаетесь надъ мрачной тишиной,
Повсюду смертію распространенной!
Средь ужаса плачевныхъ похоронъ,
Средь блёдныхъ лицъ, молюсь я на кладбищъ,
А ваши ненавистные восторги
Смущаютъ тишину. гробовъ — и землю
Надъ мертвыми тълами потрясаютъ!
Когда-бы стариковъ и женъ моленья
Не освятили общей, смертной ямы,
Подумать могъ-бы я, что нынче бъсы

Погибшій духъ безбожника терзаютъ И въ тму кромъшную тащать со смъхомъ.

Нъсколько голосовъ.

Онъ мастерски объ адъ говоритъ; Ступай, старикъ! ступай своей дорогой!

Священникъ.

Я заклинаю васъ святою кровью Спасителя, распятаго за насъ: Прервите пиръ чудовищный, когда Желаете вы встрътить въ небесахъ Утраченныхъ возлюбленныя души. Ступайте по своимъ домамъ!

Предсъдатель.

Homá

У насъ печальны: юность любитъ радость.

Священникъ.

Ты-ль это, Вальсингамъ? Ты-ль самый тотъ, Кто три тому недёли, на колёняхъ, Трупъ матери, рыдая, обнималъ И съ воплемъ бился надъ ея могилой? Иль думаешь: она теперь не плачетъ, Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ, Взирая на пирующаго сына Въ пиру разврата; слыша голосъ твой, Поющій бъщеныя пъсни между Мольбы святой и тяжкихъ воздыханій? Ступай за мной!

Председатъль.

Зачъмъ приходишь ты Меня тревожить? Не могу, не долженъ

Я за тобой итти: я здёсь удержанъ Отчаяньемъ, воспоминаньемъ страшнымъ, Сознаньемъ беззаконья моего, И ужасомъ той мертвой пустоты, Которую въ моемъ дому встречаю, И новостью сихъ бёшеныхъ веселій, И благодатнымъ ядомъ этой чаши, И ласками (прости меня, Господь!) Погибшаго, но милаго созданья.... Тёнь матери не вызоветъ меня Отселё; поздно слышу голосъ твой, Меня зовущій; признаю усилья Меня спасти.... Старикъ! идп-же съ миромъ; Но проклять будь, кто за тобой пойдетъ!

M HOTIE.

Bravo, bravo, достойный предсъдатель! Вотъ проповъдь тебъ! пошелъ! пошелъ!

Священникъ.

Матильды чистый духъ тебя зоветъ!

ПРЕДСВДАТЕЛЬ (встаеть).

Клянись-же мив, съ поднятой въ небесамъ, Увядшей, блёдною рукой, оставить Въ гробу навёкъ умолкнувшее имя! О, если-бъ отъ очей ея безсмертныхъ Скрыть это зрёлище! Меня когда-то Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ—И знала рай въ объятіяхъ моихъ.... Гдё я?... Святое чадо свёта! вижу Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ Не досягнетъ уже....

Женскій голосъ.

Онъ сумасшедшій:

Онъ бредитъ о женъ похороненной!

Священникъ.

Пойдемъ, пойдемъ....

Председатель.

Отецъ мой, ради Бога,

Оставь меня!

Священникъ.

Спаси тебя Господь!

Прости, мой сынъ.

(Уходить. Пиръ продолжается. Предейдатель остается, погруженный въ глубокую задумчивость).

VI. PYCANKA.

(1832).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

БЕРБГЪ ДНЪПРА. - МЕЛЬНИЦА.

МЕЛЬНИКЪ и ДОЧЬ ЕГО.

Мельникъ.

Охъ, то-то всв вы, двви молодыя, Всв глупы вы! Ужъ если подвернулся Къ вамъ человъкъ завидный, непростой, Такъ должно вамъ его себъ упрочить, А чёмъ? Разумнымъ, честнымъ поведеньемъ, Заманивать то строгостью, то лаской; Порою исподволь, обинякомъ О свадьбъ заговаривать, а пуще Беречь свою дъвическую честь -Безцвиное сокровище; она --Что слово — разъ упустишь, не воротишь, А коли нътъ на свадьбу ужъ надежды, То все-таки, по-крайней-мъръ, можно Какой-нибудь барышъ себъ, иль пользу Роднымъ да выгадать; подумать надо: «Не въчно-жъ будеть онъ меня любить И баловать меня.» Да нътъ! куда Вамъ помышлять о добромъ дълъ! Кстати-ль? Вы тотчасъ одурвете: вы рады

Исполнить даромъ прихоти его,
Готовы цёлый день висёть на шеё
У милаго дружка; а милый другъ
Глядь — и пропаль, и слёдъ простыль; а вы
Осталися ни съ чёмъ.... Охъ, всё вы глупы!
Не говориль-ли я тебё сто разъ:
Эй, дочь, смотри, не будь такая дура,
Не прозёвай ты счастья своего,
Не упускай ты Князя, да спроста
Не погуби самой себя. Что-жъ вышло?
Сиди теперь, да вёчно плачь о томъ,
Чего ужъ не воротишь.

Дочь.

Почему-же Ты думаешь, что бросиль онъ меня?

Медьникъ.

Какъ почему? Да сколько разъ, бывало, Въ недълю онъ на мельницу ъзжалъ? А?... всякій Божій день, а иногда И дважды въ день, а тамъ все рѣже, рѣже Сталъ пріъзжать — и вотъ девятый день, Какъ не видали мы его. Что скажешь?

Дочь.

Онъ занятъ; мало-ль у него заботы? Въдь онъ не мельникъ: за него не станетъ Вода работать! Часто онъ твердитъ, Что всъхъ трудовъ его труды тяжелъ.

Мельникъ.

Да, върь ему! Когда Князья трудятся? И что ихъ трудъ? Травить лисицъ и зайцевъ,

Да пировать, да обирать сосёдей,
Да подговаривать васъ, бёдныхъ дуръ.
Онъ самъ роботаетъ — куда какъ жалко!
А за меня вода! .. А мнё покою
Ни днемъ, ни ночью нётъ; а тамъ посмотришь:
То здёсь, то тамъ нужна еще починка,
Гдё гниль, гдё течь. Вотъ если-бъ ты у Князя
Умёла выпросить на перестройку
Хоть нёсколько деньжонокъ, было-бъ лучше.

Дочь.

Axъ!

Мельникъ.

Что такое?

Дочь.

Чу! Я слышу топотъ

Его коня.... Онъ! онъ!

Мельникъ.

Смотри-же, дочь,

Не забывай моихъ совттовъ, помни....

Дочь.

Вотъ онъ, вотъ онъ!

(Входитъ Князь. Конютій уводить его коня).

Князь.

Здорово, милый другь!

Здорово, мельникъ.

Мельникъ.

. Милостивый Князь,

Добро пожеловать! Давно, давно Твоихъ очей мы свътлыхъ не видали. Пойду тебъ готовить угощенье.

(Уходять)

Дочь.

Ахъ, наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ! Не стыдно-ли тебѣ такъ долго мучить Меня пустымъ, жестокимъ ожиданьемъ? Чего мнѣ въ голову не приходило? Какимъ себя я страхомъ не пугала? То думала, что конь тебя занесъ Въ болото или пропасть; что медвѣдь Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ; Что боленъ ты; что разлюбилъ меня.... Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ И любишь все по прежнему меня, Не правда-ли?

Князь.

По прежнему, мой ангелъ, Нътъ, больше прежняго.

Она.

Однако ты

Печаленъ; что съ тобою?

Киязь.

Я печаленъ? Тебъ такъ показалось. Нътъ, я веселъ Всегда, когда тебя лишь вижу.

Она.

Нѣтъ,

Когда ты весель, издали ко мив Спвшишь и кличешь: гдв моя голубка? Что двлаеть она? А тамъ цвлуешь И вопрошаешь: рада-ль я тебв И ожидала-ли тебя такъ рано?...

А нынче — слушаешь меня ты молча, Не обнимаешь, не цёлуешь въ очи. Ты чёмъ-нпбудь встревоженъ вёрно? Чёмъ-же? Ужъ не сердитъ-ли на меня?

Князь.

Я не хочу притворствовать напрасно, Ты права: въ сердцъ я ношу печаль Тяжелую; и ты ее не можеть Ни ласками любовными разсъять, Ни облегчить, ни даже раздълить.

Она.

Но больно мив съ тобою не грустить Одною грустью. Тайну мив повъдай. Позволишь — буду плакать, не позволишь — Ни слезкой и тебъ не досажу.

Киязь.

Зачёмъ мнё медлить? Чёмъ скорёй, тёмъ лучше. Мой милый другъ, ты знаешь, нётъ на свётё Блаженства прочнаго: ни знатный родъ, Ни красота, ни сила, ни богатство, Ничто бёды не можетъ миновать.

И мы — не правда-ли, моя голубка? — Мы были счастливы! По-крайней-мёрё Я счастливъ былъ тобой, твоей любовью; И что впередъ со мною ни случится, Гдё-бъ ни былъ я, всегда я буду помнить Тебя, мой другъ; того, что я теряю, Ни что на свётъ мнё не замёнить!

Она.

Я словъ твоихъ еще не понимаю, Но ужъ миъ страшно. Намъ судьба грозитъ,

Готовитъ намъ невъдомое горе — Разлуку, можетъ быть....

К нязь.

Ты угадала:

Разлука намъ судьбою суждена.

Она.

Кто насъ разлучитъ? Развъ за тобою Идти во слъдъ я всюду невластна? Я мальчикомъ одънусь; върно буду Тебъ служить дорогою, въ походъ Иль на войнъ; войны я не боюсь, Лишь видъла-бъ тебя. Нътъ, нътъ, не върю! Иль вывъдать мои ты мысли хочешь, Или со мной пустую шутку шутишь....

К нязь.

Нътъ, шутки мит на умъ нейдутъ сегодня, Вывъдывать тебя не нужно мит; Не снаряжаюсь я ни въ дальній путь, Ни на войну; я дома остаюсь, Но долженъ я съ тобой навъкъ проститься.

Она.

Постой, теперь я понимаю все: Ты женишься? (Князь молчить). Ты женишься?

Кинзь.

Что дълать

Сама ты разсуди. Князья не вольны Какъ дъвицы: не по сердцу они Себъ подругъ берутъ, а по разсчетамъ Иныхъ людей, для выгоды чужой....

Твою печаль утёшить Богь и время! Не забывай меня! Возьми на память Повязку — дай тебё я самъ надёну. Еще привезъ съ собою ожерелье — Возьми его. Да вотъ еще: отцу Я это посудилъ — отдай ему.

(Даеть ей въ руки мѣщокъ съ золотомъ).

Прощай!

OHA.

Постой, тебъ сказать должна я— Не помню что.

Князь.

Припомни.

Она.

Для тебя

Я все готова.... Нётъ не то.... Постой.... Нельзя, чтобы навъки, въ самомъ дълъ, Меня ты могъ покинуть.... Все не то.... Да, вспомнила: сегодня у меня Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.

К нязь.

Несчастная! Какъ быть? Хоть для него Побереги себя! Я не оставлю Ни твоего ребенка, ни тебя. Со временемъ, быть можетъ, самъ пріъду Васъ навъстить. Утъшься, не крушися. Дай обниму тебя въ послъдній разъ. (Уходя). Ухъ, кончено! Душъ какъ-будто легче. Я бурю ждалъ, но дъло обошлось Довольно тихо.

(Уходитъ. Она остается неподвижною).

Мельникъ (входить).

Не угодно-ль будетъ
Пожаловать на мель.... Да гдъ-же онъ?
Скажи, гдъ Князь нашъ? Ба, ба, ба! Какая
Повязка! Вся въ каменьяхъ дорогихъ!
Такъ и горитъ! И бусы!... Ну, скажу,
Подарокъ царскій. Ахъ, онъ благодътель!...
А это что? мъшечекъ! Ужъ не деньги-ль?...
Да что-же ты стоишь, не отвъчаешь,
Не вымолвишь словечка? Али ты
Отъ радости нежданой одуръла,
Иль на тебя столбнякъ нашелъ?

Дочь.

Не върю,

Не можетъ быть. Я такъ его любила.... Или онъ звърь? Иль сердце у него Косматое?

Мельникъ.

О комъ ты говоришь?

Дочь.

Скажи, родимый: какъ могла его Я прогиввить? Въ одну недълю развъ Моя краса пропала? Иль его Отравой опопли?

Мельникъ.

Что съ тобою?

Дочь.

Родимый, онъ ужхалъ! Вотъ онъ скачетъ! И я, безумная, его пустила!

Я за полы его не уцёпплась! Я не повисла на уздё коня! Пускай-же-бъ онъ съ досады отрубилъ Мнё руки по локоть; пускай-бы тутъ-же Онъ растопталъ меня своимъ конемъ!

Мельникъ.

Что съ нею?

Дочь.

Видишь-ли — Князья не вольны Какъ дъвицы: не по сердцу они Берутъ жену себъ.... А вольно имъ, Небось, подманивать, божиться, плакать И говорить: «тебя я повезу Въ мой свътлый теремъ, въ тайную свътлицу, И наряжу въ парчу и въ бархатъ алый!» Имъ вольно бъдныхъ дъвушекъ учить Съ полуночи на свистъ ихъ подыматься, И до зари за мельницей сидъть! Имъ любо сердце Княжеское тъшить Бъдами нашими! А тамъ прощай: Ступай, голубушка, куда захочешь; Люби, кого замыслишь!...

Мельникъ.

Вотъ въ чемъ дъло!...

-Дочь.

Да кто-же, кто невъста? На кого Онъ промънялъ меня? О, я узнаю! Я доберусь; я ей скажу, злодъйкъ: «Отстань отъ насъ! ты видишь:, двъ волчихи Не водятся въ одномъ оврагъ....»

Мельникъ.

Дура!

Ужъ если Князь беретъ себѣ невѣсту, Кто можетъ помѣшать ему? Вотъ то-то! Не говорилъ-ли я тебѣ....

Дочь.

И могъ онъ,
Какъ добрый человъкъ, со мной прощаться,
И мнъ давать подарки! Каково?
И деньги! Выкупить себя онъ думалъ?
Онъ мнъ хотълъ языкъ засеребрить,
Чтобъ не прошла о немъ худая слава
И не дошла до молодой жены!...
Да, бишь, забыла я: тебъ отдать
Велълъ онъ это серебро за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго.... Въ прокъ тебъ пойдетъ
Моя погибель!

(Отдаетъ ему мъщокъ)

Мельникъ (въ слезахъ).

До чего я дожилъ! Что Богъ привелъ услышать! Гръхъ тебъ Такъ горько упрекать отца роднаго. Одно дитя ты у меня на свътъ, Одна отрада въ старости моей: Какъ было мнъ тебя не баловать? Богъ наказалъ меня за то, что слабо Я выполнилъ отцовскій долгъ.

Дочь.

Охъ, душно!

Холодная змёя мнё шею давитъ....

Змъсю подколодной онъ меня— Не жемчугомъ опуталъ.... (Рветь съ себя жемчугь). Такъ-бы я

Разорвала тебя, змъю-злодъйку, Проклятую разлучницу мою!

Мельникъ.

Ты бредишь, право бредишь.

Дочь (снимаеть съ себя повязку).

Вотъ вѣнецъ мой, Вѣнецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ Лукавый врагъ, когда я отреклася Ото всего, чѣмъ прежде дорожила! Мы развѣнчались. Сгинь ты, мой вѣнецъ! (Бросаетъ повязку въ Днѣпръ).

Теперь все кончено!...

(Бросается въ рѣку).

Старикъ (падая).

Охъ, горе, горе!

27 апръля 1832 года.

СЦЕНА ВТОРАЯ

княжескій теремъ.

СВАДЬБА, МОЛОДЫЕ СИДЯТЬ ЗА СТОЛОМЪ. ГОСТИ. ХОРЪ ДЪВУШЕКЪ.

Сватъ.

Веселую мы свадебку сыграли. Ну, здравствуй, Князь съ Княгиней молодой! Дай Богъ вамъ жить въ любови да совътъ,

А намъ у васъ почаще пировать. Что-жъ, красныя дъвицы, вы примолкли? Что-жъ, бълыя лебедушки, притихли? Али всъ пъсеньки вы перепъли? Аль горышки отъ пънья пересохли?

Хоръ.

Сватушка, сватушка,
Безтолковый сватушка!
По невъсту ъхали —
Въ огородъ заъхали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Тыну поклонилися,
Верев молилися:
Верея-ль, вереюшка,
Укажи дороженьку
По невъсту ъхати.
Сватушка, догадайся,
За мошоночку принимайся:
Въ мошнъ денежка шевелится,
Краснымъ дъвушкамъ норовится.

Сватъ.

Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню! На, на, возьмите, не корите свата.

(Даритъ дъпушекъ).

Одинъ голосъ.

По камушкамъ, по желтому песочку Пробъгала быстрая ръчка; Въ быстрой ръчкъ гуляютъ двъ рыбки, Двъ рыбки, двъ малыя платицы. А слыхала-ль ты, рыбка-сестрица,

Про въсти-то наши, про ръчныя? Какъ вечоръ у насъ красна дъвица утопилась, Утопая, милова друга проклинала?

Сватъ.

Красавицы! да это что за пъсня? Она, кажись, не свадебная, нътъ. Кто выбралъ эту пъсню, а?

Дъвушки.

Не я.

Не я, не мы....

Сватъ.

Да кто-же пропълъ ее? (Шепотъ и смятение между дъвушками).

К нязь.

Я знаю кто.

(Встаетъ изъ-за стола и говоритъ тихо конюшему).

Въдь мельничиха здъсь:

Скор ве выведи ее. Да свъдай, Кто смълъ ее впустить?

(Конюшій подходить къ дъвушкамъ)

Киязь (про себя).

Она, пожалуй,

Готова здёсь надёлать столько шуму, Что со стыда не буду знать, куда И спрятаться!

Конюшій.

Я не нашелъ ее.

К нязь.

Ищи. Она, я знаю, здёсь. Она Пропёла эту пёсню.

Гость.

Ай-да медъ!

И въ голову и въ ноги такъ и бьетъ. Жаль, горекъ: подсластить его-бъ не худо....

(Молодые цёлуются, Слышенъ слабый крикъ).

Князь.

Она! Вотъ крикъ ея ревнивый! Что?

Конюшій.

Я не нашелъ ее нигдъ.

К нязь.

Дуракъ.

Дружко (вставая).

Не время-ль намъ Княгиню выдать мужу, Да молодыхъ въ дверяхъ осыпать хмълемъ?

(Всв встають)

CBAXA.

Въстимо, время. Дайте-жъ пътуха.

(Молодыхъ кормятъ жаренымъ пътухомъ, ссыпаютъ хмълемъ и ведутъ въ сцальню).

CBAXA.

Княгиня-душенька, не плачь, не бойся, Послушна будь.

> (Молодые уходять въ спальню. Всё расходятся, кроне свахи и дружка).

Дружко.

Гдъ чарочка? Всю ночь Подъ окнами я буду разъъзжать, Такъ укръпиться мнъ виномъ не худо.

 ${f C}$ в ${f A}$ ж ${f A}$, (наливаеть ему чарку).

На, кушай, на здоровье.

Дружко.

Ухъ, спасибо!

Все хорошо, не правда-ль, обощлось? И свадьба хоть куда?

CBAXA.

Да, слава Богу,

Все хорошо: одно нехорошо....

Дружко.

A uto?

CBAXA.

Да не къ добру пропъли пъсню Не свадебную, а Богъ въсть какую.

Дружко.

Ужъ эти дъвушки! никакъ недьзя имъ Не попроказить. Статочно-ли дъло Мутить нарочно Княжескую свадьбу!

сцена третья.

СВБТЛИЦА.

княгиня и мамка.

Княгиня.

Чу! кажется, трубятъ. Нътъ, онъ не вдетъ. Ахъ, мамушка! какъ былъ онъ женихомъ, Онъ отъ меня на шагъ не отлучался, Съ меня очей, бывало, не сводилъ: Женился онъ — и все пошло не такъ! Теперь меня ранехонько разбудитъ, И ужъ велитъ себъ коня съдлать, Да до ночи, Богъ въдаетъ, гдъ ъздитъ. Воритится — чуть ласковое слово Промолвитъ мнъ, чуть ласковой рукой По бълому лицу меня потреплетъ.

Mamra.

Княгинюшка! мужчина, что пътухъ:
Кури-куку! махъ, махъ крыломъ — прочь!
А женщина — что бъдная насъдка:
Сиди себъ да выводи цыплятъ.
Пока женихъ — ужъ онъ не насидится,
Ни пьетъ, ни ъстъ, глядитъ, не наглядится;
Женился — и заботы настаютъ:
То надобно сосъдей навъстить,
То на охоту ъхать съ соколами,
То на войну нелегкая несетъ,
Туда, сюда — а дома не сидится.

Княгиня.

Какъ думаешь? Ужъ нътъ-ли у него Зазнобы тайной?

MAMRA.

Полно, не грвши. Да на кого тебя онъ промвняетъ? Ты всвиъ взяла: умомъ, красою ненаглядной, Обычаемъ и разумомъ. Подумай, Родимая: ну, въ комъ ему найти, Какъ не въ тебъ, сокровище такое?

Княгиня.

Когда-бъ услышалъ Богъ мои молитвы И мнё послаль дётей, къ себё тогда-бъ Умёла вновь я мужа привязать.... А! полонъ дворъ охотниками. Мужъ Домой пріёхалъ. Что-жъ его не видно?

(Входить Ловчій).

Что Князь, гдв онъ?

Ловчій.

Князь приказалъ домой

Отъвхать намъ.

Княгиня.

А гдъ-жъ онъ самъ?

Ловчій.

Остался

Одинъ въ лъсу на берегу Дивпра.

К нягиня.

И Князя вы осмълились оставить Тамъ одного? Усердные вы слуги!

Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите Сказать ему, что я прислада васъ! (Ловчій уходить).

Ахъ, Боже мой! въ лъсу ночной порою И дикій звърь, и лютый человъкъ, И лъшій бродитъ — долго-ль до бъды! Скоръй зажги свъчу передъ иконой.

MAMRA.

Бъту, мой свътъ, бъту.

CHEHA YETBEPTAS.

дивпръ. ночь.

Русалки.

Веселой толпою, Съ глубокаго дна, Мы ночью всплываемъ; Насъ гръетъ луна!...

Любо намъ порой ночною Дно ръчное покидать, Любо вольной головою Высь ръчную разръзать, Подавать другъ дружит голосъ, Воздухъ звонкій раздражать, И зеленый влажный волосъ Въ немъ сушить и отряхать.

Одна.

Тише! птичка подъ кустами Встрепенулася во мглъ.

Другая.

Между мъсяцемъ и нами Кто-то ходитъ по землъ.

(Прячутся).

Князь.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ Меня влечетъ невъдомая сила....
Знакомыя, печальныя мъста!
Я узнаю окрестные предметы:
Вотъ мельница.... Она ужъ развалилась;
Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ;
Сталъ жорновъ: видно, умеръ и старикъ!
Дочь бъдную оплакивалъ онъ долго!
Тро пинка тутъ вилась — она заглохла....
Давно, давно сюда никто не ходитъ.
Тутъ садикъ былъ съ заборомъ — неужели
Разросся онъ кудрявой этой рощей?
Ахъ, вотъ и дубъ завътный! Здъсь она
Обнявъ меня, поникла и умолкла....
Возможно-ли?...

(Идеть въ дверямъ; листья сыплются).

Что это значитъ? листья, Поблекнувъ, вдругъ свернулися, и съ шумомъ, Какъ дождь, посыпалися на меня! Передо мной стоитъ онъ голъ и черенъ, Какъ дерево проклятое.

> (Входить старикь въ лохмотьяхъ и полунагой).

Старикъ.

Здорово,

Здорово, зять!

К нязь.

Кло ты?

Старикъ.

Я здъшній воронъ.

Киязь.

Возможно-ль? это мельникъ!

Старикъ.

Что за мельникъ!

Я продаль мельницу бъсамъ запечнымъ, А денежки отдаль на сохраненье Русалкъ, въщей дочери моей; Онъ въ песку Днъпра-ръки зарыты, Ихъ рыбка одноглазка сторожитъ.

Киязь.

Несчастный, онъ помѣшанъ! Мысли въ немъ-Разсѣяны, какъ тучи послѣ бури.

Старикъ.

Зачёмъ вечоръ ты не пріёхаль къ намъ? У насъ быль пиръ, тебя мы долго ждали.

Князь.

Кто ждалъ меня?

Старикъ.

Кто ждаль? Вёстимо, дочь, Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы И волю вамъ даю: сиди она Съ тобою хоть всю ночь, до пётуховъ — Ни слова не скажу я.

Князь.

Бъдный мельникъ!

Старикъ.

Какой я мельникъ! Говорятъ тебъ, Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:

Когда (ты помнишь?) бросилась она Въ ръку, я побъжалъ за нею слъдомъ, И съ той скалы прыгнуть хотълъ, да вдругъ Почувствовалъ: два сильныя крыла Мнъ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ И въ воздухъ сдержали. Съ той поры То здъсь, то тамъ летаю, то клюю Корову мертвую, то на могилъ Сижу да каркаю.

Киязь.

Какая жалость!

Кто-жъ за тобою смотритъ!

Старикъ.

Да, за мною

Присматривать нехудо: старъ я сталъ И шаловливъ. За мной, спасибо, смотритъ Русалочка.

Князь.

Кто?

Старикъ.

Внучка.

Киязь.

Невозможно

Понять его! Старикъ, ты здѣсь въ лѣсу Иль съ голоду умрешь, иль звѣрь тебя Заѣстъ. Не хочешь-ли пойти въ мой теремъ, Со мною жить?

С.тарикъ.

Въ твой теремъ? Нътъ, спасибо! Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,

Удавишь ожерельемъ. Здёсь я живъ, И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ. (Уходитъ).

Киязь.

И этому все я виною! Страшно
Ума лишиться! Легче умереть:
На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
Творимъ о немъ молитвы: смерть равняетъ
Съ нимъ каждаго. Но человъкъ, лишенный
Ума, становится не человъкомъ:
Напрасно ръчь ему дана — не правитъ
Словами онъ; въ немъ брата своего
Звърь узнаетъ; онъ людямъ въ посмъянье;
Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судитъ....
Старикъ несчастный! Видъ его во миъ
Раскаянья всъ муки растравилъ.

Ловчій.

Вотъ онъ. На силу-то его сыскали.

К нязь.

Зачвиъ вы здвсь?

Ловчій.

Княгиня насъ послада; Она боялась за тебя.

К нязь.

Несносна

Ея заботливость! Иль я ребенокъ, Что шагу мит ступить нельзя безъ няньки? (Уходить. Русанки показываются надъ водой).

Русалки.

Что, сестрицы: въ полъ чистомъ Не догнать-ли ихъ скоръй?

Плескомъ, хохотомъ и свистомъ Не пугнуть-ли ихъ коней? Поздно. Волны охладъли, Пътухи въ дали пропъли, Высь небесная темна, Закатилася луна.

Одна.

Подождемъ еще, сестрица,

Другая.

Нътъ, пора, пора, пора! Ожидаетъ насъ царица, Наша строгая сестра.

(Скрываются).

СПЕНА ПЯТАЯ.

дивпровское дно.

ТЕРЕМЪ РУСАЛОКЪ. РУСАЛКИ ПРЯДУТЪ ОКОЛО СВОЕЙ ПАРИЦЫ.

Старшая русалка.

Оставьте пряжу, сестры. Солице свло, Столбомъ луна блеститъ надъ нами. Полно! Плывите вверхъ подъ небомъ поиграть, Да никого не трогайте сегодня: Ни пъшехода щекотать не смъйте, Ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчать Травой и тиной, ни ребенка въ воду Заманивать разсказами о рыбкахъ.

(Входить Русалочка).

Гав ты была?

Дочь.

На землю выходила
Я къ дъду. Онъ вечоръ меня просилъ
Со дна ръки собрать ему тъ деньги,
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ. Я долго ихъ искала;
А что такое деньги, я не знаю.
Однако-же вынесла ему
Пригоршню раковинокъ самоцвътныхъ:
Онъ очень былъ имъ радъ.

Русалка.

Безумный скряга! Послушай, дочка: нынче на тебя Надъюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня Прійдетъ мужчина. Стереги его И выдь ему на встръчу. Онъ намъ близокъ— Онъ твой отецъ.

Дочь.

Тотъ самый, что тебя Покинулъ и на женщинъ женился?

Русалка.

Онъ самъ. Къ нему нѣжнѣе приласкайся И разсажи все то, что отъ меня Ты знаешь про свое рожденье, также И про меня. И если спроситъ онъ: Забыла-ль я его иль нѣтъ— скажи, что все его я помню и люблю, И жду къ себъ. Ты поняла меня?

Дочь.

О! поняла.

Русалка.

Ступай-же. (Одна). Съ той поры, Какъ бросилась безъ памяти я въ воду Отчаянной и презрънной дъвчонкой, И въ глубинъ Днъпра-ръки очнулась Русалкою холодной и могучей, Я каждый день о мщеньи помышляю — И нынъ, кажется, мой часъ насталъ.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

БЕРЕГЪ.

Киязь.

Невольно въ этимъ грустнымъ берегамъ Меня влечетъ невъдомая сила!...
Все здъсь напоминаетъ мнъ былое И вольной, красной юности моей Любимую, коть горестную повъсть. Здъсь нъкогда меня встръчала Свободнаго свободная любовь. Я счастливъ былъ. Безумецъ!... И я могъ Такъ вътрено отъ счастья отказаться!... Печальныя, печальныя мечты Вчеращняя мнъ встръча оживила. Отецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ! Авось опять его сегодня встръчу, И согласится онъ оставить лъсъ И къ намъ переселиться ...

(Русалочка выходеть на берегь). Что я вижу!

Откуда ты прелестное дитя?

ПРИМЪЧАНІЯ

въ тому III сочиненій А. С. Пушкина.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ, 1823—1831 г.

Евгеній Оньгинь, романь вы стихахы. Сочиненіе Александра Пушкина. Спб. Вы тип. Деп. Нар. Просв. 1825, вы 12 д. л. XXIV и 60 стр.

Посвящено брату поэта, Льву Сергвевичу. Предисловіе:

- «Вотъ начало большаго стихотворенія, которое, вѣроятно, не будеть окончено.
- «Нѣсколько пѣсень, пли главъ Евгенія Онѣтена уже готовы. Писанныя подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, онѣ носять на себѣ отпечатокъ веселости, ознаменовавшей первыя произведенія автора Руслана и Людмилы.
- Первая глава представляетъ нѣчто цѣлое. Она въ себѣ заключаетъ описаніе свѣтской жизни Петербургскаго молодаго человѣка въ концѣ 1819 г. и напоминаетъ Беппо, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона.
- «Дальновидные критики замётять, конечно, недостатокь плана. Вслеій волень судить о плане цемаго романа, прочитавь первую главу онаго. Стануть осуждать и антипоэтическій характерь главнаго лица, сбивающагося на Кавказскаго Пленника, также некоторыя строфы, писанным въ утомительномъ роде новейшихъ элегій, съ коихъ чувство унынія поллотило всю прочія. Но да будетнамъ позволено обратить винманіе читателей на достоинства, редкія въ сатирическомъ писателеї: отсутствіе оскоронтельной личности и наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаній нравовъ.

Посаф этого предисловія напечатань Разговорь кингопродавца св поэтоми (сгр. XI—XXII), впосафдетвін вошедшій въ книжку Сгихотвореній.

1

Въ этомъ изданіи есть нѣсколько примѣчаній, невошедшихъ вто послѣдующія. Они всф перепечатаны въ примѣчаніяхъ изданія 1835, IV, 223—225, гдѣ обозначены также варіанты въ изданіяхъ первомъ и 4833 года. Здѣсь передаемъ эти пропущенныя примѣчанія.

1-е. Примъчаніе о Назонъ, слъдующее къ VIII строфъ (стр 9), къ послъднему стиху ея: «Вдали Италіи своей....»:

«Мивніе, будто-бы Овидій быль сослань въ нынвшній Акерманъ, ни на чемь не основано. Въ своихъ элегіяхъ Ех ропто онь ясно пазначаетъ мёстомъ пребыванія городъ Томы при самомъ усть Дуная. Столь-же несправедливо и мивніе Вольтера, полагающаго причиной его изгнанія тайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лётъ, а развратная Юлія, десять лётъ тому прежде, была сама изгнана своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ ни что иное какъ догадки. Поэтъ сдержаль свое слово и тайна его съ нимъ умерла:

Alterius facti culpa silenda mihi.

Прим. соч. .

2-е. Примъчаніе объ Академическомъ словаръ, относящееся къ ковцу XXVI строфы (стр. 18):

«Нельзя не пожальть, что наши писатели слишкомъ редко справлиются съ Словаремъ Россійской Академіи. Онъ останется вечнымъ памятникомъ попечительной воли Екатерины и просвещеннаго труда наследниковъ Ломоносова, строгихъ и верныхъ опекуновъ языка отечественнаго. Вотъ что говоритъ Карамзинъ въ своей речи:»

За этимъ слѣдуетъ выписка изъ похвальной рѣчи Императрицѣ Екатеринѣ II, Карамзина.

3-е. Примъчание о родоначальникъ Аннибаловыхъ, относящееся къ строфъ L., къ стихамъ:

И средь полуденныхъ зыбей. Подъ небомъ Африки моей, Вздыхать о сумрачной Россіи.... (стр. 30)

«Авторъ, со стороны матери, происхожденія африканскаго. Е о прадъдъ Абрамъ Петровичъ Аннибалъ, на 8-мъ году своего возраста былъ похищенъ съ береговъ Африки и привезенъ въ Константинополь. Россійскій посланникъ, выручивъ его, послалъ въ подарокъ Петру Великому, который крестилъ его въ Вильнъ. Вслъдъ за нимъ братъ его прійзжалъ сперва въ Копстантинополь, а потомъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ, но Петръ I не согласился возвратить своего крестника. До глубокой старости Аннибалъ помнилъ еще Африку роскошную жизнь отца, 19-ть братьевъ,

изъ коихъ онъ былъ меньшой; помнилъ, какъ ихъ водили къ отцу, съ руками, связанными за спину, между-тъмъ какъ онъ одинъ былъ спободенъ, и плавалъ подъ фонтанами отеческаго дома; помнилъ также любимую сестру свою Ааганъ, плывшую издали за кораблемъ, на которомъ онъ удалялся.

«18-тп лёть отъ роду, Аннибаль послань быль Царемь во Францію, гдё и началь свою службу въ арміи Регента: онъ возвратился въ Россію съ разрубленной головой и съ чиномъ французскаго Лейтенанта. Съ тёхъ поръ находился онъ неотлучно при особё Императора. Въ царствованіе Анны, Аннибаль, личный врагь Биропа, послань быль въ Сибирь подъ благовиднымъ предлогомъ. Наскуча безлюдствомъ и жестокостью климата, онъ самовольно возвратился въ Петербургъ и явелся къ своему другу Миниху. Минихъ пзумился и совётоваль ему скрыться немедленно. Аннибаль удалился въ свои помёстья, гдё и жилъ во все время царствованія Анны, считаясь въ службё и въ Сибири. Елизавета, вступивъ на престоль, осыпала его своими милостями. А. П. Аннебаль умеръ уже въ царствованіе Екатерины, уволенный отъ важныхъ занятій службы съ чиномъ Генераль-Аншефа, на /92 г. отъ рожденія ").

«Въ Россіи, гдѣ память замѣчательныхъ людей скоро исчезаеть, по причинѣ недостатка историческихъ записокъ,—сгранная жизнь Аннибала извѣстна только по семейственнымъ преданіямъ.

•Сынъ его, Генералъ-Лейтенантъ И. А. Анинбалъ, принадлежитъ безспорно къ числу отличнъйшихъ людей Екатерининскаго въка. (Ум. 1800 года).»

Глава вторая. М. 1826, въ 12 д. л. 42 стр.

Глава третья. Спб. 1827, въ 12 д. л. 51 стр. Съ слёдующимъ вступленіемъ:

«Первая глава Евгенія Онѣгина, написанная въ 1823 г. появилась въ 25-мъ. Сдустя два года, издана вторая. Эта медленность произошла отъ постороннихъ обстоятельствъ. Отнынѣ изданіе будеть слѣдовать въ безпрерывномъ порядкѣ: одна глава тотчасъ за другою.»

Глава четвертая и пятая. Спб. 1828, бъ 12 д. л. 92 и 2 стр. Съ посвящениемъ Е. А. Плетневу, помъченнымъ: 29 Декабря 1828 года.

Глава шестая. Спб. 1828, въ 12 д. л. 48 стр. Глава седъмая. Спб. 1830, въ 12 д. л. 57 стр.

[•] Мы со временемъ надъемся издать полную его біографію.

Глава осьмая. Сиб. 1832, въ 12 д. л 51 стр. Съ слъдующимъ предисловіемъ:

«Пропущенные строфы подавали неоднократио поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ весьма справедливимъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ нзъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Опѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную главу точками или цифромъ; но во избѣжаніе соблазна рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой надъ послѣднею главой Евгенія Онѣгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

«Пора: перо нокол проситъ», и проч.

2-е изданіе. Евгеній Опъгинь, романь въ стихахь, сочиненіе Александра Пушкина Спб. Въ тип. А. Смирдина. 1833, въ 8 д. л. 287 стр.

Здѣсь выпущено вступленіе перваго изданія, «Разговоръ кипгопродавца съ поэгомъ», примѣчанія перваго изданія, приведенныя выше, далѣе слѣдующія строфы: въ четвертой главѣ: строфа XXXVI въ нятой главѣ строфа XXXIII и XXXVIII, въ шестой главѣ послѣдняя строфа, XLVII, перенесена въ примѣчанія; прибавлены къ осьмой главѣ (въ которой быль пропускъ)—Отрыеки изъ путешествія Опоъчна.—Въ такомъ видѣ романъ перешелъ въ послѣдующія изданія, а въ изданіи 1855 присоединены нѣкоторые отрывки изъ рукописей.

5-е изданіе, А. Смирдина. Спб. 1837, въ 32 д л. 310 стр.

Въ прибавленіяхъ къ Опѣгину въ посмертномъ изданіи (т. ІХ) кромѣ новыхь строфъ, которыя были помѣщены въ Современникѣ 1838, т. ХІ и ХІІ, (№ 3 и 4) и въ Моск. Вѣстникѣ 1837, № 20. помѣщенъ еще Альбомъ Опогина увеличенный П. В. Анненковычъ въ его Матеріалахъ (стр. 335). Прибавленія эги сообщены здѣсь ниже, вмѣстѣ съ другими.

Отрывки изъ Евгенія Опфгина были пом'єщены въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, пленно: въ Сфв. Цвѣтахъ 1825 и 1826, (изъ второй главы); въ Моск. Вѣстникъ, ч. V, (1827, № 20) и ч. VII, (1828, № 1 и 2)—изъ четвертой, седьмой и осьмой главъ; въ Литературной Газетѣ 1830, № 1, (изъ осьмой главы) и въ Сѣверной Пчелѣ.

Следующе отрывки, не напечатанные Пушкппымъ, были впервые lib.pushkinskiidom.ru

сообщены П В. Анненковымъ въ его Матеріалахъ стр. 40, 43, 73, 223, 323—348.

Изъ первой главы:

И рыщеть близь безпечныхь псовъ, Вокругь неопытнаго стада.

XIV.

Насъ пыль сердечный рано мучить, Какъ говорить Шатобріань. Не женщини любви насъ учать, А первый пакостный романь. Мы алчны жизнь узнать зарань, И узнаемъ ее въ романь:

Уйдетъ горячность молодзя, Льта пройдуть, а между-тыхь, Прелестный опыть упреждая,

По всей Европ'в въ наше время, Между воспитанныхъ людей, Не очитается за бремя Отділка н'вжная ногтей; И нынче воинъ, и придворный, И журналистъ задорный. Поэтъ и сладкій дипломатъ Готовы . . . . *)

Не наслаждались мы ничёмъ.

^{*)} Замънено въ послъдствии въ XXV строей стихани: «Быть можно дъльнымъ человъкомъ» и пр. (стр. 15).

Носиль онь русскую рубашку, Платовь шелковый кушакомь. Армякь татарскій нараспашку. И шапку съ бёлымь козырькомь; — Но только симь уборомь чуднымь, Безнравственнымь и безразсуднымь, Была весьма огорчена Его сосёдка Дурина, А съ ней Мизинчиковь. Евгеній, Быть можеть, толки презираль, Быть можеть, и про нихь не зналь; Но всёхъ своихъ обыкновеній Не изиёняль въ угоду имь: За то быль ближнимь нестеринмь.

Мий было грустно, тяжко, больно....
Но одоливь мой умъ въ борьбю,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбю;
Я сталъ взирать его очами:
Съ его печальными ричами
Мои слова звучали въ ладъ....

Изъ второй главы выкинутый отрывокъ въ первыхъ строфахъ:

Въ началѣ жизни мною правилъ Прелестный, хитрый, слабый полъ; Тогда въ законъ себѣ я ставилъ Его единый произволъ Душа лишь только разгоралась, И сердцу женщина являлась Какимъ-то чистымъ божествомъ. Владѣя чувствами, умомъ, Она сіяла совершенствомъ Предъ ней я таялъ въ тишинѣ; Ея любовь казалась мпѣ Недосягаемымъ блаженствомъ. Жить, умереть у милыхъ ногъ — Инаго я желать не могъ.

То вдругъ ее я ненавидълъ, И трепеталъ, и слезы лилъ,

Съ тоской и ужасомъ въ ней видёлъ Созданье злобныхъ, тайныхъ силъ; Ея пронзительные взоры, Улыбка, голосъ, разговоры. Все было въ ней отравлено, Измёной злой напоено. Все въ ней алкало слевъ и стона, Питалось кровію моей....
То вдругъ я мраморъ видёлъ въ ней Передъ мольбой Пигмаліона Еще холодной и нёмой.
Но вскорё жаркой и живой.

Словами въщаго поэта
Сказать и мит позволено:
Темира, Дафиа и Лилета —
Какъ сонъ забыты мной давно.
Но есть одна межъ ихъ толною....
Я долго быль плтненъ одною...
Но быль-ли я любимъ, и къмъ,
И гдъ, и долго-ли?... Зачъмъ
Вамъ это знать? не въ этомъ дъло!
Что было, то прошло, то вздоръ;
А дъло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мит ужъ сердце охладъло,
Закрылось для любви оно.
И все въ немъ пусто и темно.

Дознался я, что дамы сами, Душевной тайнѣ измѣия, Не могутъ надивиться нами, Себя по совѣсти цѣия. Восторги наши своенравны Имъ очень кажутся забавны, И право, съ нашей стороны Мы непростительно смѣшны. Закабалясь неосторожно, Мы ихъ любви въ награду ждемъ, Любовь въ безуміи зовемъ, Какъ-будто требовать возможно Отъ мотыльковъ иль отъ лидей И чувствъ глубокихъ и страстей. Изъ второй главы конецъ VII-й строфы (стр. 35):

И міра новый блескъ и шумъ Обворожили южный умъ Онъ вѣдаль трудъ и вдохновенье И освѣжительный покой. . . . . Къ чему-то жизни молодой Непзъяснимое влеченье.... Страстей кипящихъ пиръ И бури ихъ, и сладый міръ.

(Ленскій и его стихотворенія).

Не півль порочной онъ забавы, Не півль презрительных цирцей: Онъ оскорблять гнушался нравы Прелестной лирою своей. Поклонникъ истиннаго счастья. Не славиль нівти, сладострастья, Какъ тотъ, чья хладная душа, Постыдной нівтою дыша

Напрасно шалостей младыхъ Передаете впечатлянье Вы намъ въ элегіяхъ свопхъ!

Напрасно вѣтряная младость Васъ любитъ славить на пирахъ; Хранитъ и въ сердцѣ, и въ устахъ Стиховъ извѣженную сладость, И на ухо стыдливыхъ дѣвъ Ихъ шепчетъ, ребость одолѣвъ!

Пустыми звуками, словами Вы стете развратно зло.... Извим любви, скажите сами Какое ваше ремесло? Передъ судилищемъ Паллады Вамъ нётъ вёнца, вамъ нёть награды.

Прійдеть ужасний мигъ. .. Твои небесны очи Покроются. мой другъ, туманомъ вѣчной ночи, Молчанье вѣчное твои сомкнетъ уста — Ты навсегда сойдешь въ тѣ мрачныя мѣста, Гдѣ прадѣдовъ твоихъ почіютъ мощи хладны; Но я, дотолѣ твой поклонникъ безотрадный, Въ обитель скорбную сойду печально за тобой И сяду близъ тебя, недвижный и нѣмой....

Надеждой сладостной младенчески диша, Когда-бы върилъ я, что нъкогда душа. Могилу переживъ, уноситъ мысли въчны. И намять, и любовь въ пучины безконечны — Клянусь! давно-бы я ноквиулъ трустный міръ....

Узналь-бы я предёль восторговь, наслажденій. Предёль, гдё смертп нёть, гдё нёть предразсужденій, Гдё мысль одна живеть въ небесной чистотё; Но тщетно предаюсь плённтельной мечтё!

Мий страшно ... И на жизнь гляжу печально вновь, И долго жить хочу, чтобъ долго образъ милой Тапися и пылалъ въ душт моей унылой!

. . . .

Къ XVII строфѣ (стр. 40):

Страсть къ банку! ни любовь свободы, Ни Фебъ, ни дружба, ни перы Не отвлекли-бъ въ минувши годы Меня отъ карточной нгры. Задумчивый, всю ночь до свѣта Бывалъ готовъ я въ эти лѣта Допрашивать судьбы завѣтъ: На лѣво-ль выпадаетъ валетъ? Уже раздался звонъ. Средн разбросанных колодъ Дремалъ усталый банкометъ, А я все тотъ-же бодръ и блёденъ, Надежды полнъ, закрывъ глаза Гнулъ уголъ третьяго туза.

Ужъ я не тотъ, и хладнокровнъй Ввъряясь вътряной мечтъ, Не ставлю грозно карты темной Замътя тайное руте. Мълокъ оставилъ я въ покоъ: «Атанде»— слово роковое Мнъ не приходитъ на языкъ Отъ рнемы тоже я отвыкъ Что буду дълать? Между нами Всъмъ этимъ утомился я. На дняхъ попробую, друзья, Заняться бълыми стихами.

Изъ XXIII строфы (стр 43):

Ни дура Англійской породы, Ни своенравная мамзель (Благодаря уставамъ моды Необходимыя досель) ІІе баловали Ольги милой. Өадъевна рукою хилой Ея качала колыбель.... Она-жъ за Ольгою ходила, Стлала ей дътскую постель, «Помилуй мя» читать учила, Бову средь ночи говорила. Поутру наливала чай — И баловала невзначай.

Окончаніе второй главы (стр. 52):

Но можеть быть (и это даже Правдоподобнёе сто разь) Изорванный, въ пыли и сажѣ, Мой недочитанний разсказъ,

Съ . . . изгнанъ изъ уборной,

Къ 3 главъ, къ строфъ Х, (стр 57).

Увы, друзья! мелькають годы — И съ ними вслёдъ одна другой. Мелькають вётряныя моды Разнообразной чередой Все измёнилося въ природё! Ламушъ и фижмы были въ модё; Придворный франтъ и ростовщикъ Носили пудреный парикъ; Бъвало, нёжные поэты. Въ надеждё славы и похвалъ, Точили тонкій мадригалъ Иль остроумные куплеты; Бывало, храбрый генералъ Служилъ — и грамоты пе зналъ

Къ 3 главъ, къ строфъ XXV, (стр. 64)

О вы! которыя любили
Безь позволенія родныхъ
И сердце нѣжное хранили
Для впечатлѣній молодыхъ,
Дла радостей, для нѣги сладкой —
Дѣвицы! если вамъ украдкой
Случалось тайную печать
Съ письма любезнаго срывать,
Иль робко въ дерзостныя руки
Завѣтный локонъ отдавать,
Иль даже молча дозволять
Въ мивуту горькую разлуки
Дрожащій поцѣлуй любви,
Въ слезахъ, съ волненіемъ въ крови, —

Не осуждайте безусловно Татьяны вътреной моей; Не повторяйте хладнокровно Ръшенья чопорныхъ судей. А вы, о дъвы безъ упрёка! Которыхъ даже ръчь порока Страшитъ сегодня какъ змія — Совътую вамъ тоже я. Кто знаетъ? пламенной тоскою Сгорите, можетъ быть, и ви — И завтра легкій судъ молвы Припишетъ модному герою Побъды новой торжество: Любви васъ ишетъ божество.

Изъ третьей главы, послѣ XXXV строфы (стр. 72).

.... Внукъ нянинъ воротился.
«Ну чтожъ сосёдъ?« — «Верхомъ садился И положилъ письмо въ карманъ,
Татьяна. — Вотъ и весь романъ!
Теперь какъ сердце въ ней забилось!
О Боже, страхъ и стыдъ какой!
Въ груди дыханіе стёснилось...

Па мать она глядёть не смёсть: То вся горить, то вся блёднёсть, При ней, потупя взорь, молчить.... И чуть не плачеть....

Изъ четвертой главы, къ строфъ XVII.

Но ты губернія Псковсвая,
Теплица юных дней моихы!
Что можеть быть, страна святая,
Несносньй барышень твонхъ
Плаксивыхъ, скучныхъ, своенравныхъ?...
Какъ разговоръ ихъ пустъ и сухъ,
Какъ мысли пошлы, стародавни —
Но уважая русскій духъ
Простель-бы имъ ихъ сплетни, чванство,
Фамильныхъ шутовъ остроту,

Пороки, зубъ нечистоту И неопрятность, и жеманство. Но какъ простить имъ модный бредъ И неуклюжій этикетъ?

Изъ седьмой главы, VIII, IX, (стр. 143):

Разъ, вечернею порою,
Одна изъ дѣвъ сюда пришла;
Казалось тайною тоскою
Она встревожена была.
Объятая невольнымъ страхомъ,
Она въ слезахъ предъ милымъ прахомъ
Стояла голову склонивъ
И руки съ трепетомъ сложивъ;
По тутъ посиѣшными шагами,
Красуясь черными усами,
Ее настигъ младой уланъ.
Затянутъ, статенъ в румянъ.

Нагнувъ широкія плеча, И гордо шпорами звуча

Она на воина взглянула: Горълъ досадой взоръ его,

И тихо руку протянула, Но не сказала ничего. И молча, Ленскаго невъста. Отъ спротъющаго мъста Съ нимъ удалилась, и съ тъхъ поръ Ужъ не являлась изъ-за горъ.

Къ XI строфф, послъ стиха:« И міръ ему закрыть и ньмъ « (стр. 146).

По крайней мёрё, изъ могилы
Не вышла въ сей печальный день
Его ревнующая тёнь
' И въ поздній часъ, Гимену милий,

Не испугали молодыхъ Слъды явленій гробовыхъ....

Изъ осьной главы (стр. 168):

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея Я безмятежно разцвѣталъ, Читалъ охотно Елисея, А Цицерона проклиналъ; Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ рѣдкой Не предпочелъ-бы мячикъ мѣткой, Считалъ схоластику за вздоръ, И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ; Когда порой бывалъ црилеженъ, Порой лѣчивъ, порой упрямъ, Порой лукавъ, порой прямъ, Порой смиренъ, порой мятеженъ, Порой смиренъ, молчаливъ, Порой сердечно говорливъ.

II.

Когда въ забвеньи передъ классомъ
Порой теряль я взоръ и слухъ,
И говорить старался басомъ,
И стригъ падъ губой первый пухъ,
Въ тъ дни.... въ тъ дни, когда внервые
Замътилъ я черты живыя
Прелестной дъвы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
Вездъ искаль ея слъдовъ,
О ней задумывался нъжно,
Весь день минутной встръчи ждалъ
И счастье тайныхъ мукъ узналъ....

III.

Въ тѣ дии, во мглѣ дубравныхъ сводовъ, Близъ водъ, текущихъ въ тяшинѣ, Въ углахъ лицейскихъ переходовъ Являться Муза стала мнѣ. Моя студенческая келья, Доселѣ чуждая веселья, Вдругъ озарилась! Муза въ ней Открыла пиръ своихъ затѣй. Простите хладныя науки! Простите игры первыхъ лѣть! Я измѣнился, я поэтъ. .. Въ душѣ моей едины звуки Переливаются, живутъ, Въ размѣры сладкіе бѣгутъ.

TV

Вездѣ со мной, неутомима
Мнѣ Муза пѣла, иѣла вновь,
(Атогет canat aetas prima) *)
Все про любовь, да про любовь ..
Я вториль ей; младые други,
Въ освобожденные досуги,
Любили слушать голосъ мой....
Они пристрастною душой,
Ревнуя къ братскому союзу,
Мнѣ первый поднесли вѣнепъ,
Чтобъ имъ украсиль ихъ пѣвецъ
Свою застѣнчивую Музу.
О торжество невинныхъ дней:
Твой сладокъ сонъ душѣ моей!

Примъч, П. В. Анненкова.

^{*) «}Юность пость про любовь». Этотъ стихъ Проперція публь у Пушкина еще другой, такъ сказать, подставной стихъ. Сверху отрывка карандашемъ написано:

[«]И первой нъжностью томина».

альбомъ онъгина.

I.

Въ сафьянь, по краямъ окованъ, Замкнутъ серебрянымъ замкомъ, Опъ былъ исписанъ, изрисованъ Рукой Онъ́гина кругомъ. Среди безсвязнаго маранья Мелькали мысли, примъчанья, Портреты, буквы, имена И думы тайной письмена.

II.

Когда-бы грузъ меня гнетущій Выль страсть... несчастіе — Такъ напряженьемъ воли твердой Мы страсть безумную смиримъ, Въду снесемъ душею гордой, Печаль надеждой усладимъ... Но скуку? чъмъ ее смиримъ?

III.

Вчера быль день довольно скучный; Чего-же такь хотёлось ей? Сказать-ли первыя три буввы; Клю.... клю.... Возможно-ль? — Клюквы!

I٧.

Конечно, преспрать не трудно Отдѣльно каждаго глупца. Сердиться также безразсудно И на отдѣльнаго срамца:

Но чудно! Всёхъ вмёстё презирать ихъ трудно.

٧.

Строгій світь Смягчиль свои предубіжденья

Или простидъ мев заблужденья, Давно минувшихъ темныхъ лётъ....

VI.

Смѣшонъ, конечно, важный моднивъ, Систематическій Фоблазъ, Красавицъ записной угоднивъ (Хоть но-дѣломъ онъ мучитъ васъ); Но жаловъ тотъ, кто безъ искусства Души возвышенныя чувства, Прелестной вѣруя мечтѣ, Приноситъ въ жертву красотѣ!....

VII.

Т . . . . *) правъ, когда такъ върно васъ Сравниль онь съ радугой живою: Вы милы, какъ она для глазъ И. какъ она, премънчивы душою. И съ розой схожи вы, блеснувшею весной: Вы также, какъ она, предъ нами Цвътете пышною красой, И также колетесь — Богь съ вами! Но болће всего сравненіе съ ключемъ Мнѣ нравится: я радъ ему сердечно! Да, чисты вы, какъ онъ, и сердцемъ, и умомъ, И также колодны, конечно! Сравненья прочія не столько хороши; Поэтъ не виноватъ — сравненья неудобны. Вы прелестью лица и прелестью души, Къ несчастью, безнолобии!

VIII.

Увы!... Языкъ любви болтанвый, Языкъ невинный и простой, Своей прозой нерадивый Тебъ докученъ, ангелъ мой! Ты любншь мърные напъвы,

^{°)} Въроятно Туманскій. lib.pushk^тт^тskijdom.ru

Ты любишь рифмы гордый звонъ, И сладокъ уху милой дёвы Честолюбивый Аполлонт! Тебя страшитъ любви признанье: Письмо любви ты разорвешь, Но стихотворное посланье Съ улыбкой нёжною прочтешь!

Изъ письма Онфгина къ Татьянф:

Я позабиль вашь образь мелый, Ръчей стыдливыхъ нъжный звукъ, И жизнь сокрыль въ душь унылой, Какъ искупительный недугъ....

Тавъ я безумецъ — и ужели Я слишкомъ многаго прошу? Когда-бъ хоть тѣнь вы разумѣли Того, что въ сердцѣ я ношу....

И что-же? Вотъ чего хочу. Пройду немного съ вами рядомъ, Упьюсь по капат сладкимъ ядомъ, И, благодарный, замолчу....

Изъ неотдёланнаго эпизода встрёчи Пушкина съ Онёгинымъ:

Недолго вивств мы бродили
По берегамъ Эвесинскихъ водъ:
Судьбы насъ снова разлучили
И намъ назначили походъ.
Онвгинъ очень охлажденный,
И твмъ, что видвлъ пресыщенный,
Пустился къ Невскимъ берегамъ,
А я отъ милихъ Южинхъ дамъ
Отъ.... устрицъ Черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ

Уфхаль въ тфнь лфсовъ Тригорскихъ,

Въ далекій Сѣверный уѣздъ — И былъ печаленъ мой пріѣздъ.

IX.

Меня не любять и клевещуть; Въ кругу мужчинъ несносенъ я, Дѣвчонки предо мной трепещуть, Косятся дамы на меня. За что? За то, что разговоры Принять мы рады за дѣла, что вздорнымъ людямъ важны вздоры. Что глупость вѣтрена и зла. Что пылкихъ душъ неосторожность Самолюбивую ничтожность Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ, что умъ, любя просторъ, тѣсвитъ.

X.

Бонтесь вы Гра — овой? Сказала имъ Элиза К. Да, возразниъ NN суровый, Боимся мы Гра — овой, Какъ вы бонтесь паука.

XI.

Въ Коранъ много мислей здравыхъ. Вотъ напримъръ: «Предъ каждымъ сномъ Молись; бъги путей лукавыхъ, Чти правду, и не спорь съ глупцомь,»

XII.

Цвётокъ полей, листокъ дубравъ Въ ручье Кавказскомъ каменетть; Въ волненьи жизни такъ мертвесть И ветреный и пылкій правъ.

XIII.

ПІсстаго, Быль у В. на балѣ: Довольно пусто было вы залѣ. R. С. какъ ангель хороша: Какая вольность въ обхожденьи! Въ улюбкъ, въ томномъ глазъ движеньи Какая нъга и душа!

XIV.

Вечоръ сказала мив R. С.: Давно желала я васъ видёть. «Зачёмъ? — Мив говорили всё, Что я васъ буду ненавидёть. — «За что? — За рѣзкій разговоръ, За легкомысленное миѣнье «О всемъ, за колкое презрѣнье «Ко всѣмъ. Однако-жъ это вздоръ. Вы надо мной смѣяться властны, Но вы совсѣмъ не такъ опасны; И знали-ль вы до сей поры, «Что просто — очень вы добры? —

XY.

Совровища роднаго слова,
Замътять важные умы;
Для лепетанія чужаго
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музь чужихъ игрушки.
Чужихъ наръчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Да гдъ-жъ онъ? давайте ихъ!
Конечно: съверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любитъ мой Славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены: но дорожитъ
Одними-ль звуками піятъ?

XVI.

И гдѣ-жъ ми первия познанья И мисли нервия нашли? Гдѣ повѣряемъ испытанья,

Гдѣ узнаемъ судьбу земля? Не въ переводахъ адичалыхъ, Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ, Гдѣ Русскій умъ и Русскій духъ Зады твердитъ и джетъ за двухъ. Поэты наши переводятъ, Или молчатъ; одинъ журналъ Исполненъ приторныхъ похвалъ, Тотъ брани плоской; всѣ наводятъ Зѣвоту скуки, чутъ не сонъ: Хорошъ Россійскій Геликонъ!

XVII.

Морозъ и сслице: чудный день! Но нашимъ дамамъ видно лѣнь Сойти съ крыльца и надъ Невою Блеснуть холодной красотою; Сидятъ — напрасно ихъ манетъ Пескомъ усыпанный гранитъ. Умна воеточная система, И правъ обычай стариковъ: Онѣ родились для гарема Иль для неволи....

XVIII.

Вчера, у В. оставл пира,

R. С. летъла какъ зефиръ.

Не внемля жалобамъ и пънямъ,

А мы но лаковымъ ступенямъ
Летъли шумною толной

За Одалиской молодой.

Послъдній звукт, послъдней ръчи

Я отъ нея поймать усиълъ;

Я чернымъ соболемъ одълъ
Ея блистающія плечи;

На кудри милой головы

Я шаль зеленую накинулъ;

Я предъ Венерою Невы

Толиу влюбленную раздвинулъ.

XIX.

Сегодня быль я ей представлень. Глядъль на мужа съ полчаса:
Онъ важень, красить волоса,
Онь чиномь отъ ума избавлень

(Къ строфѣ XXIII, главы 7.)

приписки къ Е. Онъгину.

I.

Вы за Онѣгина совѣтуете, други,
Опять приняться миѣ въ осенніе досуги;
Вы говорите миѣ: «Онъ живъ и не женатъ —
И такъ еще романъ не конченъ: это бладъ!
Въ его свободную, вмѣстительную раму
Ты вставишь рядъ картинъ, откроешь діораму;
Прихлынетъ публика, платя тебѣ за входъ,
Что дастъ тебѣ еще и славу и доходъ».

Ножалуй, л-бы радъ.

II.

Въ мои осенніе досуги,
Въ тъ дни, какъ любо мит писать —
Вы мит совтуете, други,
Разсказъ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Романъ, не коича, прерывать....

Что долженъ своего героя, Какъ-бы то ни было, женить, По крайней мѣрѣ — уморить, И лица прочія пристроя, Отдавъ имъ дружескій поклонъ, Изъ лабиринта выслать вонъIII.

Вы говорите: «Слава Богу!
Покамъстъ твой Онъгиять живъ,
Романъ не конченъ. По немногу
Пиши-жъ его — не будь лъннъъ.
Со славы, внявъ ея призванью,
Сбирай оброкъ хвалой и бранью,
Рисуй и франтовъ городскихъ,
И мијыхъ барышень своихъ,
Войну, и балъ. . . . . . .
Чердакъ, и келью, и хоромы —
И съ нашей нублики за то
Бери умъренную плату:
За книжку по пяти рублей —
Налогъ нетягостний ей, ей!»

ПЕРЕВОДЫ ЕВГЕНІЯ ОНЪГИНА.

- 1. Французскій, въ прозъ, въ внигь; Oeuvres choisies de A. Pouchkine, par Dupont, t. I. (Paris 1847).
- 2 Pouchkine Eugène Onéguine, traduit du russe par Paul Béesau. Paris 1868. 12. 215 р. (Переводъ и біографическій очеркъ Пушкина).
- 3. Нёмецкіе: 1) A. Puschkin's poetische Werke, übersetzt von F. Bodenstedt, t. II. (Berlin, 1854) нереводь въ стихахъ и 2) отрывовъ изъ первой главы, въ стихахъ, въ журналъ Innland, 1852, № 3.
- 4. Польскій: Eugieniusz Oniegin. Roman Alexsandra Ризжина. Pzerlad Adama Sikorskiego. Wilno, 1847, въ 8 д. л., стр. 149 и еще страница поправокъ. (Переводъ въ стихахъ).
- 5. Италіянскіє: 1) въ прозѣ: въ книгѣ; Racconti poetici di A. Puschkin, tradotti da L. Delatre, 1856. Firenze. 2) Eugenio Oneghin. Romanzo russo in versi. Trad. in prosa italiana dalla signora A. В. Nizza, 1858. 8°. (Переводъ Анни Безобразовой).

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ, 1825, (стр. 205).

Борисъ Годуновъ. Спб. Въ тип. Деп. Нар. Просв. 1831, въ 8 д. л. 142 стр.

Въ нашемъ изданіи вставлены въ текстъ двѣ сцены (изъ посм. изданія, т. ІХ). Одна изъ нихъ: въ замкѣ Мнишка, между Мариной п Рузой, была помѣщена прежде въ Современникѣ, т. Х, (1838, № 2), стр. 152.—Въ примѣчаніяхъ П. В. Анненкова сообщены мѣста, выпущенныя въ енигѣ, печатанной Пушкинымъ. Передаемъ ихъ здѣсъ:

Послѣ словъ Гришки: Вотъ тебѣ, бабушка Юрьевъ день.,
 (стр. 227). Варлаамъ говоритъ еще въ рукописи:

Варлаамъ.

«Эй товарищъ! да ты къ хозяйкъ присусъдился. Знать не нужна тебъ водка, а нужна молодка: дъло. братъ, дъло! У всякаго свой обычай, а у насъ съ отцемъ Мисанломъ одна заботушка, пьемъ до донушка, выпьемъ поворотямъ и въ донышко поколотимъ.

Мисаилъ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ....

Григорій.

Да кого-же имъ надобно?» и проч.

•Довольно любопытно, говорить П. В. Анненковъ, что, пѣсенка, которую поетъ Варлаамъ сначала, три раза измѣнена Пушкинымъ. Сперва онъ пѣлъ у него: «Ты проходишь дорогая», и проч., потомъ:

«Ахъ, люба ты, люба моя, Посмотритка ты, люба, на меня»,

и наконецъ уже: •Како во городю было во Казани •.

II. «Второй пропускъ относится до сцены въ Царскихъ палатахъ съ Царевнчемъ, Царевной Ксеніей и съ ея мамкой. (стр. 246). Въ рукописи она начинается такъ:

Ксенія (держить портреть.)

• Что-жъ уста твои Не промольили, Очи ясныя Не прогляпули? Аль уста твои

Затворилися, Очи ясныя Закатилися?

Братецъ, а братецъ! скажи: Королевичъ похожъ былъ на мой образокъ?

Оволоръ.

Я говорю тебь, что похожь.

Ксенія (цёлуеть портреть.)

• Милый мой жених»;—далее какь въ печатномъ текств.

111. • Третій пропускъ, и уже весьма значительный, находится въ сценъ пріема Дже-Димитріемъ въ Краковъ, въ домъ Вишневецкаго, Польскихъ людей и Русскихъ выходцевъ, (Стр.254). Самозванецъ въ рукописи ведеть еще долгую ръчь съ Хрущовымъ. •

Самозванецъ.

«Лишь дайте мив добраться до Москвы, А тамъ уже Борисъ со мной и съ вами Расплатится. Что-жъ новато въ Москвъ?

Хрушовъ.

Все тихо тамъ еще. Но ужъ народъ Спасеніе Царевича провъдаль, Ужъ грамоту твою вездъ читаютъ. Всъ ждуть тебя. Недавно двухъ Бояръ Борисъ вазниль за то, что за столомъ Они твое здоровье тайно пили.

Самозванецъ.

О добрые, несчастные Бояре Но кровь за кровы! и горе Годунову! Что говорять о немь?

Хрущовъ.

Онъ удалелся Въ печальныя свои палаты. Грозевъ И мрачевъ онъ. Ждутъ казней. Но недугъ Его грызетъ. Борисъ едва влачится

И думаетъ, его послѣдній часъ Ужъ не далекъ.

Самозванецъ.

Какъ врагъ великодушный Борису я желаю смерти скорой: Не то бъда злодъю! А кого Наслъдникомъ наръчь намъренъ онъ?

Хрушовъ.

Онъ замысловъ своихъ не объявляетъ, Но кажется, что молодова сына, Өеодора (*) прочитъ намъ въ цари.

Санозванецъ.

Въ разсчетахъ онъ быть можетъ ошибется. Ты вто?

Карела.

Казакъ къ тебъ....

далье вавъ въ печатномъ текстъ.

Въ той-же сценъ при представленіи поэта и послъ стиха. Самозванца: «И я люблю Парнасскіе цвъты» въ рукописи есть еще добавленіе:

Самозванецъ (читаетъ про себя.)

Хрущовъ (тихо Пушкину.)

Кто сей?

Пушкинъ.

Пінтъ.

Хрущовъ.

Какое-жъ это званье?

^(*) Въроятно опущено слово: •онъ•. lib.pushkinskiidom.ru

Пупсинъ.

Какъ-бы сказать по-Русски? Виршеписецъ, Иль скоморохъ.

Самозваницъ.

Прекрасные стихи!

Далье остальная половина рычи Самозванца какь въ печати.

IV. Кром'в того въ Матеріалахъ П. В. Анненкова (стр. 144), находимъ сл'адующее м'юсто изъ рукописи, зам'яненное, въ напечатанномъ монолог'я Пимена двумя стихами: «Немного лицъ» и т. д:

«Передо мной опять выходять люди,
Уже давно покинувшіе мірь,
Властители, которымъ быль покорень,
И недруги, и старые друзья—
Товарищи моей цвътущей жизни....
Какъ ласки ихъ мнъ радостны бывали,
Какъ живо жили мнъ сердце ихъ обиды!
Но гдъ-же ихъ знакомый ликъ и страсти?
Чуть-чуть ихъ слъдъ ложится легеой тънью—
И мнъ давно. давно пора за ними!...»

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ, 1830 г. (стр. 312.)

Въ Современникъ, т. І, (1836, стр. 140), съ поднисью бувви Р.— Посм. изданіе І, 417.—Въ обонхъ изданіяхъ вимышленная приписка Пушкина, будто піэса заимствована изъ Ченстоновой тразикомедін: «The caveteous Knigth», неизвъстный въ англійской литературъ. (Объ этомъ см. Матеріалы, стр. 286).—Въ рукописи помътка окончанія сцены: 25 Октября 1830 г. Болдино.

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ, 1830 г. (стр. 332.)

Сѣв. Цвѣты (1832). Съ подписью: А. Пушкиля и помѣтьою: 26 Октября 1830. — Стихотворенія 1882, III. — Посм изданіе, І, 399.—Изд. 1855. IV, 365.—Въ примѣчаніи, стр. 460, II. В. Анненковъ указываеть на отдѣльное изданіе этой сцены вмѣстѣ съ другими стихотвореніями Пушкина изъ Сѣв. Цвѣтовъ 1832 г.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ, 1830 г. (стр. 343.)

Сто русскихъ литераторовъ, 1839 г. Съ помъткою: 4 Ноября 1856. (Это ошибка; должно быть 1830; см. Матеріалы, стр. 289).— Посм. изд. 1X, 27. Въ концъ помътка: 4 Ноября 1856, с. Болоипо.—Изд. 1855. IV. 377.—Въ иримъчаніи (стр. 461) выражено предположеніе, что во второй сценъ, гдъ Лаура поетъ, можно вставить романсы: Ночной Зефиръ и Я эдись Инезилья, написанные вскоръ послъ драмы и, въроятно, для нее.

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ, 1830 г. (стр. 379.)

Въ Альціонъ 1832 (стр. 19).—Въ изд. 1832, III, 62.

(Изъ Вильсомовой трагедіи: • The city of the plague •).

РУСАЛКА, 1832 г. (стр. 389.)

Въ матеріалахъ П. Анненкова, стр. 364, переданъ изъ рукописи слъдующій отрывокъ, конецъ второй сцены (стр. 444), не попавшій въ печать:

Мутить нарочно княжескую свадьбу.

Ба! это что? Да это годосъ виязя...

(Дѣвушка подъ покрываломъ переходитъ черезъ комнату.)

Ты вильла?

Свака

Да, видела.

Князь (вибфгаеть.)

Держите!

Гоните со двора ее долой! Вотъ слѣдъ ея—съ нее вода течетъ.

Дружко.

Юродивая, можетъ статься. Слуги, Смъясь надъ ней, ее, знать, окатили.

Князь.

Ступай прикрикни ты на нихъ. Какъ смѣли Надъ нею издѣваться и ко мнѣ Впустить ее? (уходить.)

Дружко.

Ей-Богу это странно Кто тамъ? (входять слуги.) Зачёмь пустили эту дёвку?

CAFFA.

Какую?

Дружко

Мокрую.

CAYCA

Мы мокрыхъ дёвосъ

Не видали.

Дружко.

Куда-жъ она дѣвалась?

CAFCA.

Не въдаемъ.

CBAXA.

Окъ, сердце замираетъ Иътъ, это не къ добру.

Дружко.

Ступайте вонъ,

Да ни кого, смотрите, не впускайте. Пойти—ко мит садиться на коня. Прощай, кума!

CRAXA.

Охъ, сердце не на мѣстѣ. Не въ пору сладили мы эту свадьбу.

ПЕРЕВОДЫ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

Борисъ Годуновъ на французскомъ: 1) въ прозъ, Дюнона, (Oeuvres choisies de Pouchkine, t. I.) 2) въ прозъ, въ книгъ: Oeuvres dramatiques de Pouchkine, traduites par Michel M. Paris, 1858, въ 18 д. л.

- Нёмецкіе переводы, въстихахъ, 1) въ книгѣ: Russische Bibliothek, von K. Knorring. 2. Heft. Reval, 1831, въ 8 д л Х и 161 сгр; 2) Р. Липперта: Alex. Puschkin's Dichtungen, 2 В Leipzig, 1840, въ 8 д. л.; 3) Боденштедта: A. Puschkin's poetische Werke, 3. В. Berlin, 1854; 3) Boris Godunoff. Ein geschichtliches Drama von A. Puschkin. Aus dem Russ. übersezt. Leipzig. 1853, въ 8 д. л. 93 стр
- Чешскій переводь, въ стихахь, въ енигь: Vybor basni A. Puskina. Vidává V. C. Bendl. V Pisku, 1859. (Здысь и поэмы Пушкина).
- Каменный гость, Моцарть и Сальери и Русалка переведены на ивмецкій языкъ Боденттедтомъ и на французскій въ книгв Oeuvres dramatiques de Pouchkine, Paris. 1858.
- Скупой рыцарь на польскомъ въ переводъ М. Шимановскаго въ Денницъ, ч. II, (Варшава, 4843.)
- Poemes dramatiques de Pouchkin. Trad. du russe par I. Tourgueneff et L. Viardot. Paris. 1853, 120. 279 p.

COMEPHABLE TRETBATO TOMA.

ОТДЪЛЪ ТРЕТІЙ.

ВВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ. РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

													CTP.
Посвященіе													
Глава первая													
Глава вторая													
Глава третья	•	٠	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	52
Глава четвертая													
Глава пятая													
Глава шестая	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	120
Глава шестая		•		•	•	•	•	•	•	·	•	•	142
Глава восьная		•	•	•	•	•	·	•	•	Ċ	•	Ī	168
Отрывки изъ путешествія													
	-			•	•	•	•	-	-	•	•		
ПРОИЗВЕДЕН Борисъ Голуновъ Сцепа изъ Бориса Гедуно													205 304
HAML	AT I	14E	CEI	i Ci	ÇE H	ษ:							
I. Сцена изъ Фауста .		•											307
II. Скупой рыцарь		Ċ	•				•						
III. Моцартъ и Сальери	•	•	•	•	•	•	•	•					312
TTA II	•	•	-			•	-	•	-				312
IV Каменный гость.			_	•									312 332
IV. Каменный гость V. Пиръ во время чумы					•				•				312 332 343
V. Пиръ во время чумы VI. Русалка			•	•	•			•	•				312 332 343 379